

ГЛАВА 3. ГОД 1812

*Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?*

А.С. Пушкин

Со времен Вестфальского мира основой международных отношений в Западной Европе было некое равновесие сил, в котором главную роль играли экономические, социально-политические и военные позиции великих европейских держав. Они постоянно конкурировали друг с другом, враждовали, создавали коалиции, втягивая в них малые страны Европы, но ни одна из великих держав не была абсолютной доминирующей силой в Европе. Это создавало в Европе в целом позитивный фон, позволявший всем европейским народам так или иначе, но развиваться динамично и быстро. Процесс модернизации, охвативший европейский мир еще в XV столетии и невероятно ускорившийся в XVIII — начале XIX в. сделал Европу самой развитой частью человечества.

Наполеон, великий полководец, полагал, что с помощью военной силы можно разрушить европейское равновесие сил и создать новую систему, построенную на доминанте Франции. Франция будет лидировать в европейском (а, следовательно, и в мировом) пространстве, как некогда лидировала Великая Римская империя, олицетворяя венец цивилизации... Ведущие позиции Франции в континентальном европейском пространстве со времен Вестфальского мира и рывок, сделанный в ходе Великой Французской буржуазной революции 1789 — 1799 гг., казалось, создавали предпосылки для реализации мечты о мировом господстве Французской империи.

Однако интересы, а главное мощь, иных великих европейских держав — Великобритании, России, Австрии, Пруссии, как и национальные интересы многочисленных европейских народов, не могли согласиться на подобный переворот в европейской истории. «18 брюмера» в европейском масштабе объективно было невозможно. Неслучайно хитрейший из хитрых, талантливый французский дипломат Талейран после Тильзита предпочел сменить пост министра иностранных дел Франции на высокооплачиваемую должность тайного русского агента.

Внешняя политика, как и политика внутренняя, — это искусство возможного!

Император Наполеон был гением, но желал невозможного...

*Различные изображения герба
России при Александре I*

1. В ПРЕДВЕРИИ ВОЙНЫ...

Состояние России к 1812 г.

- **Экономика, общество, власть**

Население России к 1812 г. составило 36 млн человек.

В экономическом плане — это была аграрная страна с экстенсивной средневековой технологией сельского хозяйства, что, впрочем, не помешало России стать главным в мире экспортером зерна. Развитие старого земледелия «вширь» вполне обеспечивало внешне-торговый успех России. Если в конце XVIII в. Россия вывозила 233 тыс. четвертей хлеба, то в 1804 г. — уже 2 млн четвертей. Но не надо преувеличивать «вес» экспортного хлеба,

поставляемого помещиками, в торговом балансе России. По стоимости в начале XIX в. он составлял 15% русского экспорта. Большую часть экспортного дохода приносили другие сырьевые экспортные товары (ворвань, лес, пенька, смальцут и т.д.), а также поставки за рубеж металлов.

Русские пистолеты конца XVIII – начала XIX вв. Тульский оружейный завод

Промышленная революция, охватившая западноевропейские страны, Россию еще не затронула, хотя мануфактурная ее индустрия развивалась и позволяла в основном обеспечивать армию и горожан необходимыми промышленными товарами. Предметы роскоши, востребованные социальной элитой, везли из-за рубежа. В 1804 г. в России насчитывалось 1 тыс. мануфактур (полотняных, суконных, стекольных, бумагопрядилен и т.д.) и 190 очень крупных по мировым представлениям того времени металлургических мануфактур. В промышленности было занято 95 тыс. рабочих, из них 45 тыс. составляли вольнонаемные (свободные люди и отпущенные на отход крепостные). Ведущей отраслью русской промышленности, как и в XVIII в., являлась металлургия, тесно связанная с производством оружия для армии. Как ни парадоксально,

но русская технически отсталая мануфактурная металлургия производила более 1/3 мирового производства железа. К примеру, в 1803 г. Англия произвела 156 тыс. т железа и чугуна; Франция — 85 тыс. т; а Россия — 163,4 тыс. т.

В социальном плане картина была такая: 9/10 населения составляли крестьяне. Из них крепостных было 10,5 млн человек; государственных — 6,7 млн человек; удельных (принадлежавших царской семье) — 700 тыс. человек. Среди дворян-помещиков выделялась крайне узкая группа богатейших владельцев (3% от общей численности дворян в 110 тыс. семей), которым принадлежало около 60% всех крепостных.

Однако модернизация в социальной области в России все же наблюдалась. Еще со времен Екатерины II владельцы мануфактур стали предпочитать вольнонаемный труд (свободных людей или отпущенных на оброк крепостных), а правительство поднимало социальный статус нарождающейся буржуазии. Эту линию, отчетливо продемонстрированную Екатериной II в отмене монополий, провозглашении свободы предпринимательства и «Жалованной грамоте городам», продолжил Александр I. В 1801 г. указом царя позволили всем за исключением крепостных покупать в частную собственность землю.

*Крестьянский обед в поле.
Худ. К.Е. Маковский. 1871 г.*

*Кремль начала XIX в.
Мастерская Ф.А. Алексева*

*Петербург нач. XIX в. Невский проспект.
Полицейский мост*

В 1803 г. указ о вольных хлебопашцах дал право помещикам за выкуп отпускать крепостных на волю с землей. В 1804 – 1806 гг. началась подготовка к отмене крепостного права в Лифляндии и Эстляндии, завершившаяся в 1816 – 1819 гг. Манифест от 1 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод» освобождал купцов от рекрутчины в обмен на денежную компенсацию, лишал иностранных купцов их прежних привилегий в России, поощрял создание русских акционерных обществ, давал купцам 1-й и 2-й гильдий фактическое уравнение в гражданских правах с дворянами.

Процесс модернизации в политической сфере утвердил в Новое время в качестве главного принципа устройства новых политических систем принцип разделения властей, закреплённый в конституции. Мечты молодого императора Александра о конституционной монархии в России так и остались мечтами, хотя он стал конституционным монархом в ряде частей своей империи – в Финляндии с 1809 г. и в царстве Польском с 1815 г. Однако проекты для самой России – проект М.М. Сперанского, разработанный до Отечественной войны 1812 г., как и послевоенный проект, не осуществились. Россия оставалась абсолютной монархией, однако в годы тяжкой войны оказалось, что это облегчает положение верховной власти. Традиционное средневековое восприятие простым русским народом русского царя, как наместника Бога на земле, гарантировало от неповиновения простолудинов. А добрая старая сказка о «добром царе и плохих боярах», отличавшая массовое сознание россиян, причем не только простых людей, но и значительную часть элиты, всегда позволяла вывести монарха из-под критики общества, свалив всю вину за объективные трудности и правительственные просчеты на его окружение.

• **Финансовое положение России**

Войны, в которых Российская империя участвовала в XVIII – начале XIX в., держали ее финансы в большом напряжении. В 1808 г. дефицит составлял 126 млн рублей, а через год уже 157 млн. Главная причина этого состояла в увеличении расходов на вооружение. В 1807 г. министерству сухопутных сил было ассигновано 43 млн руб.; в 1808 г. на армию отпускают уже 53 млн руб.; в 1809 г. – 65 млн руб.; в 1810 г. – 92 млн руб.; в 1811 – 114 млн руб.

Для России со времен Петра I самым быстрым способом пополнения пустующей казны были заграничные займы. Сам Петр, а позднее Екатерина II обычно занимали у генуэзских и голландских банкиров под большие проценты. Однако для Александра I этот путь был закрыт – на банки Генуи и Голландии наложил руку Наполеон, сам остро нуждающийся в деньгах. Более того, в 1808 г. русскому царю срочно пришлось вернуть генуэзским банкирам старый долг в 8 млн пиастров, которые тут же забрал его «союзник».

Голландия России должна была 88 млн гульденов (их вернули только в 1898 г.); голландцы дали бы и еще, но с 1810 г. эта страна была включена в состав Французской империи (голландским королем стал младший брат Наполеона Людовик — прим. сост.) и ее средствами распорядился Наполеон, который, конечно же, запретил голландским банкирам ссужать Россию деньгами. (Бородино 1812. С. 16.)

• **Рост внутренних налогов**

Выход был один — сокращать какие-то расходы бюджета и увеличивать налоги в России. Резкому сокращению подвергся бюджет императорского двора. По указу 1809 г. «О придворных званиях» придворные чины прекратили считаться государственной службой и стали лишь почетными званиями. Это позволило сократить не только расходы на жалование большинства придворных, но и их влияние на государственную политику. (При императорском дворе было немало «стариков», консервативно настроенных и ненавидящих все либеральное и молодое окружение Александра I. Да и вообще государственное влияние придворных было явным пережитком средневековых времен.)

Основной доход дало повышение косвенных налогов, ввозных пошлин на роскошь и иные зарубежные товары, а также (невиданное прежде!) обложение налогом доходов дворянства. Последнее вызвало крайнее неудовольствие высшего сословия. Счастье для Александра, что русское дворянство всей предшествующей русской историей было приучено повиноваться царю — и негодование и придворных, и дворян в целом вылилось на голову несчастного М.М. Сперанского, который по указанию Александра I разрабатывал эти меры. Именно его «общество» считало виновником названных мер, навязанных «ангельской душе» императора.

• **Языком статистики**

Русский бюджет до начала войны

76 415 465 руб. — 1798 г. (на 8 818 006 руб. больше последнего бюджета Екатерины II в 1796 г.)
 77 890 300 руб. — 1799 г.
 78 000 000 руб. — 1800 г.
 81 081 671 руб. — 1801 г.

Распределение бюджета (1801 г.)

Армия и флот	25 000 000 руб.
Гражданские штаты	6 000 000 руб.
Иностранный департамент	1 000 000 руб.
Духовенство	1 000 000 руб.
Школы и благотворительные учреждения	1 221 762 руб.
Погашение долгов	12 000 000 руб.
Кабинет (личные расходы императора)	3 650 000 руб.
Двор	3 600 000 руб.
Императорская фамилия	3 000 000 руб.

В статьях доходов крупные суммы так же продолжали доставляться налогами на крестьян:

Подушных с казенных и помещичьих крестьян	14 390 055 руб.
Оброчных с казенных крестьян	14 707 921 руб.
Питейные сборы	18 089 393 руб.
Таможенные сборы	5 978 289 руб.

Государственные расходы и доходы в 1803–1814 гг. в млн ассигнационных рублей

	1803	1805	1810	1814
Расходы, всего:	109,4	125,4	279,0	457,7
в том числе:				
на военные нужды	52,7	54,2	147,5	301,0
их доля в %	43,1	45,6	52,9	65,8
Доходы, всего:	111,9	136,9	256,8	480,1
в том числе:				
обыкновенные	101,8	107,3	182,6	300,5
Займы	9,2	29,6	44,4	117,1
доля займов в %	9,0	21,6	17,3	24,4

Российская промышленность

	1796	1801
Суконные мануфактуры	151	175
Кожевенные мануфактуры	848	855
Набойчатые мануфактуры	50	52
Бумажные мануфактуры	55	109
Хрустальные и стеклянные	18	131

Хлопчаткачество:

1804 г. — выработано 6 млн аршин ткани, на производстве были заняты 8181 рабочих;
1814 г. — выработано 26 млн аршин ткани, на производстве были заняты 39210 рабочих.

Общее число промышленных предприятий:

в 1804 г. — 2 399, рабочих — 95 200;
в 1814 г. — 3 731, рабочих 170 600.

Налоги

«Были введены новые непосильные налоги». Рассмотрим подробнее динамику изменения сбора налогов в период с 1804 по 1815 гг. по данным Министерства финансов. Цифры в таблице указаны в тысячах рублей ассигнациями.

Год	Подушная подать	Питейный сбор	Соляной сбор	Таможенный сбор	Всего налогов (асс.)
1804	???	???	???	???	103 479
1805	44 846	26 151	6 945	11 927	107 180
1806	44 080	26 347	6 553	10 181	105 593
1807	44 454	34 634	682	9 134	114 765
1808	48 408	34 203	7 664	5 523	122 633
1809	52 597	35 631	8 100	8 428	133 877
1810	82 348	36 747	14 699	11 185	178 043
1811	80 645	75 374	16 452	15 828	232 795
1812	87 949	73 292	14 336	19 315	235 613
1813	102 823	75 028	17 781	31 599	269 622
1814	118 227	83 835	19 695	25 848	296 772
1815	132 798	10 0031	16 228	26 161	322 916

Мнение историка

Как видно из таблицы, сумма реально собираемых налогов в пересчете на серебряный рубль с 1808 по 1813 гг. значительно сократилась, а увеличение налоговых ставок в 1810 г. не смогло даже компенсировать потери казны от инфляции. Единственным же налогом, который современники считали «непосильным», был введенный в 1810 г. налог с помещичьих имений. Дворян возмущала даже не сумма налога (по 50 копеек с души), а сам факт того, что с них стали брать налог, приравняв тем самым к податным сословиям. Введение этого налога стало одной из главных причин отставки М.М.Сперанского.

Главной причиной финансовых затруднений были непомерные расходы на военные цели. [...] Любопытно проследить динамику расходов на военные цели [...]: 1804 г. — 41942 тыс. руб., 1805 — 43 184 тыс., 1806 — 44 304 тыс., 1807 — 63 402 тыс., 1808 — 118 525 тыс., 1809 — 112 279 тыс., 1810 — 127 936 тыс., 1811 — 122 414 тыс., 1812 — 160 843 тыс., 1813 — 264 792 тыс., 1814 — 278 775 тыс.

(Понасенков Е.Н. Экономические предпосылки кризиса тильзитской системы в России (1807–1812) и причины войны 1812 г. // Экономическая история. Обзорение. — М.: МГУ, 2002, вып. 8. С.136–137.)

Экспорт – импорт

Год	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	1815	1816
Вывоз	49,4	59	51,7	60,7	49,6	40,4	28,3	34,5	34,2	34,7	38,8	33,4	50,4	54,6	51,8
Ввоз	40,3	44,4	39,2	42,7	37,6	27,2	16,2	19,8	20,6	23,1	23,2	29,5	35,6	30,3	41,1
Оборот	89,7	103,4	90,9	103,4	87,2	67,6	44,5	54,3	54,8	57,8	62	62,9	86	84,9	92,9

Вывод историка

Средний показатель внешнеторгового оборота за период с 1802 по 1806 гг. (до присоединения России к континентальной блокаде) составляет 94 млн руб. После войны 1812–1814 гг. этот показатель вернулся к прежнему уровню. Следовательно, падение общего объема внешней торговли после присоединения к блокаде составило не 23,1 млн руб., а почти 50 млн руб. серебром, что равняется трети суммарного годового дохода России.

? Вопросы

1. Каково было экономическое положение России в эпоху Наполеоновских войн?
2. Как менялась экономика России в данную эпоху?
3. Как вы оцениваете возможности государственного бюджета России в конце XVIII – первой четверти XIX в.?

• Европа и континентальная блокада

Россия и континентальная блокада

По условиям Тильзитского мира (25.06.1807) Россия присоединилась к континентальной блокаде английской торговли. Это было тяжелым ударом, как по русской экономике в целом, так и по благосостоянию дворянского сословия, ибо именно зерно, выращенное в имениях с развитой барщиной, составляло основу русского хлебного экспорта, который шел в основном именно в Англию. Из-за континентальной блокады русская внешняя торговля к 1812 г. сократилась в 2 раза, а хлебный экспорт — в 5 раз (вывоз зерна составлял обычно 15% русского экспорта). Однако наибольший ущерб понесли русские экспортеры железа и меди, эти экспортные товары тоже шли главным образом на Туманный Альбион.

Правительство Александра I, как могло, пыталось нивелировать ущерб от континентальной блокады. Так, реальный разрыв официальных торговых отношений с Британией произошел лишь осенью 1808 г. Русские использовали «дипломатическую лазейку», заключенную в Тильзитских статьях: Россия должна была присоединиться к блокаде только тогда, когда ей не удастся путем переговоров принудить Англию к выгодному для Наполеона миру с Францией. Весной же 1811 г. торговля с Англией фактически возобновилась с помощью посредников, коими выступали нейтральные страны, прежде всего

Европа времен континентальной блокады

США. На судах нейтральных стран русские товары потекли в Англию. Так что стенания Наполеона о «неискренности» императора Александра в деле выполнения континентальной блокады были вполне оправданны.

Но вскоре торговля через посредников опять осложнилась. Во-первых, весной 1812 г. началась англо-американская «торговая война». Американские корабли стали реже заходить в российские порты (Петербург, Ригу, Одессу, Архангельск). Во-вторых, французский маршал Даву по приказу Наполеона оккупировал Померанию (шведскую провинцию на юге Балтики), а именно отсюда прибывали в Россию европейские «нейтральные» суда: в разные годы — голландские, ганзейские и шведские, на которых вывозились русские экспортные товары.

После присоединения России к континентальной блокаде значительно сократился общий объем торговли. При этом цены на импортные товары, ввозимые в Россию, с началом континентальной блокады сильно возросли, а цены на российские товары, вывозимые из страны — значительно упали. Для примера рассмотрим соотношение цен 1804 г. с ценами 1809 г. на отдельные товары, вывозимые из России: сало (– 45,8 %), пенька (– 30,5 %), воск (– 28,1 %), поташ (– 56 %), железо (– 46,7 %), лен (– 36 %); а также на товары, ввозимые в Россию: сахар (+ 71,4 %), вино (+ 150 %), сукно (+ 92,6 %), красители (+ 147 %). Такой дисбаланс цен между отечественными и зарубежными товарами не мог не привести к финансовому кризису.

Наполеон со времен Эрфуртского свидания с Александром I (1808 г.) требовал прекращения торговли с Англией через посредников, расценивая это, как нарушение Тильзитского мира. Однако русский царь, апеллируя к «букве договора», спокойно указывал, что там не было ни слова о запрете торговли с «нейтральными странами». В декабре 1811 г. Александром было утверждено разработанное М.М. Сперанским «Положение о нейтральной торговле на 1811 г.». Там были повышены на 50% все ввозные пошлины, в том числе и на французские товары (предметы роскоши, парфюмерию, дорогие ткани, вина и пр.), а вывозные пошлины на все предметы русского экспорта практически отменялись. Это означало объявление Россией русско-французской торговой войны.

• Англия и континентальная блокада

Наполеон правильно полагал, что его главный противник в Западной Европе на пути к общеевропейской (а следовательно мировой) доминанте Франции — Британская империя. С точки зрения модернизации экономики, да и всех остальных сфер жизни общества, она опережала Францию, выигрывая и соревнуясь в борьбе за колонии. Лишившись мощного флота в Трафальгарской битве, Франция не могла совершить десант своей сухопутной армии на Британские острова. План военного «удушения» Англии пришлось отставить, тогда и родилась идея «удушить» английское могущество экономиче-

ским путем с помощью континентальной блокады, запрета практически всем странам Европы торговать с Англией. Но именно в отношении Англии эта мера, как стало ясно к 1810 г., полностью провалилась. Господствуя на морях и имея самую обширную в мире колониальную империю, Англия переключилась на торговлю с собственными колониями и нашла новые рынки сбыта в Новом Свете (Латинская Америка).

- **Континентальные европейские страны и континентальная блокада**

Впрочем, эту войну начал именно Наполеон, навязав силой России заведомо невыгодную ей, как и всей Европе, континентальную блокаду. Наполеон постоянно ужесточал ее условия для всех подконтрольных Франции европейских стран (Берлинский декрет 1807, Миланский закон 1807, Триановский тариф 1810). Результатом всех этих внеэкономических мер стал общеевропейский экономический кризис 1810–1811 гг., от которого пострадала и Франция, лишившаяся многих видов колониального сырья (прежде всего хлопка), необходимого для французской промышленности и привозимого из Англии. Верный принципу «Франция прежде всего», Наполеон стал выдавать французским купцам и промышленникам лицензии на закупку британских товаров, но это никак не спасало других европейцев.

Из антианглийской экономической меры континентальная блокада к 1810–1812 гг. окончательно переродилась в инструмент прямого военного захвата Францией большинства континентальных европейских стран. Франция в этой роли стала тормозом для развития большинства европейских народов, как свободных народов. Такое положение никак не способствовало основному тренду развития Европы в Новое время — процессу модернизации.

- **Геополитическое положение России в 1801–1812 гг.**

Конец XVIII — начало XIX вв. стало временем быстрого расширения европейских империй. Россия, давно приступившая к колонизации окружающего ее пространства, не осталась в стороне от этого процесса. Рост ее военного могущества и территориальное расширение в XVIII столетии впечатляет: при Петре I была завоевана Прибалтика, при Екатерине II присоединено Крымское ханство, включавшее все северное побережье Черного моря, а также в ходе разделов Речи Посполитой к России отошли Литва, Правобережная Украина и Волынь, Белоруссия и Курляндия в Прибалтике.

Борьба Франции за доминирование в Западной Европе и втягивание в западноевропейские дела России вовсе не остановили колониальное расширение Российской империи. В 1801–1804 г. она присоединяет Восточное и Западное Грузинские царства. Вступившие с Россией в войну по этому поводу Персия (1804–1813) и Турция (1806–1812) терпят поражения и теряют: Турция — Бессарабию, вошедшую в состав России по Бухарестскому миру 1812 г., Персия — Азербайджан, присоединенный к России по Гюлистанскому миру 1813 г.

Даже вынужденный Тильзитский мир после проигранной военной кампании в Пруссии привел к территориальному расширению Российской империи. Ради присоединения России к континентальной блокаде и союзу с Францией Наполеон «дарит» Александру I часть бывших прусских польских владений — Белостокский округ, а также благосклонно смотрит на войну России и Швеции (1808–1809), в результате которой Россия отторгает от Швеции Финляндию, которая принадлежала Швеции с XII–XIII вв.

Англия после континентальной блокады. Французская карикатура нач. XIX в.

❓ Вопросы

1. Что такое процесс модернизации? Какие изменения он вызывал в сфере экономики, развития общества и государственных систем в Новое время (XV в. – 1914 гг.)?

2. Что такое континентальная блокада? Каковы были причины ее появления?
3. Как трансформировалась политика Наполеона в области континентальной блокады в 1807–1812 гг.?
4. Каковы были последствия континентальной блокады для европейских стран, включая Францию, и для Англии?
5. Каковы были последствия континентальной блокады для России?
6. Как вы оцениваете политику русских властей относительно континентальной блокады?

Планы и действия русского командования

• Немного статистики о вооружении

- Заказы Военного ведомства Тульскому оружейному заводу:
 - 1806 г. — 56 616 ружей
 - 1810 г. — 95 944 ружья
 - 1812 г. — 144 тыс. ружей
- Рост производства оружия наблюдался также на Ижевском и Сестрореченском оружейных заводах.
- Запасы резервного оружия в российских арсеналах на 1 января 1812 г.:
 - 175 928 ружей и 3 956 пистолетов
- Производство пушек на крупнейшем в России Александровском заводе:
 - 1812 — 6 тыс. пушек нового образца
- Производство пороха на крупнейшем в России Кронштадтском заводе:
 - 1812 — 60 тыс. пудов
- Закупки вооружения за рубежом
 - «...едва заключив с Наполеоном мир в Тильзите, первое, что попросил царь у своего "союзника", — это продать ему 50 тыс. ружей для войны с турками. Ответив на словах согласием, Наполеон, однако, тут же распорядился — никаких ружей России не продавать. Тогда русские дипломаты начали покупать оружие тайно, главным образом в Австрии. Там еще в 1806–1807 гг. посольство России в Вене наладило массовую закупку и даже производство его (в Чехии) по русским контрактам. В январе — мае 1808 г. под видом металлолома (в целях маскировки от французской военной разведки) из Австрии в Россию было переправлено 24 тыс. ружей, 15 тыс. сабель и много другого военного снаряжения».

(Бородино 1812. С. 17.)

• План Баркляя-де-Толли

В январе 1810 г. М.Б. Барклай-де-Толли меняет Аракчеева на посту российского военного министра. В феврале — апреле 1810 он уже предоставляет царю несколько записок, содержащих его план обороны России на случай войны с Наполеоном. Михаил Богданович считает, что нужно продолжать линию Аракчеева на реформу и модернизацию артиллерии, увеличение численности регулярной армии, а также ратует за создание как минимум двух рубежей обороны, на которые могла бы отступать русская армия: первый — на Западном берегу Западной Двины и левом берегу Днепра, второй на линии Рига — Минск — Луцк. Многие русские генералы согласны с Барклаем, но есть и противники. Среди них лучший, по мнению Наполеона, генерал русской армии — любимый ученик А.В. Суворова Петр Иванович Багратион.

• План Багратиона

Свидетельство очевидца

Еще в 1811 г. князь Багратион предлагал броситься в Польшу, пока силы неприятеля были еще не собраны. Он надеялся, что, разбив его по частям, всегда будет иметь время отступить к назначенному пункту. Вторжение это нельзя было сделать в больших силах, а малый отряд мог быть стеснен и истреблен неприятелем, да и не легко отступить 300 верст от превосходного в числе неприятеля в чужой земле и без резервов. План сме-

мый, который по обстоятельствам трудно было исполнить, хорошо, что его не приняли.

(И.Ф. Паскевич. Походные записки. С. 72–105.)

Комментарий историка

План Багратиона, изложенный в 1811 г. в письме Императору Александру I, заключался в том, чтобы сразу отдалить театр военных действий от пределов России вторжением на территорию герцогства Варшавского, где неприятель должен был быть разбит по частям прежде, нежели ему удастся сконцентрироваться. Этот смелый план был неисполним как из-за невыгодного для русских соотношения сил, так и по причинам общего политического свойства. Сам Багратион, излагая свой проект императору, писал, что это сугубо военный план, его автор — генерал, а не политик. Тем не менее элемент этого плана — выдвигание армии Багратиона из района зимней дислокации на Волыни к границам герцогства Варшавского в Западную Белоруссию — должен был дезориентировать неприятеля, безусловно знавшего о существовавших у русского командования планах кампании. Если опереться на версию, высказанную в воспоминаниях современника — генерала Бенкендорфа, то можно полагать, что, говоря о возможном вторжении армии Багратиона в Польшу, русское командование затеяло своего рода игру с Наполеоном, показывая своими действиями, что готово следовать известным французскому командованию проектам, но не шло в их исполнении далее демонстрации намерений.

Памятник М.Б. Барклаю-де-Толли в Санкт-Петербурге

Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818)

Выдающийся русский полководец. Получил известность с зимней кампании 1806–1807 гг., когда проявил свои выдающиеся дарования. Отличился также в войне со Швецией в 1808–1809 гг., затем был генерал-губернатором Финляндии. Будучи военным министром в 1810–1812 гг., сделал все для подготовки русской армии к вторжению Наполеона. В 1812 г. — генерал от инфантерии, командующий Первой Западной армией. Невзирая на критику большинства генералитета и общества, своим отступлением сохранил боеспособную армию и изменил соотношение сил с противником, значительно превосходившим русские войска в начале войны. Герой Бородинского сражения. В сентябре 1812 г. покинул армию. По возвращении, с февраля 1813 г., командующий 3-й армией, затем союзными русско-прусскими войсками. Кавалер ордена Св. Георгия 1-й степени за победу при Кульме. За взятие Парижа получил чин генерал-фельдмаршала непосредственно на месте сражения (единственный из российских фельдмаршалов). В последние годы жизни работал над новой тактикой боевых действий и вооружениями, покровительствовал работам по созданию первых русских боевых ракет. Трагическая судьба Барклая в 1812 году отражена в лучшем из того, что написано о нем, — в пушкинском «Полководце», с которым созвучны авторские высказывания в «Записках Бенкендорфа».

П.И. Багратион. Гравюра с портрета нач. XIX в.

Петр Иванович Багратион (1765–1812)

Генерал от инфантерии. Происходил из древнего рода грузинских царей Багратионов. Его дед, царевич Александр, переехал в Россию в 1757 г., имел чин подполковника. Петр Багратион в 17 лет был определен Г. Потемкиным в Кавказский мушкетерский полк сержантом, принял участие в экспедициях против чеченцев, в одном из боев получил тяжелое ранение, оказался в плену, но горцы вернули его в русский лагерь без выкупа в знак признательности к отцу Багратиона, оказавшему им некую услугу. С Кавказским мушкетерским полком участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в 1788 г. под знаменами Потемкина бесстрашно проявил себя при штурме и взятии Очакова.

В 1793 г. Багратион перешел в Софийский карабинерный полк, с которым действовал в Польше против повстанцев; состоял под началом Суворова, за мужественный и честный характер заслужил большое уважение и симпатию полководца. «Князь Петр», как ласково называл Суворов Багратиона, стал его незаменимым помощником в Итальянском и Швейцарском походах против французов (1799 г.). В Итальянском походе генерал-майор Багратион во главе авангарда русско-австрийской армии взял штурмом крепость Брешиа, овладел городами Бергамо и Лекко, отличился в трехдневном сражении на берегах рек Тидоны и Треббии; был дважды ранен, но не по-

кидал войск. В сражении у Нови Суворов возложил на него проведение удара, решившего исход битвы. За участие в Итальянском походе фельдмаршал подарил князю Петру свою шпагу, с которой тот не расставался до конца жизни.

В легендарном Швейцарском походе через Альпы Багратион шел в авангарде армии Суворова, прокладывая путь войскам в горах и первым принимая на себя удары противника. При атаке Сен-Готардского перевала сумел через скалы зайти в тыл французов, и перевал был взят. После преодоления Чертова моста боями проложил дорогу в долине Ключенталь. Командуя арьергардом, прикрывал выход русско-австрийской армии из окружения, 6-й егерский полк, составлявший бессменное ядро его отряда, окончил кампанию в составе всего шестнадцати офицеров и трехсот солдат. В Швейцарском походе Петр Иванович был в третий раз ранен.

С 1800 г. Багратион являлся шефом лейб-гвардейского егерского батальона, начало которому в 1792 г. положил цесаревич Павел, и переформировывал его в полк. С открытием военных действий Австрии и России против Франции в 1805 г. ему был вверен авангард армии Кутузова. Из-за неудачных действий австрийцев русская армия дважды оказывалась перед угрозой окружения, и дважды авангард становясь арьергардом, героически прикрывал отход основных сил Кутузова. Особенно в трудном положении русская армия оказалась после сдачи австрийцами Вены, и Кутузов, уводя войска маршем от Кремса к Ольмюцу, приказал Багратиону: «Лечь всем, но задержать врага». Дав клятву устоять, доблестный генерал с 6-тысячным отрядом весь день 4 ноября под Шенграбенем сдерживал натиск впятеро превосходившего его противника. Лишь получив сведения о благополучном отходе русских войск, он штыками проложил себе путь через кольцо окружения и присоединился к Кутузову, при этом привел еще пленных и принес захваченное знамя. За этот блистательный подвиг он был удостоен чина генерал-лейтенанта, а 6-й егерский полк, вновь составлявший основу его отряда, первым из полков русской армии получил в награду серебряные трубы с Георгиевскими лентами. В несчастливом для союзников Аустерлицком сражении (20 ноября) его отряд, действуя на правом фланге союзной армии, смог устоять перед натиском французов, а затем прикрывал отступление расстроенной армии. За Аустерлиц Петр Иванович был пожалован орденом святого Георгия 2-й степени.

В русско-пруско-французской войне 1806–1807 гг., как и в предыдущей, Багратион командовал авангардными и арьергардными отрядами в зависимости от того, наступала или оборонялась русская армия. И вновь на фоне малоудачных действий союзных войск он выделялся искусством биться по-суворовски, неоднократно отличался в сражениях и боях. Во Фридрихсбургском сражении (июнь 1807 г.), ставшем в войне последним, он со шпагой в руках пытался вдохновить дрогнувших солдат, сдерживать всеобщее смятение, но все было напрасно; затем 5 суток со своим отрядом прикрывал отход союзных войск. Утешением и наградой ему стала золотая шпага, осыпанная алмазами, с надписью: «За храбрость».

В 1808 г. Багратион отправился на войну со Швецией, 21-я пехотная дивизия, которую он возглавлял, в феврале – марте провела ряд удачных сражений и боев, заняла города Таммерсфорс, Бьерсборг, Або, Вазу и Аландские острова. После отдыха в России Багратион осенью 1808 г. вернулся в Финляндию, где приближался решающий период войны. План Александра I предусматривал ускорить победу над шведами путем смелого движения русской армии через Ботнический залив к берегам Швеции. Считая, что поход в зимнее время, по льдам и глубокому снегу, невозможен, главнокомандующие русской армией – сначала генерал Буксгевден, затем Кнорринг, а за ними и другие генералы высказывались против такой операции. Багратион же сказал военному министру Аракчееву, присланному руководить походом: «Прикажите – пойдём». Командуя одной из трех колонн, он успешно преодолел сложнейший путь по замерзшему заливу из Або до Аландских островов, за 6 суток занял их, а авангардный отряд Кульнева достиг шведского берега. Дальнейший ход войны завершился победным для России мирным договором.

Еще не завершилась одна война, как Багратион, произведенный в генералы от инфантерии, был назначен командовать Молдавской армией в войне с Турцией. Ему не дали передышки не столько из-за трудностей в борьбе с турками, сколько в силу привходящих обстоятельств: знаменитым «генералом-орлом» увлеклась молодая Великая княжна Екатерина Павловна (сестра Александра I), и члены императорской фамилии сочли необходимым побыстрее удалить от нее Багратиона. Приняв Молдавскую армию, в которой было лишь 20 тыс. человек, полководец не снимая блокады Измаила, в августе 1809 г. взял Мачин, Гирсово, Кюстенджи, в сентябре разбил турок под Расеватом, осадил Силистрию, взял Измаил и Браилов. В октябре у Татарицы он нанес поражение войску великого визиря, шедшему на помощь Силистрии. В связи с подходом все новых турецких сил и приближением зимы Багратион отвел свою армию на левый берег Дуная с расчетом усилить войска и возобновить действия весной. Но в Петербурге не все остались этим довольны, и, награжденный орденом святого Андрея Первозванного, Багратион в марте 1810 г. был смещен на посту главнокомандующего генералом Н. Каменским.

В августе 1811 г. Петр Иванович назначен командующим Подольской армией, расположенной от Белостока до австрийской границы и переименованной в марте 1812 г. во 2-ю Западную армию.

26 августа 1-я и 2-я армии под руководством Кутузова, ставшего главнокомандующим, вступили в битву с французами под Бородино. В этот день Багратион был тяжело ранен: осколок гранаты раздробил ему берцовую кость. Полководец, снятый с коня, еще продолжал руководить своими войсками, но после потери сознания он был вынесен с поля сражения. «В мгновенье пронесся слух о его смерти, – вспоминал А. Ермолов, – и войско невозможно удержать от замешательства». Оно было кратковременным, повлекло за собой оставление флешей, но затем русскими воинами, потерявшими своего любимого командира, овладела ярость. Сражение разгорелось с новой силой.

По свидетельству очевидцев, благородный князь Петр, когда его несли в тыл, просил передать Барклаю-де-Толли «спасибо» и «виноват»: «спасибо» – за стойкость соседней 1-й армии в сражении, «виноват» – за все, что раньше Багратион говорил о военном министре.

Полководец был перевезен в имение князя Б. Голицына, с. Симы Владимирской губернии. От него долго скрывали печальную весть о сдаче Москвы. Когда один из гостей проговорился об этом, состояние Багратиона резко ухудшилось. После мучительной, но безуспешной борьбы с гангренгой Петр Иванович 12 сентября умер. Спустя 27 лет, в 1839 г., его прах был перевезен на Бородинское поле.

(<http://napoleonbonapart.narod.ru/bagratiion.htm>)

• **План генерала Фуля (Пфуля)**

Комментарии историков

Более реальным русскому правительству накануне войны с Наполеоном казался план Фуля, которым частично и руководствовались перед вторжением. В отечественной историографии утвердилась традиция, вслед за большинством мемуаристов, ругать план Фуля, однако, на наш взгляд, здесь есть доля предвзятости.

План генерала Пфуля сводился к тому, что Первая Западная армия Барклай-де-Толли, заняв расположенный между двух дорог, ведущих вглубь России, лагерь в Дриссе, привлечет на себя удар основных войск Наполеона, тем временем Вторая армия Багратиона устремится в тыл противнику, ударит во фланги и перережет коммуникации Великой армии Наполеона. Юг России по плану Фуля прикрывали армии Тормасова на Украине и Дунайская армия, находящаяся в Бессарабии. Петербург защищал 28-тысячный корпус П. Витгенштейна. Император Александр должен был находиться вблизи Первой и Второй армий.

План был плох тем, что практически не принимал в учет ни соотношения сил, ни возможных действий противника. Но все же отдельные моменты именно этого плана были задействованы в начале кампании 1812 г. в действиях русских сил. Барклай-де-Толли сумел практически без потерь отойти в Дриссу, собрать там всю свою армию, до того стоящую отдельными подразделениями в разных населенных пунктах. Однако далее Багратион, отрезанный превосходящими его армию почти в несколько раз войсками Евгения Богарне от пути в Дриссу, не мог туда двинуться. Барклай быстро понял, что Дрисский лагерь превращается для его армии в западню, в которой Наполеон, также располагавший куда большими по сравнению с ним силами, раздавит всю Первую русскую армию. Поэтому, как известно, Барклай-де-Толли принял самостоятельное решение отступить из Дриссы без боя, что оказалось полной неожиданностью для императора французов, рассчитывающего в одном большом пограничном сражении разбить основную часть русской армии.

(Возвращаясь к плану Фуля, стоит заметить, что при тогдашнем соотношении русских сил и сил Великой армии Наполеона вряд ли можно было вообще придумать что-либо адекватное для остановки французской лавины на границе России — *прим. сост.*)

9 апреля 1812 г. Александр выезжает из Петербурга и едет в Вильно, столицу Литвы. Он хочет находиться при действующих войсках и, несмотря на предыдущие неудачи, сам распорядиться армиями. Однако перед отъездом от поручает Лористону (новому послу Франции) довести до сведения Наполеона, что он все еще «считает себя его другом и самым верным союзником». Его сопровождает многочисленная свита... В нее входят, конечно, неизбежный Аракчеев, а также начальник штаба князь П.М. Волконский, граф Н. Толстой, генерал А.Д. Балашов, но все они оттеснены на второй план: благосклонности императора удостоены швед Армфельд, француз Мишо, итальянец Паулуччи, немцы Беннигсен, Гнейзенау, Дибич, Толь, Штейн, Клаузевиц, Фуль и другие.

Всех этих советников русского царя объединяет ненависть к Наполеону... Каждый отстаивает свой план кампании, раздоры обостряются, интриги плетутся, а немногие русские генералы проклинают этих эмигрантов, из одного лишь тщеславия позволяющих себе вмешиваться в дела русского командования и желающих вести в бой русских солдат, которых недостойны.

Среди этих кабинетных стратегов главный авторитет для Александра — прусский генерал Фуль. Этот военный теоретик все еще верит в неизменность законов войны времен Юлия Цезаря и Фридриха Великого...

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 147.)

Барон Карл Людвиг Август Пфуль (Фуль) (1757–1826)

Прусский военный теоретик. После разгрома Пруссии в 1806 г. перешел на русскую службу, генерал-майор. Был некоторое время в числе военных советников императора Александра I. Автор известного плана войны с Францией, основанного на использовании укрепленного лагеря в Дриссе. Мнение, что план Пфуля был основой стратегии высшего русского командования в начале кампании вплоть до оставления Дрисского лагеря, нуждается в серьезной критической оценке. С 1816 г. был послом России в Нидерландах.

*Солдаты русской армии
перед войной 1812 г.*

Русский гусар. 1812 г.

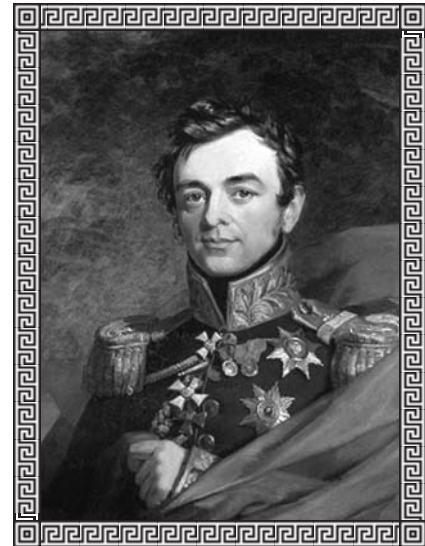

Казак. 1812 г.

История одного полка

“В январе 1811 я назначен шефом Орловского полка. Формирование с самого начала представило затруднения невероятные. Общие приготовления к войне были причиною, что для состава новых полков не могли дать хороших средств. Надлежало формировать полк из четырех гарнизонных батальонов, в которых солдаты и офицеры почти все были выписные за дурное поведение. Из других полков поступило только 3 майора и несколько обер-офицеров. К тому из дворянского корпуса прислали 20 молодых офицеров, только что умевших читать и писать.

С этими средствами надо было спешить с образованием полка, ибо война была неизбежна. Нравственности в полку не было. От дурного содержания и дурного обхождения офицеров начались побегии. В первый же месяц ушло до 70 чел. Почти половину офицеров я принужден был отослать обратно в гарнизон. Я жаловался на судьбу, что, между тем как в армии были прекраснейшие полки, мне достался самый дурной и в то самое время, когда мы готовились к борьбе с страшным императором французов. Я был тогда в корпусе Дохтурова, в дивизии Раевского и командовал бригадой, состоявшей из полков Орловского и Нижегородского. Бригада находилась в Киеве. Я настоял, чтобы вывести мой полк из города, где невозможно было завести необходимого порядка, и расположился в 60 верстах. Три месяца усиленных занятий и шесть недель в лагере дали мне возможность привести Орловский полк в такое положение, что он был уже третьим полком в дивизии. Но этот успех дорого мне стоил. От трудов и беспокойств я сделался болен страшной горячкой, едва не умер и пролежал три месяца».

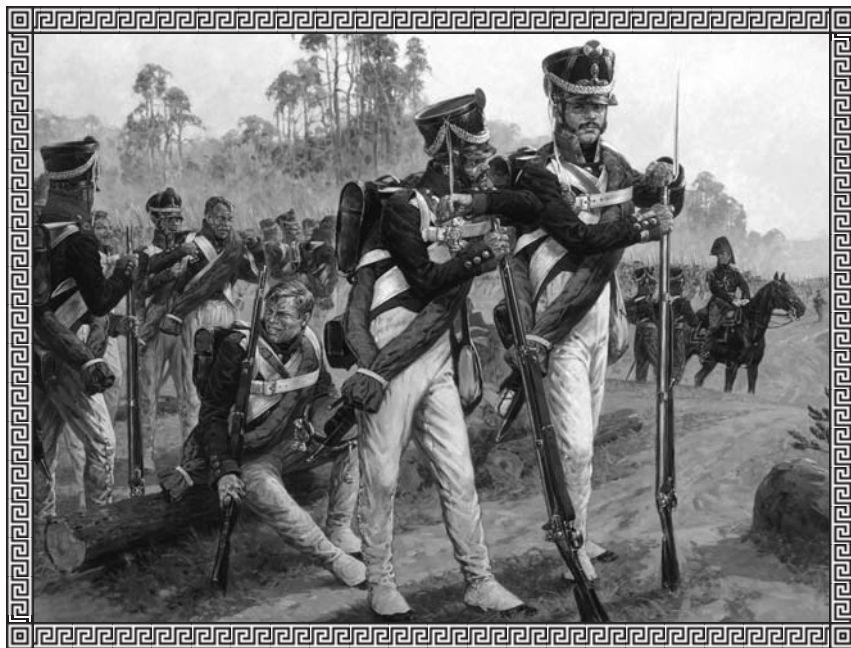
*Иван Паскевич.
Худ. Дж. Доу*

(И.Ф. Паскевич. Походные записки. С. 72–105.)

М.И. Кутузов – жене, 11 марта 1812 г. Бухарест

“...Ты, мой друг, пишешь об моем здоровье, то есть, что хвораю. Признаюсь, что в мои лета служба в поле тяжела, и не знаю, что делать. Впрочем, мне уже не удастся сделать и в десять лет такой кампании, как прошлая. Детям благословение <...>».

(К чести России. Из частной переписки 1812 года. – М., 1988.)

*На западной границе. Июнь 1812 г.
Худ. А.Ю. Аверьянов*

• Русские вооруженные силы накануне вторжения Наполеона

В 1812 г. в вооруженных силах России имелось 622 тыс. человек. В это число входило: 380 тыс. человек пехоты, 80 тыс. человек кавалерии, 52 тыс. человек артиллерии и инженерных войск, 110 тыс. человек иррегулярной конницы, преимущественно казачьей. Основная часть этих войск в силу угрозы нового военного конфликта с наполеоновской Францией была сосредоточена в западном приграничье Российской империи.

Но из этих полевых воинских сил собственно на западной границе было сосредоточено всего лишь 210–220 тыс. человек. То есть неприятель в начале войны сразу же получил более чем двукратное превосходство в численности заранее отобюрокразированных и сосредоточенных войск: пехоты, регулярной кавалерии и артиллерии. Русские армии, разделенные перед войной на три полевые действующие армии (одна треть вооруженных сил Российского государства), имели следующее расположение.

- **1-я Западная армия** военного министра России генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли (около 120 тыс. чел. при 590 орудиях) имела главную квартиру в городе Вильно (ныне — Вильнюс, Литва). В ее состав входило шесть пехотных корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й), три резервных кавалерийских корпуса (1-й, 2-й и 3-й), Летучий казачий корпус атамана М.И. Платова, четыре пионерные (инженерные) и две понтонные роты. Должность начальника Главного штаба с 30 июня занимал генерал-майор А.П. Ермолов. Накануне войны армия дислоцировалась на территориях Виленской и Гродненской губерний.
- **2-я Западная армия** генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона (45–48 тыс. чел. при 168 орудиях) находилась южнее, имея штаб-квартиру в городе Волковыске. В ее состав входили два пехотных корпуса (7-й и 8-й), 4-й резервный кавалерийский корпус, казачий отряд генерал-майора Н.В. Иловайского, две пионерные, минерная и понтонная роты. Позднее прибыла 27-я пехотная дивизия. Начальник армейского штаба — генерал-майор Э.Ф. Сен-При, французский эмигрант. Армия располагалась перед войной на территории Гродненской губернии.
- **3-я Обсервационная (наблюдательная) армия** генерала от кавалерии А.П. Тормасова (45 тыс. чел. при 168 орудиях) прикрывала юго-западное направление, находясь на Волыни в районе города Луцка южнее Полесья. Она была создана накануне войны, в мае 1812 г. Состояла из четырех сводных корпусов разной численности, кавалерия — из отдельных дивизий и полков. Всего в армии имелось 60 пехотных батальонов, 76 кавалерий-

ских эскадронов, 10 конных иррегулярных полков, 14 артиллерийских рот. Начальник штаба армии — генерал-майор И.Н. Инзов. Главная квартира находилась в городе Дубно Волынской губернии.

- **Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова** (начальник штаба — генерал-лейтенант И.В. Сабанев) в июле 1812 г. насчитывала в своих рядах около 57,5 тыс. человек (74 батальона пехоты, 64 эскадрона кавалерии, 14 полков иррегулярной конницы, 20 артиллерийских рот). Все они имели опыт ведения боевых действий. Армия состояла из четырех корпусов разной численности и резерва.

(Информация официального сайта Министерства обороны России.

Исследование ведущих военных историков, посвященное юбилею Отечественной войны 1812 г.

Режим гостюпа: <http://mil.ru/et/war/more.htm?id=11052905@cmsArticle>)

Корпус Витгенштейна. На северном направлении, прикрывая Петербург, находился корпус Витгенштейна численностью 28 тыс. человек.

- **Правитель слабый и лукавый?**

Высказывания Александра I в 1812 г. о его намерениях в случае нападения Наполеона на Россию

Александр I — отозванному из России французскому послу А.О.А. де Коленкуру, заподозренному Наполеоном в русофильстве

“Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он разобьет нас, если мы примем сражение, но победа не принесет ему мира. Испанцы часто терпели в боях поражения, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они находятся не так далеко от Парижа, как мы; у них другой климат, и у них нет наших ресурсов. Мы не боимся подставить себя под удар. У нас — бескрайние пространства, и мы сохраним хорошо организованную армию...

Я не обнажу шпагу первым, но вложу ее в ножны последним...

Если военное счастье от меня отвернется, то скорее отступлю до самой Камчатки, чем отдам мои губернии или подпишу в моей столице мирный договор, который все равно будет только перемирием.

Француз храбр, но длительные лишения и плохой климат утомляют его и подрывают его мужество. Наш климат и наша зима будут сражаться на нашей стороне. Вы совершаете чудеса лишь тогда, когда вами командует ваш император, а он не может быть повсюду...»

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 146.)

Александр I — Нарбонну, адъютанту Наполеона

“Я не поддаюсь иллюзиям, я знаю, что император Наполеон — великий полководец. Но зато на моей стороне пространство и время. На всей моей огромной и враждебной Вам территории всегда найдется какой-нибудь отдаленный угол, куда я смогу отступить, и какой-нибудь удаленный пункт, который я буду защищать, но постыдный мир я заключать не стану. Я не начну войну первым, но я не сложу оружия до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России...

Если Наполеон начнет войну и счастье ему улыбнется, хоть в этой войне справедливость будут на стороне русских, ему придется подписывать мир у Берингова пролива».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 146.)

Александр I

Письмо Александра I – близкому к нему ученому Парроту

“В этой жестокой войне решается судьба моей империи. Я не надеюсь восторжествовать над гением и победить его армии. Но я ни при каких обстоятельствах не подпишу постыдного мира, я предпочитаю быть погребенным под обломками моей империи. Если такова будет воля судьбы, передайте это нашим потомкам. Я открыл Вам мое сердце».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 146–147.)

Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот (1767–852)

Физик-изобретатель, до переезда в Россию преподавал в Германии и Франции. В России занялся восстановлением по просьбе Александра I Дерптского университета, одного из старейших университетов Западной Европы. Познакомил россиян с альпинизмом, участник кругосветного путешествия.

? Вопросы

1. Была ли война с Францией неизбежна после Тильзитских договоренностей? Свое мнение обоснуйте анализом фактов.
2. Как Александр I и его ближайшее окружение оценивали Тильзит? Как русское образованное общество, прежде всего дворянство, оценивало Тильзит и перспективы «союза» с Францией?
3. Какие экономические, финансовые, налоговые и прочие меры принимало русское правительство для подготовки к войне с Наполеоном?
4. Было ли предпринято все возможное, с точки зрения объективных возможностей России в 1807–1812 гг.?
5. Оцените действия Александра I, как руководителя государственной политики России, в 1807–1812 гг.?

2. ЧТО РОК ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ...

• Состояние Франции к 1812 г.

Во Франции к 1812 г. жило 28 млн человек, но Французская империя имела куда большее население, т.к. в 1810–1811 гг. в ее составе оказались Бельгия, Голландия, Швейцария, Северная Италия, часть балканских и прочих земель), а это — еще 14 млн жителей. Вместе же с насильственно принужденными к союзу с Наполеоновской Францией странами император всех французов обладал людским потенциалом в 72 млн человек.

В отличие от Англии, Франция и после Великой революции 1789–1799 гг. оставалась преимущественно аграрной страной. Однако процесс модернизации быстро шел во всех сферах — экономической, социальной и политической.

Превращение крестьян в результате революции в частных собственников земельных участков (размерами в основном от 5 до 10 га) и два десятилетия их свободного труда обеспечили значительный количественный и качественный рост французского аграрного сектора. Только урожайность за эти годы поднялась на 10%. Выросло поголовье скота, повсеместно распространялась новая для Европы эффективная культура — картофель. (Именно картошка в годы неурожая 1812–1813 гг. спасла Францию от массового голода.) Расширились посевы технических культур — льна, конопли, хмеля. Особых успехов добилось виноградарство. Производство вин и уксусов в 1812 г. превзошло уровень 1790 г. на 50%.

Сельская буржуазия (крепкий крестьянин-собственник) составляла большую часть населения послереволюционной Франции. Наполеон стремился упрочить положение этих людей. В 1802 г. была проведена поземельная перепись с указанием имен новых владельцев земли и утверждением невозможности пересмотра их прав собственности. В благодарность французские крестьяне на плебисците о возможности пожизненного консульства Наполеона голосовали «за». Так же на «ура» у них прошло известие о превращении Наполеона в императора всех французов (1804). По мнению большинства

Герб Французской империи

*Наполеон посещает мануфактуру братьев Севен.
Худ. Ж. Изобе. 1800-е.*

историков, именно массовая поддержка Наполеона со стороны мелких сельских собственников, составляющих большинство населения Франции, обеспечила стабильность бонапартизму, как политическому режиму 1799 – 1815 гг.

Процесс модернизации сделал ведущей отраслью экономики промышленность, что особенно ярко проявилось в британской истории. Наполеон проводил политику поощрения развития французской промышленности, особенно текстильной, где было занято 200 тыс. рабочих. К примеру, в том же 1802 г. были подняты ввозные пошлины на иностранные, особенно английские, хлопчатобумажные ткани. Огромные заказы поступали мануфактуристам от Военного ведомства и даже от императорского двора (в 1810 «текстильный король» Оберкампф получил заказ на 50 тыс. франков на поставку тканей для платьев придворных дам).

У континентальной блокады, помимо военно-политического антибританского подтекста, был и экономический. Изгнание английских товаров с европейского континента должно было создать тепличные условия для заполнения европейских рынков французскими товарами, стимулируя рост всех отраслей французской промышленности. Другое дело, что полумануфактурная французская индустрия не могла справиться с такими объемами, а часто, в силу объективных причин, она не могла обойтись без английского экспорта. К примеру, попытки растить хлопок во Франции провалились из-за природного фактора, и упомянутый выше Оберкампф чуть не разорился к 1811 г. из-за дефицита сырья – хлопка, вывозимого британцами из Индии. Оберкампфа спасли лишь правительственные субсидии.

Что касается политического развития Франции, то здесь в 1799 – 1811 гг. установилась военная диктатура, но это был уже буржуазный тип диктатуры, названный бонапартизмом. В стране действовала Конституция 1799 г., хотя и весьма ограниченная. Фундаментальные достижения революции получили закрепления в Гражданском, Коммерческом и Уголовном кодексах Наполеона. На основе нового для тогдашней Европы принципа всеобщей мужской воинской повинности была создана новая французская армия. Ее победами 1792 – 1811 гг. внешнеполитический престиж Франции был поднят на небывалую высоту. Армия боготворила своего вождя и во многом создателя – Наполеона. Заговоры республиканцев (преимущественно якобинцев) и роялистов (сторонников дореволюционных порядков), их покушения на жизнь Наполеона нарушали стабильность в стране. Народу и большинству в политической элите казалось, что случайная смерть первого консула может поколебать государственный порядок и лучше превратить первого, а с 1802 г. пожизненного, консула Наполеона в настоящего монарха. Это не противоречило и внутреннему желанию бывшего республиканца Бонапарта. В 1804 г. Наполеон был провозглашен императором всех французов, что и было закреплено в очередной раз переписанной Конституции, где Франция по-прежнему именовалась «республикой».

Наполеоновский орел

Лишь в 1808 г. за Францией было закреплено официальное название «империя».

Но у монарха должен быть наследник. Супруга императора Жозефина Богарне, безусловно, главная женщина в жизни Наполеона, не родила ему наследника. Ради династических интересов Наполеон разводится с Жозефиной (1810), оставляя за ней титул императрицы, безуспешно сватается к сестрам Александра I — Анне и Екатерине — и наконец женится на дочери австрийского императора Франца I — Марии-Луизе.

Забегая вперед, скажем, что сын императора всех французов и Марии-Луизы — Наполеон II (при австрийском дворе его именовали Франц) после крушения отца воспитывался при австрийском дворе и умер в 1832 г. 21 года от роду.

• Военные силы Французской империи к 1812 г.

Комментарий историка

По всей Западной Европе Наполеон обладал армией численностью до 900 тыс. человек. Великая армия, предназначенная для войны с Россией, насчитывала 600 тыс. человек при 1372 орудиях.

Армия вторжения насчитывала 444 тыс. бойцов при 940 орудиях. Она состояла из трех группировок войск. Левое (северное) крыло, включавшее корпус Макдональда, позже усиленный корпусами Удино и Сен-Сира, имело стратегическим направлением движение на Полоцк — Петербург.

На правом (южном) крыле находилась австрийская армия численностью в 30 тыс. человек во главе с Шварценбергом, которому позже придали и корпус Ренье.

В центре находились войска, которыми командовал сам Наполеон, а также младший брат Наполеона вестфальский король Жером и пасынок Наполеона вице-король Италии Евгений Богарне. Войска Жерома (78 тыс. человек при 159 пушках) должны были двигаться к Гродно и оттягивать на себя как можно большее число сил Второй русской армии. В задачи Евгения Богарне (82 тыс. солдат и офицеров, 208 орудий) входило не дать Первой и Второй русским армиям объединиться. И, наконец, главный ударный кулак под командованием самого Наполеона (218 тыс. человек при 527 орудиях) должен был разгромить сначала Первую русскую армию, двигаясь по направлению Ковно — Вильно.

(Бородино 1812. С. 40–41.)

• Планы Наполеона относительно русской кампании

Из исторического исследования

К лету 1812 г. общая численность наполеоновской армии вместе с союзными войсками достигла гигантской цифры 1 млн 200 тыс. человек, из которых более половины планировалось для похода в Россию.

Были разработаны и два плана будущей войны. Первый предусматривал начало войны в апреле — мае 1811 г. Он строился на расчете Наполеона спровоцировать Россию на объявление войны первой, выманить русские войска на территорию Польши и Пруссии и повторить кампанию 1806 — 1807 гг. — в одном-двух сражениях разгромить их...

(Захват герцогства Ольденбургского, правителем которого был муж Екатерины, любимой сестры Александра I, и был такой провокацией. Однако Александр не начал войны... — прим. сост.)

Король Вестфальский

Иероним (Жером) Бонапарт (1784–1860), младший брат Наполеона. В начале кампании возглавлял группу войск из трех пехотных и кавалерийского корпусов (ок. 80 тыс. человек), направленную против 2-й Западной армии Багратиона. Действовал неудачно, был отстранен от командования. Отбыл в Кассель, а в октябре 1813 г. бежал во Францию.

Жирасиры Великой армии

Солдаты Великой армии

В августе 1811 г. Наполеон приступил к разработке второго плана, на этот раз рассчитанного на вторжение в Россию... Этот второй план был рассчитан на длительную (два-три года) кампанию — осаду России: вначале он понимал, что эта страна не Пруссия и «блицкригом» огромную империю не завоеуешь.

Многие из ближайшего окружения Наполеона (Мюрат, Даву, Коленкур и др.) впоследствии подтверждали, что первую кампанию он намеревался провести вблизи границ России, в треугольнике Рига — Минск — Луцк...

В мае 1812 г. в Дрездене Наполеон говорил Меттерниху, что дальше Минска он вглубь России в 1812 г. не пойдет. Армия перезимует в Литве и Западной Белоруссии и в 1813 г. начнет все сначала... в начале августа 1812 г. Наполеон говорил своему любимцу, неаполитанскому королю Мюрату: «Первая русская кампания окончена... В 1813 г. мы будем в Москве, в 1814 — в Петербурге. Русская война — это трехлетняя война».

Вся гениальность стратегического отступления 1-й и 2-й армий, блестяще осуществленного М.Б. Барклаем-де-Толли и П.И. Багратионом, состояла именно в том, что оно опрокинуло план Наполеона. Даже не подозревая этого, они навязали ему свое решение сроков кампании и тем поставили французского императора в безвыходное положение.

(Бородино 1812. С. 34–35.)

• Мысли Наполеона накануне русской кампании

Из воспоминаний камердинера Наполеона — Луи Константа Вери

“Я постараюсь здесь вспомнить о событиях, относящихся лично к императору, которые произошли во время его поездки меж границ Франции и Пруссии.

Если мы попытаемся сравнить наш поход в Москву и наше возвращение оттуда, то какой в итоге мы получим печальный контраст! Нужно было видеть Наполеона в Дрездене, чтобы осознать мысль о той высочайшей точке, которую способно достичь человеческое величие. Там, более, чем когда-либо и где-либо еще, император был приветлив и любезен со всеми. Судьба милостиво взирала на него.

Среди других подробностей нашего пребывания в Дрездене я помню о разговоре императора с маршалом Бертье, которого он вызвал к себе в очень ранний час. Когда маршал прибыл, Наполеон еще не встал с постели, но я получил приказ привести немедленно маршала к императору; и, пока я одевал императора, присутствовал при беседе между ними. Как бы я хотел запомнить весь разговор, но, по крайней мере, я уверен, что правильно передам одну поразившую меня, высказанную императором, мысль.

Император заявил примерно следующее:

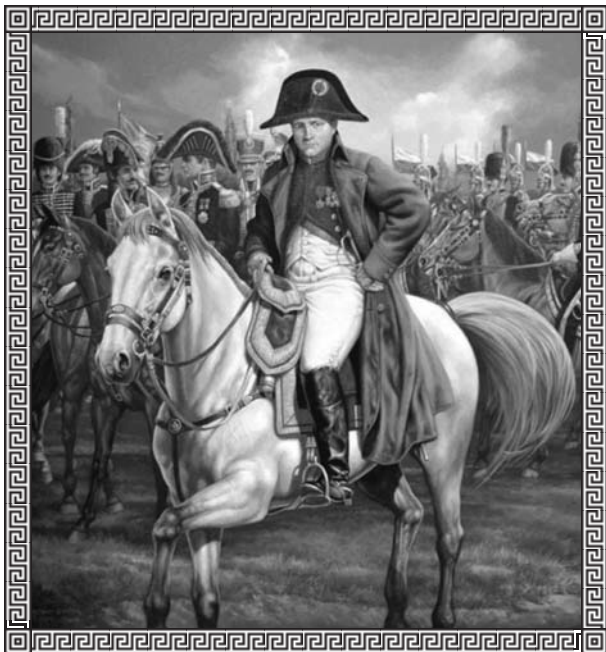
«Я ничего плохого не хочу Александру; это не с Россией я веду войну, так же, как и не с Испанией. У меня есть только один враг — Англия, и это до нее я стараюсь всеми силами добраться. Я буду преследовать ее повсюду». Во время этой речи император обгрызал свои ногти, что было его постоянной привычкой».

(Наполеон. Годы величия.)

Секретарь Наполеона Клод-Франсуа Меневаль о плане Русской кампании

“План Наполеона состоял в том, чтобы отступить к Смоленску, а затем в Литве обосноваться на зимних квартирах, чтобы подготовиться к возобновлению военных действий весной. Необычная суровость преждевременной наступившей зимы помешала реализовать эти планы».

(Наполеон. Годы величия.)

Наполеон и его солдаты

Наполеон — лидер

“Есть люди, которых не убеждает удивительная гениальность, воплощенная в имени Наполеона... Но ведь Бертье, Талейран, многие другие никогда не отдавали приказа, никогда не писали депеши, которые бы не были продиктованы Наполеоном. Наполеон был не только инициатором идеи, он брал на себя ее подробную разработку.

Я не хочу сказать, что он был прав, стремясь таким образом делать все сам; но сверхчеловеческая активность его гения очевидна. В жизни ему было суждено организовывать и создавать, и он со всей тщательностью делал то, что уготовила ему его участь: писал депеши самого разного рода, давал указания для выполнения заданий в самых различных областях деятельности — военной, административной, финансовой, литературной, набрасывал проекты нот, которые его послы вручали правительствам тех стран, где они были аккредитованы, и так далее,

и так далее, — все писалось им; казалось, все это он делал играючи, без какого-либо видимого умственного напряжения. Действуя таким образом, Наполеон прославлял тех людей, которых держал на службе, поскольку казалось, что все замышлялось и все претворялось в жизнь этими людьми, в то время как на самом деле все делалось только им».

(Наполеон. Годы величия.)

Наполеон и его солдаты

“Наполеон не оставлял без внимания и самых молодых солдат. Казалось, что все, касающееся их, интересует его. Он знал все их нужды и спрашивал их: заботятся ли о них их капитаны? Уплачено ли им жалованье? Все ли у них есть?...

Они говорили себе, что этот великий император, который о нациях судит в массах, к ним, солдатам, относится иначе и обращает внимание на мельчайшие подробности, касающиеся их. Они-то и составляют ему самую старинную и самую настоящую семью! И вот таким путем он заставлял их любить войну, славу и себя.

... Когда он подъехал к берегу, его лошадь вдруг споткнулась и сбросила его на песок. Чей-то голос крикнул: «Это плохое предзнаменование! Римлянин отступил бы непременно!..»

(Ф.-П. де Сегюр. «Поход в Россию. Записки агьютанта императора Наполеона I». С. 31–32.)

Дурное предзнаменование

“По окончании рекогносцировки он (император Наполеон) подъехал к группе чинов штаба, чтобы снова обсудить вопрос о различных пунктах, где войска могли бы занять позиции. Когда император скакал галопом по полю, из-под ног его лошади выпрыгнул заяц, и она слегка отскочила вбок. Император, который очень плохо ездил верхом, упал наземь, но поднялся с такой быстротой, что был на ногах прежде, чем я подоспел, чтобы его поднять. Он вновь сел на лошадь, не произнеся ни слова. Почва была очень рыхлая, и он лишь

слегка ушиб нижнюю часть бедра.

Я тогда же подумал, что это — дурное предзнаменование, и я, конечно, был не единственным, так как князь Невшательский тотчас же коснулся моей руки и сказал:

— Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение — дурное предзнаменование».

На лицах некоторых чинов штаба можно было прочесть, что римляне, верившие в предзнаменования, не перешли бы через Неман».

(А.О.Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Таллин-Москва, 1994. Гл. 3).

Дурное предзнаменование.

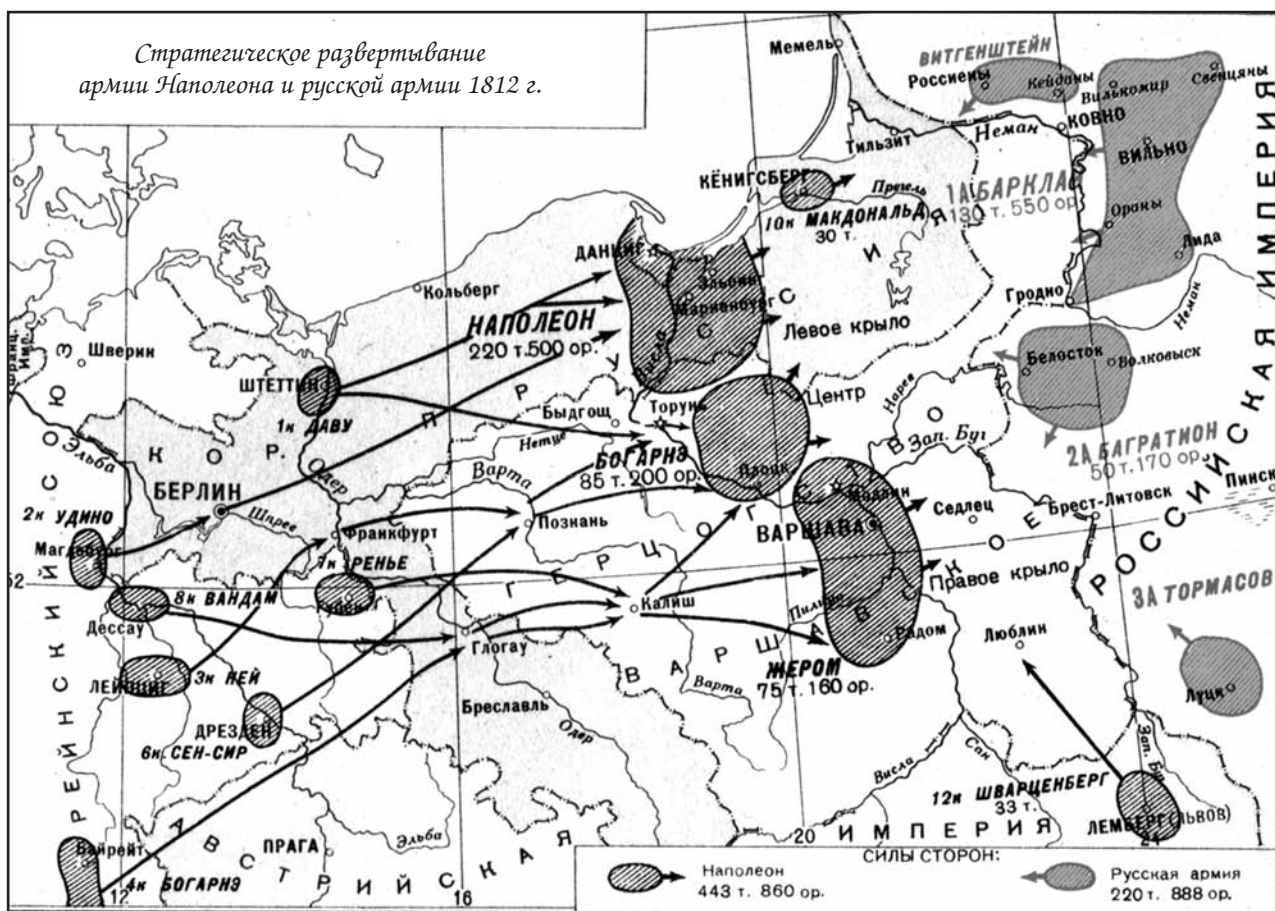
Худ. Н. Бунин

В боевом порыве

«Горячность, охватившая их, была так велика, что две дивизии авангарда, оспаривая друг у друга честь первыми вступить на чужой берег, начали драку, и только с трудом удалось успокоить их. Наполеон торопился вступить ногой на русскую почву. И он, без малейшего колебания, сделал этот первый шаг к своей гибели!

...Он мчался со всей быстротой, на какую только была способна его лошадь, и, казалось, в своей горячности хотел один настичь врага».

(Ф.-П. де Сегюр. Поход в Россию. С. 31—32.)

Александр Дмитриевич Балашов (1770–1837)

Генерал-адъютант, министр полиции в 1811–1819 гг. Член Государственного совета. Участник зарубежных походов в составе свиты императора Александра I, выполнял дипломатические поручения.

• **Миссия Балашова**

*А.Д. Балашов у Наполеона.
Или к роману «Война и мир»
Худ. А.В. Николаев*

Хроника фактов

12 (24) июня 1812 г. Великая армия пересекла границу России. Этого ждали. Не случайно русский император находился при Первой армии в Вильно. Дурные известия застали его на балу, где, по воспоминаниям графини Шуасель-Гуфье, Александр, «одетый в форму Семеновского полка, которая ему очень шла, очаровывал дам». Та же мемуаристка утверждает, что позже царь признавался, что «сильно страдал от необходимости выказывать храбрость, которую отнюдь не чувствовал»¹.

13 июня Александр I направил к императору всех французов своего посланца А.Д. Балашова с предложением: отвести французские войска обратно за границу России и сесть за стол переговоров. Записки современника событий генерала Бенкендорфа свидетельствуют, что русский император понимал бесплодность миссии Балашова и расценивал ее лишь как демонстрацию своей воли к миру перед лицом общественного мнения в России и Европе.

Наполеон встретил Балашова иронично и на его предложение ответил отказом. Наполеон обвинял Россию в невыполнении условий континентальной блокады и в антифранцузских происках в Пруссии.

Шутил относительно манеры русского царя вести дипломатию, указывая на Коленкура, который не приветствовал нападения на Россию, Наполеон говорит: «Император Александр хорошо обращается с послами. Он воображает, что политика делается лаской. Из Коленкура он сделал русского».

Российская легенда сообщает, что далее Наполеон спросил русского генерала, какая из дорог быстрее всего выведет его к Москве. «Все дороги ведут к Москве, — ответил Балашов, — Карл XII шел через Полтаву...»

Александр I – Наполеону, 13 (25) июня 1812 г.

“Государь, брат мой! Вчера я узнал, что, несмотря на добросовестность, с которой я соблюдал мои обязательства по отношению к Вашему Императорскому Величеству, Ваши войска перешли границы России. Если Ваше Величество не расположены проливать кровь ваших подданных из-за такого рода недоразумения и если Вы согласны вывести Ваши войска с русской территории, то я оставлю без внимания происшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В противном случае я буду вынужден видеть в Вас врага, которому я не давал повода для нападения. От Вашего Величества зависит избавить человечество от бедствий новой войны, — Ваш брат Александр».

¹ Madame la Comtesse de Choiseul-Gouffier. Historical Memoirs of the Emperor Alexander I and Court of Russia, translated by Mary Berenice Patterson. London, 1904. P. 92, 94.

*Наполеон I и Александр I
во время Эрфуртского
свидания 1808 г.*

Наполеон – Александру I, 13 (25) июня 1812 г.

“...даже Бог не может повернуть события вспять... Я отклоняю условия мира, предложенные Вами, но открыт для переговоров...

Придет день, когда Ваше Величество признает, что Вам не хватало ни твердости, ни доверия и, да позволено будет мне сказать, искренности. Ваше Величество сами погубили свое царствование».

Комментарий к письму Наполеона

Ни на это, ни на все последующие письма и обращения Наполеона к Александру I русский царь не ответил...

? Вопросы

1. Дайте определение процессу модернизации. Был ли этот процесс ведущей тенденцией в развитии Европы в начале XIX в.?
2. Как обстояло дело с модернизацией в России? Свой ответ постройте на анализе информации, приведенной в данной книге.
3. Сравните потенциал России и Франции к 1812 г. (Помните, что сравнить – значит найти сходство и отличие, а также сделать некие выводы.)
4. Каковы были причины, которые привели к войне Францию и Россию в 1812 г.?
5. Каков был план Наполеона относительно военной кампании в России?
6. Как действовала российская власть в преддверии войны с Наполеоном? Все ли необходимое было сделано, на ваш взгляд?
7. Как вы оцениваете деятельность Наполеона в ходе его подготовки к русской кампании?
8. Как вы оцениваете деятельность Александра I в ходе подготовки России к отражению натиска Наполеона?
9. Где у русской стороны дела шли более успешно: на дипломатическом поприще или в военных приготовлениях? Свой ответ докажете анализом фактов и объясните причины такого положения с «дуэлью военных» и «дипломатической дуэлью» 1810–1812 гг.

3. «СКИФСКИЙ ПЛАН»¹

Русские армии не приняли сражение у границы. Великая армия Наполеона форсировала Неман, а русские начали отход на восток. 12 июня (9 июля) 1812 г. М.Б. Барклай-де-Толли сумел сосредоточить в Дриссе свою армию. 2-я армия Багратиона, отрезанная войсками Евгения Богарне, не смогла пробиться в Дриссу. 1(13) июля Барклай провел в Дриссе военный совет, на котором решили отвергнуть план Фуля.

Барклай-де-Толли не стал дожидаться, когда Наполеон эффектно уничтожит или возьмет в плен в Дриссе его армию. 2 (14) июля он тихо и быстро оставил Дрисский лагерь, уничтожив все, что нельзя было вывезти. 25-тысячный корпус был выделен 1-й армией на прикрытие Петербурга, основная часть 1-й армии через Полоцк двинулась к Витебску, надеясь там соединиться с армией Багратиона.

Такой оборот событий расстроил Наполеона, ибо быстрая и легкая победа ускользнула. Император всех французов кинулся преследовать Первую русскую армию, а она продолжала отступать, огрызаясь лишь арьергардными боями, важнейшие из которых случились уже под Витебском.

Император Александр I смог отбыть из армии в Москву и Петербург для мобилизации сил страны. Зная дальнейших ход событий в 1812 г., можно констатировать, что стратегически начальный этап войны был выигран русскими — обе русские армии сохранились и двигались для соединения, противник расплыл силы и потерял время, фактически подчиняясь стратегической инициативе русских. Конечно, все это современникам стало ясно только потом — это отражено, к примеру, в «Записках» Бенкендорфа, участника событий, который не был суров в оценке плана Фуля. В июньские и июльские же дни 1812 г. все виделось в ином, куда более мрачном свете. Почти все в армии и обществе проклинали «дурацкий план бездарного пруссака»...

• **Метаморфозы памяти**

Миф о скифском плане

“Говорят старики уланы, что всякий раз, как войско русское двинется куда-нибудь, двинется с ним и все непогоды. На этот раз надобно им поверить: со дня выступления провожают нас снег, холод, вьюга, дождь и пронзительный ветер».

Скорыми маршами едем мы вглубь России и несем на плечах своих неприятеля, который от чистого сердца верит, что мы бежим от него. Счастье ослепляет!..

Вопреки бесчисленным поклонникам Наполеона беру смелость думать, что для такого великого гения, каким его считают, он слишком уже уверен и в своем счастье и в своих способностях, слишком легковверен, неосторожен, малосведущ.

Слепое счастье, стечение обстоятельств, угнетенное дворянство и обольщенный народ могли помочь ему взойти на престол; но удержаться на нем, достойно занимать его будет ему трудно. Сквозь его императорскую мантию скоро заметят артиллерийского поручика, у которого от неслыханного счастья зашел ум за разум: неужели, основываясь на

¹ Позже, осмысляя кампанию 1812 г., Наполеон пришел к выводу, что у «лукавого византийца» Александра I был заранее подготовлен «скифский план». Суть его заключалась в том, чтобы заманить Великую армию вглубь России, заставить Наполеона растянуть коммуникации и потерять на этом свое огромное численное превосходство, а далее с помощью русской природы (сурового климата и протяженного ландшафта при неразвитой инфраструктуре и «дикости» населения) обескровить и разбить французские силы.

Как считает большинство отечественных историков, никакого подробного, заранее выработанного плана у русского командования не было.

Но письма и последние перед войной 1812 г. высказывания императора Александра I показывают, что он, предполагая самое худшее — разгром русских армий, надеялся на конечную победу России, уповав именно на эти факторы. Однако Александр часто говорил, что русским удастся сохранить свою армию и в глубине России она сумеет противостоять Наполеону.

На наш взгляд, нарисованный воображением русского императора сценарий предстоящей русской кампании Наполеона был весьма близок к реально случившемуся в 1812 г.

*Наполеон в Москве.
Худ. С. Кожин*

одних только сведениях географических и донесениях шпионов, можно было решиться идти завоевывать государство обширное, богатое, славящееся величием духа и бескорыстием своего дворянства, незыблемой опоры русского престола; устройством и многочисленностью войск, строгою дисциплиною, мужеством их, телесною силою и крепостью сложения, дающего им возможность переносить все трудности; государство, заключающее в себе столько же народов, сколько и климатов, и ко всему этому имеющее оплотом своим веру и терпимость? Видеть, что это славное войско отступает, не сражаясь, отступает так быстро, что трудно поспевать за ним, и верить, что оно отступает, страшась дождаться неприятеля! Верить робости войска русского в границах его отечества!.. Верить и бежать за ним, стараясь догнать. Ужасное ослепление!! Ужасен должен быть конец!..

Французы употребляют все старания догнать нас и подраться, а мы употребляем тоже все старания уйти и не драться. Маневр этот очень утешает меня. Забавно видеть, с какою быстротою несем мы доверчивого неприятеля своего во глубину лесов наших!.. не всегда, однако ж, кажется это смешным. Воображая страшный конец отступления нашего, я невольно вздыхаю и задумываюсь. Французы — неприятель, достойный нас, благородный и мужественный; но злой рок в виде Наполеона ведет их в Россию; в ней положат они голы свои, в ней рассыплется кости их и истлеют тела».

(«Записки кавалерист-девицы» Надежды Андреевны Дуровой)

? Вопросы

1. Как вы понимаете термин «скифский план»? Откуда происходит данное понятие?
2. Исходя из представленного в данной книге материала, скажите, был ли у России заранее выработанный «Скифский план». Свой ответ докажете анализом фактов.
3. Как и почему, на ваш взгляд, родилась версия о наличии у Александра I «скифского плана» разгрома Наполеона в России?

Н.А. Дурова

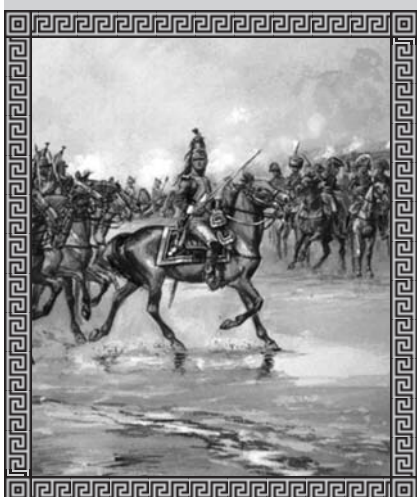
ей черкесского коня Алкида, езда на котором скоро стала ее любимым удовольствием. Восемнадцати лет Дурова была выдана замуж, и через год у нее родился сын (об этом в «Записках» Дуровой не говорится).

Она сблизилась с есаулом казачьего отряда, стоявшего в Сарапуле; возникли семейные неприятности, и она решила осуществить свою давнишнюю мечту – поступить в военную службу. Воспользовавшись отправлением отряда в поход в 1806 г., она переоделась в казацкое платье и поскакала на своем Алкиде за отрядом. Нагнав его, она назвалась Александром Дуровым, сыном помещика, получила позволение следовать за казаками и в Гродно поступила в конно-польский уланский полк. Она участвовала в битвах при Гутшадте, Гейльсберге, Фридланде, всюду обнаруживала храбрость, была награждена солдатским Георгием и произведена в офицеры с переводом в мариупольский гусарский полк.

Государь, до которого дошли слухи о ее поле, позволил ей называться Александровым и обращаться к нему с просьбами. Вскоре после этого Дурова уехала в Сарапул к отцу, прожила там более двух лет и в начале 1811 г. вновь явилась в полк (уланский литовский). В Отечественную войну она участвовала в сражениях под Смоленском, Колоцким монастырем, при Бородине, где была контужена в ногу, и уехала для лечения в Сарапул. В мае 1813 г. она снова появилась в действующей армии и приняла участие в войне за освобождение Германии, отличившись при блокаде крепости Модлина и городов Гамбурга и Гарбурга.

Только в 1816 г., уступая просьбам отца, она вышла в отставку с чином штаб-ротмистра и пенсионом и жила то в Сарапуле, то в Елабуге. Ходила она постоянно в мужском костюме, сердилась, когда обращались в ней, как к женщине, и вообще отличалась большими странностями, между прочим – необыкновенной любовью к животным. Скончалась в 1866 г.

«Большая биографическая энциклопедия».

*«Мадам Бесцеремонность» –
Мария Тереза Фигёр*

Вдова Брюлон

*Пруская женщина-солдат Мария
Христиана Элеонора Прогаска*

Женщины-солдаты в эпоху наполеоновских войн**Мария Тереза Фигёр (1774–1861)**

Во французской армии с 1793 по 1812 г. сражалась женщина-солдат Мария Тереза Фигёр. Она равно отличалась, как храбростью (однажды вынесла с поля боя раненного генерала и нескольких солдат), так и грубостью манер, за что получила прозвище «мадам Бесцеремонность». Большую часть службы была драгуном. Дважды попадала в плен к австриякам, которые, однако, отпускали ее к своим. В Испании в 1812 г. попала в плен к англичанам, где и пробыла до 1814 г.

Вдова Брюлон (1772–1859)

Другой француженкой-солдатом являлась вдова Брюлон, дочь солдата и жена солдата французской армии. Защищала Корсику от англичан. Последние годы своей жизни провела в парижском доме Инвалидов (пансионе для заслуженных солдат и офицеров).

Мария Христиана Элеонора Прочаска (1785–1813)

В Прусской армии была своя женщина-солдат, служившая в августе–сентябре 1813 г. под именем Августа Ренца барабанщиком в 1-м егерском батальоне добровольческого корпуса фон Лютцова. Была тяжело ранена и скончалась от заражения крови в возрасте 28 лет 5 октября 1813 г. Бетховен посвятил ей сочинение «*Buhnenmusik*».

Реакция русских на вторжение Наполеона**Из манифеста Александра I к народу**

“...Я буду не покладать рук до тех пор, пока хоть один вражеский солдат останется в моей империи!

Я буду с вами, и Бог будет против агрессора!»

К Патриотам

Цари в плену — в цепях народы!
 Час рабства, гибели приспел!
 Где вы, где вы, сыны свободы?
 Иль нет мечей и острых стрел?
 Иль мужество в груди остыло,
 И мстить железо позабыло?
 Скорей сомкнитесь в ратный строй!
 Зовет Отечество: летите!
 И сколь ужасно, покажите —
 России нарушать покой.

* * *

Ополченцы в 1812 г.
 Худ. И. Архипов

Воспрянь, героев Русских сила!
 Кого и где, в каких боях
 Твоя десница не разила?
 Днесь ратует в родных краях,
 Где персть, древа и камни хладны
 Возжгут твой дух, ко славе жадный!
 Один, один врагу удар —
 И вся Европа отомстится:
 Здесь Бельт от крови задымится.
 А там — вспыхивает Гибралтар!

М.В. Милонов

«*Вестник Европы*», июль 1812 г.

Из исследований историков

12 июля в 9 часов утра Александр появляется в Кремле на Красном крыльце и видит перед собой море людей — здесь пред ним вся Россия, единая в своем религиозном благоговении пред царем. Народ встречает его криками восторга, они заглушают друг друга, ширятся: «Ура!... Веди нас, царь-батюшка!... Умрем или победим!» Когда царь спускается по ступенькам на площадь, тысячи рук тянутся к нему, стараясь коснуться его. Люди смеются, плачут, целуют полы его мундира. С трудом он пробирается через теснящую его толпу к собору, где митрополит взволнованно благословляет его: «Царю! Господь с тобою: Он гласом твоим повелит бури, и станет в тишину, и умолкнут волны потопные. С нами Бог!»

Русская пушка «Единорог». 1812 г.

На Собрании в Слободском дворце московское купечество в патриотическом порыве жертвует миллионы рублей на общее дело, дворянство выставляет 24 тыс. ратников, а богатые вельможи обязуются обмундировать и вооружить несколько полков.

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 151–152.)

Пожертвования в сумме 3 и 8 млн были сделаны соответственно московским дворянством и купечеством. Патриотическая реакция в России на нашествие не подлежит сомнению. 6% правительственной казны составили займы в апреле, но жертвования были существенны для того, чтобы снабжать армию; все со-

словия, имеющие некоторый достаток, — дворяне, купцы, мещане, духовенство, поставляли в больших количествах деньги и товары. Например, 11 городских дум в Калужской губернии пожертвовали от себя 239 652 рубля, духовенство — 9 204 рубля и 10 фунтов серебра.

По стране в целом более 82 миллионов рублей было собрано в 1812 — 1815 гг.

(Д.М. Харпли. Александр I. С. 163.)

«Вестник Европы» от 15 сентября 1812 г.

Между тем как настоящие происшествия приводят в недоумение почти всех современных свидетелей, наблюдательный ум ищет причин оным в веках отдаленных. История служит для него зеркалом, в котором проницательное око видит неразрывную цепь событий. Франция только со времени постыдной своей революции соделалась позорищем ужасных неистовств и воспитала грабителей, нагло попирающих священные права, коими обеспечивается благо народов; однако ж начало того ненасытного властолюбия, которым живет и дышит нынешнее правительство Франции, скрывается во мраке давно протекшего времени. Еще в половине минувшего столетия одним беспристрастным наблюдателем сочинена книга на немецком языке (недавно вышел Русской перевод сей книги под названием: «История о политических Франции обманах, коварствах ее и вероломствах, несоблюдении ею мирных трактатов и нарушении священнейших союзов». С.-Петербург, 1812. На 314 стр. в 8-ю долю л. — Помещаемое здесь извлечение взято из Русского перевода. Изг.), в которой открыты и обнаружены многократные вероломства и обманы, какие Франция в течение нескольких веков противу всех Европейских держав оказывала, и тем самым чрезмерно распространила свои границы. Уже тогда напоминаемо было, что сии обманы и вероломства должны пробудить Европейские Государства для соединения всех сил, дабы заключить Францию в теснейшие пределы и отнять те области, кои она неправедными войнами, нарушением или несоблюдением мирных постановлений противозаконно к себе приторгла. И прежде за несколько сот лет были многие писатели, которые открывали свету французские обманы по делам военным и мирным.

Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопгин – Александру I

“У нас надежные тылы. У вашего государства два могущественных защитника – пространство и климат. Русский император грозен в Москве, страшен в Казани, непобедим в Тобольске».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 150.)

• **Наполеон и его армия в зеркале православной проповеди («европейский модерн и русская архаика»)**

Мнение историка

Это было время интенсивной религиозной активности в России в ответ на шок от вторжения и в большей степени реакцией на осквернение наполеоновскими войсками церквей. Русская православная церковь уже объявила Наполеона Антихристом в 1806 г. Сегюр, служивший в Великой армии, обвинял православное духовенство в возбуждении крестьян против французов рассказами, что французы были «дьявольским легионом под командой Антихриста, ужасного на вид, одно прикосновение которого оскверняло все вокруг».

(Д.М. Хартли. Александр I. С. 166.)

Роль религии в Наполеоновских войнах

Наполеоновские войны как серия кровопролитных конфликтов, прокатившихся по Европе в начале XIX века, помимо прочих факторов, известны благодаря расцвету национально-освободительных движений, которые вспыхивали то в Европе, то в Америке. Наиболее известными среди них являются, конечно, партизанская борьба в Испании, ведомая различными хунтами, и партизанская война в России, развернутая регулярными полками русской армии и в ряде мест подхваченная крестьянским населением.

Однако национальный фактор имеет лишь на первый взгляд решающую роль в развитии партизанских движений и насыщении их идеологической основой. Как представляется, для большинства жителей Испании и России, взявшихся за оружие, ключевыми мотивами выступали все же религиозные мотивы, отличные от патриотических или националистических.

«Антирелигиозная пропаганда века Просвещения и Великой французской революции дала свои результаты. Конечно, среди солдат и офицеров было немало верующих людей, однако они не задавали тон, а лишь следовали общему стилю поведения своих товарищей по оружию»¹.

Уже в течение революционных войн борьба Первой и Второй коалиций рассматривалась некоторыми современниками как своеобразный «крестовый поход» европейского христианства против «еретиков» и «безбожников». Тем не менее, 15 июля 1801 г., уже после заключения Люневильского мира между императором французов и Папой Римским Пием VII был подписан конкордат – соглашение о восстановлении католической религии во Франции в качестве господствующей. Однако вместе с тем на церковь был наложен ряд ограничений – фактически контроль над ней осуществляло само государство, решившее впоследствии вовсе исключить влияние Папы Римского на духовную жизнь французов.

«Никакая булла, грамота, рескрипт, декрет... римского двора, даже заключающие в себе только подробности, не могут быть приняты, опубликованы, напечатаны, вообще пущены в ход без утверждения правительства. Никакое лицо, называющее себя нунцием, легатом, викарием или апостолическим комиссаром... не может без того же утверждения нести на французской почве какую-нибудь службу, относящуюся к делам галликанской церкви...»².

¹ Соколов О.В. Армия Наполеона. – М.: Империя, 1999 – С. 328.

² Иванов А.Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне. – М.: Молодая гвардия, 2006 – С. 126.

Одновременно гражданские церемонии ставились выше религиозных, а кроме того, конкордат вовсе не означал отмену принципа свободы вероисповедания, провозглашенного в Гражданском Кодексе 1804 г. Неудивительно поэтому, что большая часть солдат Великой армии не исповедовали никакой религии вовсе.

Разумеется, негативное отношение к религии не могло не вызвать ответной реакции у глубоко верующего населения территорий, где велись боевые действия, прежде всего Испании.

«Остатки республиканского видения религии очень сильно ожили с началом испанской войны, где монахи, священники, инквизиторы стали не просто пропагандистами священной войны против наполеоновских войск, но и вдохновителями ужасающих зверств по отношению к пленным французам или союзникам»³.

Но наравне с факторами чисто психологическими соседствовали и политические. Династия Бурбонов, правлению которой был временно положен конец после широкоизвестной встречи в Байонне, являлась не только символом власти испанской монархии, но и гарантом сохранения феодальных привилегий грандов и духовенства, прежде всего, конечно, Инквизиции. Приход к власти Жозефа Бонапарта означал резкий поворот испанской внутренней политики в русло радикальных реформ, направленных на преобразование общества, лишение двух сословий всяких феодальных привилегий и упразднение Инквизиции. И если многие гранды были всерьез увлечены либеральными идеями Просвещения и всячески поддерживали воцарение новой династии, то католическое духовенство выступило ее яростным противником.

«Набожные испанцы считали, что французская армия состоит то ли из язычников, то ли из мусульман, или уж как минимум из еретиков...»⁴

Вместе с тем, именно священники оставались для испанцев основными авторитетами, духовными наставниками и лидерами, поэтому совершенно неудивительно, что приход Жозефа Бонапарта во главе «полчища язычников» вызвал взрыв, послуживший началом многолетней кровопролитной войны.

Подобным образом ситуация обстояла и в Австрии, только если в Испании клерикальная и антифранцузская пропаганда велась священниками по собственной инициативе, то в Австрии приобрела фактически статус государственной политики. Особенно сильна стала эта тенденция после мая 1808 г., когда, вдохновленное восстанием в Мадриде, австрийское правительство начало планомерную подготовку к акту возмездия Французской империи за нанесенные в прошлом обиды. Это вылилось в религиозную пропаганду среди мужчин, вступавших в ряды ландвера. Особую роль сыграл и эрцгерцог Карл Людвиг, прославленный австрийский полководец, с 1801 по 1804 гг. возглавлявший также Тевтонский орден. Особняком стоит вспыхнувшее в 1809 г. тирольское восстание.

«С апреля по октябрь 1809 г. в Тироле бушевало восстание, возглавлял которое трактирщик Андреас Гофер. Тироль, старое владение Габсбургов, был отнят у них Наполеоном и передан баварскому королю. Местное население, подстрекаемое священниками и австрийскими агентами, подняло восстание, надеясь на поддержку со стороны австрийских войск»⁵.

В данном случае мы можем наблюдать восстание не против Баварии как таковой, а против той политики, которую проводили французские «безбожники», отделяя добрых католиков Австрии от своего монарха.

Однако особую роль религиозный фактор сыграл, конечно, во время войны 1812 года в России.

Определенные шаги по религиозной пропаганде были сделаны гораздо раньше.

³ Соколов О.В. Армия Наполеона. — М.: Империя, 1999 — С. 329.

⁴ Там же.

⁵ Лашук А. Наполеон: История всех походов и битв. 1796 — 1815. — М.: Эксмо, 2008 — С. 418.

*Поклонение иконе Смоленской Божьей Матери перед Бородинской битвой
Литография по оригиналу П. Ковалевского. 1910-е гг.*

«Александр впервые решил применить силу и другого свойства — «идеологическое» оружие. По его распоряжению в декабре 1806 г. Святейший Синод предал Наполеона анафеме и объявил его Антихристом!»⁶

Вполне естественно, что русское население, для большинства которого духовенство оставалось таким же непререкаемым авторитетом, каким оно было в Испании, поддавалось на подобную пропаганду.

В 1808 г., впрочем, анафема в отношении нового союзника была снята.

Однако это не помешало вспомнить устоявшуюся практику к 1812 г., когда Великая армия перешла Неман. «Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, — никакие силы человеческие вас не одолеют»⁷.

Для русских, которые почитали церковь и обычно молились перед каждым боем, безбожие большей части солдат Великой армии выглядело не только странным, но и угрожающим. И точно так же, как и в Испании, местное население во многих местах взялось за оружие, дабы не допустить «воцарения Антихриста»

25 декабря (7 января) 1812 г., после поражения Наполеона, Александр I издал Манифест об окончании войны, который, кроме того, предписывал ежегодно в день издания Манифеста проводить молебны. Таким образом, день окончания войны стал своеобразным религиозным праздником победы православия над атеизмом. Благодаря этой традиции окончание войны прочно закрепилось в умах как триумф веры, а значит, и триумф царя, который олицетворял единство веры и отечества.

Таким образом, религия играла чрезвычайно важную роль в ходе конфликтов Наполеоновских войн. И если воспитанные на идеалах Революции солдаты и офицеры Франции относились к религии с откровенным презрением, то верующее население России, Австрии и Испании относилось к «безбожникам и еретикам» с симметричной ненавистью. Все это послужило усилению конфликта, приобретению им более жестоких форм, а кроме того, наполнению его идеологической составляющей.

Свидетельство очевидца

Очевидно, что ненависть, испытываемая ими к Наполеону, дополнительно вызывалась самими священниками и другими религиозными служителями, которые видели в лично-

⁶ Соколов О.В. Битва двух империй. — СПб.: Астрель—СПб., 2012 — С. 171.

⁷ Бунтман Е.С. Июль: день за днем. // Дилетант, 2012, № 7, С. 46.

*Ф.П. де Сегюр.
Худ. Амбруаз*

Филипп-Поль де Сегюр (1780–1873)

Граф, французский генерал, военный писатель, историк, участник наполеоновских войн. Потомок старинного французского дворянского рода из провинции Гиень, Филипп-Поль де Сегюр был сыном графа Жозефа Александра де Сегюра (1756–1805), французского поэта, музыканта, драматурга конца XVIII в. и племянником графа Луи-Филиппа де Сегюра д'Агессо (1753–1830) французского государственного деятеля, французского посла в Петербурге с 1783 г.

С молодых лет Филипп-Поль де Сегюр служил в наполеоновской армии, он участник и летописец большинства войн Наполеона I Бонапарта. Во время кампании 1807 г. он попал в плен к русским и был освобожден после заключения Тильзитского мира. В 1812 году Сегюр находился в свите Наполеона в звании генерал-адъютанта.

В 1814 г. король Людовик XVIII Бурбон доверил ему формирование кавалерии из старой наполеоновской гвардии. Во время «Ста дней» Сегюр командовал французскими войсками, прикрывавшими Рейн. После 1815 г. он вышел в отставку. В период Июльской монархии стал пэром Франции. Он автор книг «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.», «История России и Петра Великого», «История Карла Восьмого», «История, мемуары пе-

риода с 1785 по 1848 гг.». Сочинения Сегюра отличаются красотой и возвышенностью стиля, но неглубоки по содержанию.

(Энциклопедический словарь. — М., 2009.)

После второй реставрации Бурбонов в 1815 г. Сегюр оставил службу и окончательно сменил оружие на перо...

Бывший офицер Наполеона Гаспар Гурго, сам автор книги о Наполеоне, обиделся за критичное, не без иронии, изображение императора в мемуарах Сегюра. По мнению Гурго, Сегюр написал только эффектную мелодраму. Поэтому сам он стремился во что бы то ни стало опровергнуть все утверждения Сегюра об императоре и о Бородинском сражении в частности. Обмен письмами между двумя авторами в конечном итоге привел к дуэли, закончившейся ранением Сегюра.

Воспоминаниями Сегюра пользовался Лев Толстой для описания Бородинского сражения в романе «Война и мир». Сегюр попытался показать, как мучительно принимал император решение о движении на Москву в погоне за русской армией и как быстрота этого движения приводила к расстройству войск и к столкновениям... среди французского генералитета...

Мемуары Сегюра не представляют собой личные воспоминания о пережитом, это скорее историческое повествование в стиле романа. О некоторых событиях войны рассказано со слов других участников, здесь достоверность изложения зависит от точности источников.

(По материалам электронного ресурса «Википедия». Статья «Филипп-Поль Сегюр»)

сти императора лишь богохульника, который желает опрокинуть одну за другой все религии.

(Armand Domergue. La Russian pendant les L'Empire (1805–1815): Souvenirs historiques. — Paris, 1835. P. 338.)

Из рассказа Сегюра, адъютанта Наполеона

В Витебске один из православных священников сумел получить аудиенцию у Наполеона и испросить право панихиды по убитым. Далее события, по свидетельству очевидца, развивались так:

«— Вы правы, — возразил Наполеон. — Да, Господь позаботится о невинных жертвах войны. Он вознаградит вас за ваше мужество. Идите, добрый пастырь, и возвращайтесь к вашему посту. Если бы все попы следовали вашему примеру, если бы они не изменили низким образом миссии мира, возложенной на них небесами, если бы они не покинули храмов, которые делает священными одно их присутствие, то мои солдаты уважили бы это святое убежище, потому, что мы все христиане и наш Бог — ваш Бог!

С этими словами Наполеон отправил попа в его храм, в сопровождении охраны. Но когда увидели солдат, входящих в храм, то там раздались душераздирающие крики. Толпа перепуганных женщин и детей бросилась к алтарю. Поп, возвысив голос, закричал им:

— Успокойтесь! Я видел Наполеона, я говорил с ним. О, как нас обманули, дети мои! Французский император вовсе не таков, каким его изображали нам! Знайте же, что он и его солдаты верят и поклоняются такому же Богу, как и мы! Война эта — вовсе не рели-

Ф.В. Ростопчин.
Худ. Банс

Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826)

Родился в дворянской семье и получил домашнее образование. Ребенком был записан в гвардейский Преображенский полк, где юношей прослужил два года. Выйдя в отставку, путешествовал по Германии (слушал лекции в Лейпцигском университете), побывал в Англии и Голландии. Вернувшись в Россию, опять поступил на военную службу и в 1788 г., находясь при Суворове, принял участие в штурме Очакова, а в 1791 г. вместе с А.А. Безбородко ездил в Турцию для переговоров о мире. В 1792 г. стал придворным, получив чин камер-юнкера, но Екатерине II он не нравился: во-первых, уже тогда слыл консерватором, во-вторых, симпатизировал не любимому императрицей ее сыну Павлу Петровичу.

Однако два последних обстоятельства обеспечили блестящую и быструю карьеру Ростопчина при Павле I. В 1796 г. он уже генерал-лейтенант, а на следующий год – кабинет-министр («первоприсутствующий») по иностранным делам, т.е. фактический руководитель российской внешней политики. Также Федор Васильевич руководил почтовым департаментом (с 1799) и получил титул графа. В 1800 г. стал членом императорского Совета, был пожалован 33 тыс. десятин земли и крепостными.

Ростопчин был недругом графа П.А. Палена, генерал-губернатора Петербурга, и руководителя второго заговора против Павла I, что привело его к опале и ссылке в конце царствования Павла и не дало двигаться по карьерной лестнице в начале царствования Александра I, либеральных взглядов которого граф Ростопчин не только не разделял, но и активно критиковал.

Свою долгую отставку Ростопчин провел в Москве, где приобрел известность на литературном поприще. В 1810 г. он был назначен обер-камергером. Либеральный курс императора Александра I предполагал некий компромисс с консерваторами, неслучайно в 1801–1809 гг. молодой император назначал половину министров из либералов, своих «молодых друзей», а половину из «екатерининских орлов». Это отражало реальное положение с воззрениями дворянского общества и позволяло осторожно проводить либеральные реформы в сфере образования, цензуры, государственного административного управления. Однако любое попятное движение в сторону вопроса об отмене крепостного права, как и реформы самодержавия, вызывало резкий протест русского дворянства.

Все это не мешало Ростопчину быть патриотом и ратовать за отпор Наполеону в случае его нашествия на Россию. Так же думала большая часть русского дворянства без различия либеральной или консервативной настроенности. Как известно, другой патриот России, М.М. Сперанский, много сделавший в 1807–1812 гг. для военной реформы и накопления средств на войну в российской казне, полагал, что надо любыми путями избежать войны с Францией, потому как она принесет России только поражение и утрату статуса Великой европейской державы. Оставляя Сперанского «вторым человеком» в стране при таком его настроении на фоне совершенно других воззрений общества было невозможно, что и повлекло отставку и ссылку Сперанского накануне вторжения Наполеона.

Ростопчин приветствовал падение Сперанского. Сам он, получив чин генерала от инфантерии, в мае 1812 г. был назначен военным генерал-губернатором («главнокомандующим») Москвы. С началом Отечественной войны 1812 года был начальником ополченских формирований 1-го округа, однако, будучи консерватором, не захотел раздать населению оружие из московского арсенала, и оно попало в руки французов.

За Ростопчиным утвердилась слава поджигателя Москвы при оставлении города Наполеону. При Александре I, считавшим поджог Москвы, кем бы он ни был произведен, варварством, Ростопчин публично отрицал свою причастность к пожару старой столицы. При Николае I, который полагал, что поджог Москвы русскими – это акт патриотизма русских людей всех сословий, Ростопчин принимал «честь» называться «поджигателем». Он заявлял, что не хотел, чтобы Москва нетронутой досталась неприятелю. Художественный образ Ростопчина дан Толстым в «Войне и Мире».

(По материалам книги А.П. Шикман. «Деятели отечественной истории. Биографический справочник». – М., 1997.)

гиозная война. Это просто политическая ссора с нашим императором. Его солдаты сражаются только с нашими солдатами. Они вовсе не режут, как нам это говорили, стариков, женщин и детей. Успокойтесь же и возблагодарим Господа, что мы избавлены теперь от тяжелого долга ненавидеть их как язычников, нечестивцев и поджигателей! После этого поп начал служить благодарственный молебен, и все повторяли со слезами слова молитвы.

Но даже эти самые слова указывали, до какой степени был обманут русский народ. Оставшиеся жители бежали при нашем приближении. С этого момента не только русская

*Н.Н. Раевский
Худ. Дж. Доу*

Раевский Николай Николаевич (1771–1829)

Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина <...> Человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привлекает к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества.

А.С. Пушкин

Герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии (1813). В 1786 г. произведен в офицеры, участвовал в войнах с Турцией (в 1788–1790), Польшей (в 1792–1794) и в Персидском походе 1796 г. В 1797 г. вышел в отставку. В 1805 г. с началом войны против Франции вернулся в армию. Участвовал в русско-австро-французской войне 1805 г., в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг. (в отряде П. И. Багратиона) и русско-шведской войне 1808–1809 гг. В 1810–1811 во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. командовал корпусом, который отличился при взятии крепости Силистрия (1810).

Во время Отечественной войны 1812 г. командовал 7-м пехотным корпусом, проявил большие организаторские способности военачальника, мужество и храбрость. Под его командованием корпус успешно вел бои у Салтановки, в Смоленском сражении 1812 г., Бородинском сражении 1812 г. (см. Батарея Раевского), под Малоярославцем. Участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. После войны Раевский командовал корпусом на Юге России, с 1824 г. в отставке. Оба его сына – полковники Александр и Николай, а также двоюродный брат В.Л. Давыдов привлекались по делу декабристов. Дочери Раевского – Екатерина и Мария – были женами декабристов М.Ф. Орлова и С.Г. Волконского. Раевский был дружен с А.С. Пушкиным. С 1826 г. – член Государственного совета. Во время 1-й русской антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузен назвал открытые им острова в Тихом океане в архипелаге россиян (Туамоту) островами Раевского.

(Статья из Большой Советской энциклопедии. /БЭС/ Т. 7.)

армия, но и все население России, вся Россия целиком, отступала перед нами. Император чувствовал, что вместе с этим населением у него ускользает из рук одно из самых могущественных средств к победе».

(Ф.-П. де Сегюр. Поход в Россию. С. 81–82.)

• Настроения в армии и обществе. Летопись в письмах

Большинство писем русских людей, помещенных в данной книге, взято из издания «К чести России. Из частной переписки 1812 года», далее в тексте заимствования из этого издания идут без ссылок, письма, взятые из других изданий, имеют ссылки.

Ф.В. Ростопчин – А.Д. Балашову, 20 июня 1812 г. Москва

“Из донесения моего Е.И.В. Вы изволите увидеть, сколь легко было мне при теперешнем расположении умов исполнить волю государя и собрать миллион рублей с двух первых сословий, не касаясь ни до уездного купечества, ни до мещан, даже не требуя ничего с 122 т. душ казенных крестьян. Сверх сего миллиона, по дошедшим до меня сведениям, многие из богатых здешних купцов намерены сделать знатные пожертвования, на кои я их словами и обещаниями подвигаю. На той неделе приступлю к сбору денег и о скором его ходе буду иметь деятельное старание.

С тех пор, как свет стоит, не знаю примера, чтоб известие о войне с сильным и опасным неприятелем произвело всеобщее удовольствие. Всем известно ополчение наше и изобилие в продовольствии войск. Известно всем, что счастье Наполеона взяло другой оборот, и во многих случаях неудачи заступили место успехов. Русский Бог велик! Да где ему с нами, мы все готовы! Ведь Александр Павлович за себя да за нас идет на войну – вот, что все говорят, вот, что все думают, и от сего желали все войны и ей обрадовались. <...> Про город говорить нечего, им править легко, только потребна большая деятельность. <...>»

Н.Н. Раевский – А.Н. Самойлову, 5 июля 1812 г. Бобруйск

“От Слуцка отряжен я был с 25 тыс. идти день и ночь к Бобруйску, куда пришел сего утра <...>. Что теперь предпримем — не знаю. Я назначен опять ехать с корпусом день и ночь на подводах — закрыть Могилев. Но неподвижность неприятеля, как я думаю, переменит сей *raillatif*. (Паллиатив, полумеры — *искаж. фр.*) Лучший способ закрыть себя от неприятеля — есть разбить его. Говорят, что 1-я армия в движении вперед. Говорят, что 3 полка кавалерии баварских передались к нам. Говорят, что немцы, голландцы взбунтовались, что англичане и гишпанцы сделали где-то десант и что он (Наполеон) сам поскакал во Францию, но все это говорят, и я ничему не верю. Ермолов Алексей Петрович — *chef d'état major* (начальник главного штаба — *фр.*) большой армии. Все сему рады. Он в ежеминутном сношении с государем и робких советов, каковых *St. Priest*, подавать не будет. А наш француз не совсем большой головы. Если все три армии теперь искусно двинутся вперед, то французы могут быть разделены по частям, ибо они также разделились, надеясь на робость нашу, и легко прервать их соединение.

Матушка ко мне не пишет, Вы также, хотя и пишете, но о жене моей — ни слова, почему полагаю ее в Одессе. Скажу о брате Петре (П.Л. Давыдов), что он с гусарами везде лихо отличается, и где наши с неприятелем встречаются, то везде их колотит.

Я здоров, только устал до крайности. В три дня 135 верст с войсками сделать тяжело.

Прощайте, милостивый государь дядюшка, будьте здоровы и благополучны. Честь имею пребыть с глубочайшим почтением покорный племянник Н. Раевский.

Более подробно о Н.Н. Раевском можно узнать из книг:

Борисевич А. Т. Генерал от кавалерии Н.Н. Раевский. (Ист.-биограф. очерк). — Ч. 1. СПб., 1912;

Почко Н.А. Генерал Н.Н. Раевский. — М., 1971.

П.И. Багратион – А.П. Ермолову, 7 июля 1812 г. Без места

“Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили. Теперь побегу к Могилеву, авось их в клещи поставлю. Платов к Вам бежит. Ради Бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундир носить, право, скину его. <...> Им все удастся, если мы трусов трусим. Мне одному их бить невозможно, ибо кругом был окружен, и все бы потерял. Ежели хотят, чтобы я был жертвою, пусть дадут именное повеление драться до последней капли. Вот и стану! Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человек духу, субординации, и все в расстройку. Армия была прекрасная; всё устало, истощилось. Не шутка 10 дней, всё по пескам, в жары на марше, лошади артиллерийские и полковые стали, и кругом неприятель. И везде бью! Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить! Вот одна тактическая дислокация, какая бы следствия принесла нам. А ежели бы стояли вкупе, того бы не было! Сначала не должно было Вам бежать из Вильны тотчас, а мне бы приказать спешить к Вам, тогда бы иначе! А то побежали и бегите, и все ко мне обратилось! Теперь я спас все и пойду только с тем, чтобы и Вы шли. Иначе — пришлите командовать другого, а я не понимаю ничего, ибо я неучен и глуп. Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже австрийцев и пруссаков стали.

Прощай, любезный! Христос с вами! Я всегда Ваш верный Багратион».

Фрейлина императрицы-матери Марии Федоровны М.А. Волкова – своей подруге В.И. Ланской, 29 июля 1812 г. Москва

“Мы все тревожимся. Лишь чуть оживит нас приятное известие, как снова услышим что-либо устрашающее. Признаюсь, что ежели в некотором отношении безопаснее жить в большом городе, зато нигде не распускают столько ложных слухов, как в больших городах. Дней пять тому назад рассказывали, что Остерман одержал большую победу. Оказалось, что это выдумка. Нынче утром дошла до нас весть о блестящей победе, одержанной Витгенштейном. Известие это пришло из верного источника, так как о победе этой рассказывает граф Ростопчин, и между тем никто не смеет верить. К тому же

П. М. Багратион

*А. А. Закревский.
Худ. Дж. Доу*

А.П. Ермолов

победа эта может быть полезна вам, жителям Петербурга, мы же, москвичи, остаемся по-прежнему в неведении касательно нашей участи. Что относится до выборов и приготовлений всякого рода, скажу тебе, что здесь происходят такие же нелепости, как и у вас. Я нахожу, что всех одолел дух заблуждения. Все, что мы видим, что ежедневно происходит перед нашими глазами, а также и положение, в котором мы находимся, может послужить нам хорошим уроком, лишь бы мы захотели им воспользоваться. Но, к несчастью, этого-то желая я ни в ком не вижу и признаюсь тебе, что расположение к постоянному ослеплению устрашает меня больше, нежели сами неприятели. Богу все возможно. Он может сделать, чтобы мы ясно видели, об этом-то и должно молиться из глубины души, так как сумасбродство и разврат, которые господствуют у нас, сделают нам в тысячу раз более вреда, чем легионы французов».

*Адъютант Баркляя-де-Толли А.А. Закревский – М.С. Воронцову,
5 августа 1812 г. Смоленск*

«Сколько ни уговаривали нашего министра, почтеннейший и любезнейший граф Михаила Семенович, чтобы не оставлял города, но он никак не слушает и сегодня ночью оставляет город. К сожалению нашему, город горит, форштаты также. Неприятель опять от города отступил, дрались долго и упорно. <...> Нет, министр наш не полководец, он не может командовать русскими, а мы не смеем показаться нигде. Мы будем всегда с вами вместе, что теперь необходимо нужно.

Ваш Закревский»

А.А. Закревский – М.С. Воронцову, 6 августа. Смоленск

«Холоднокровие, беспечность нашего министра я ни к чему иному не могу приписать, как совершенной измене (это сказано между нами), ибо внушение Вольцогена не может быть полезно. Сему первый пример есть тот, что мы покинули без нужды Смоленск и идем Бог знает куда и без всякой цели для разорения России. Я говорю о сем с сердцем как русский, со слезами. Когда были эти времена, что мы кидали старинные города? Я, к сожалению, должен Вам сказать, что мы, кажется, тянемся к Москве, но между тем уверен, что министра прежде сменят, нежели он туда придет. Его не иначе должно сменять как с наказанием примерным. <...> Будьте здоровы, но веселым быть не от чего. Я не могу смотреть без слез на жителей, с воплем идущих за нами с малолетними детьми, кинувши свою родину и имущество. Город весь горит.

В грусти весь Ваш А. З.»

А.П. Ермолов – П.И. Багратиону, 6 августа 1812 г. Без места

«Ваше сиятельство!

Имеете право нас бранить, но только за оставление Смоленска, а после мы себя вели как герои! Правда, что не совсем благоразумно, но и тогда можно быть еще героями! Когда буду иметь счастье Вас видеть, расскажу вещи невероятные. Смоленск необходимо надобно было защищать, но заметьте, Ваше сиятельство, что их и доселе нет в Ельне, следовательно, все были они у Смоленска, а мы не так были сильны после суточной города обороны.

Наконец, благодаря Бога, хотя раз предупредили мы ваше желание. Вам угодно было, чтобы мы остановились, дрались. Прежде получения письма вашего получил уже я это приказание. Почтеннейший мой благодетель! Теперь Вам предложит дать нам помощь. Пусть согласие доброе будет залогом успеха! Бог благословит предприятие наше. Если он защищает сторону правую — нам будет помощником! Представьте, Ваше сиятельство, что два дни решат участь сильнейшей в Европе империи, что Вам судьба предоставляет сию славу. И самая неудача не должна бы отнять у нас надежду. Надобно противостоять до последней минуты существования каждого из нас. Одно продолжение войны есть способ вернейший восторжествовать над злодеями отечества нашего.

Боюсь, что опасность, грозя древнейшей столице, заставит прибегнуть нас к миру, но сии меры слабых и робких. Все надобно принести в жертву и с радостью, когда под развалинами можно погребсти врагов, ищущих гибели Отечества нашего.

Благословит Бог! Умереть Россиянин должен со славою.

Ермолов.»

М.А. Волкова – В.И. Ланской. 22 июля. Москва

«Спокойствие покинуло наш милый город. Мы живем со дня на день, не зная, что ждет нас впереди. Нынче мы здесь, а завтра будем Бог знает где. Я много ожидаю от враждебного настроения умов.

Третьего дня чернь чуть не побил камнями одного немца, приняв его за француза. <...> В Москве не остается ни одного мужчины: старые и молодые — все поступают на службу. Везде видно движение, приготовления. Видя все это, приходишь в ужас. Сколько трауров, слез!»

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

М.А. Волкова – В.И. Ланской. 5 августа. Москва

«...Народ ведет себя прекрасно. Уверяю тебя, что не достало бы журналистов, если бы описывать все доказательства преданности Отечеству и государю, о которых беспрестанно слышишь... Мужики не ропщут, напротив, говорят, что они все охотно пойдут на врагов и что во время такой опасности всех их следовало бы брать в солдаты. Но бабы в отчаянии, страшно стонут и вопят, так что многие помещики уехали из деревень, чтобы не быть свидетелями сцен, раздирающих душу».

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

? Вопросы

1. Дайте характеристику источникам, помещенным в данном разделе, с точки зрения возможности использования их для реконструкции настроений русских людей в начале нашествия Наполеона на Россию.
2. Можно ли говорить о единстве мнений в русском обществе и народе по поводу нашествия Наполеона?
3. Какие настроения и мнения каких слоев населения вы можете реконструировать на данном материале?
4. Чем объяснялись, на ваш взгляд, такие настроения?
5. Как вы оцениваете позицию главы России в начальный период нашествия?

А. О. Л. де Коленкур.
Литография Бельяра. Сер. XIX в.

Арман Огюстен Луи де Коленкур (1772–1827)

Маркиз, герцог де Винченце, дивизионный генерал. Происходил из знатного пикардийского рода, известного с XII в. и получившего в 1714 г. титул маркиза; сын генерал-лейтенанта и сенатора.

Службу начал солдатом в Королевском иностранном полку (с 1791 г. 7-й кавалерийский). 7.7.1789 г. произведен в суб-лейтенанты. В 1792–93 гг. сражался в рядах Северной армии и 20.5.1792 г. получил чин капитана Генерального штаба. 22.5.1792 г. уволен в отставку, а 1 июля поступил волонтером в Национальную гвардию Парижа и 24.8.1793 произведен в сержант-майоры 17-го батальона Парижа. В 1794 г. служил в армии Шербурского побережья. С 26.12.1795 г. командир эскадрона 8-го кавалерийского полка.

Был приближен генералом Обером-Дюбайе и пользовался его покровительством. В марте 1796 г. в составе миссии ген. Обера отбыл в Константинополь. В июне 1797 г. вернулся во Францию, служил в составе Самбро-Маасской, Германской и Майнцской армий. 9.11.1798 г. командир эскадрона 8-го кавалерийского полка. В 1798–1800 гг. воевал в Рейнской армии, участник сражения при Штоккахе. С 30.7.1799 г. командир бригады 2-го карабинерного полка. Принимал участие в боях при Вангейме и Мескирхе.

В 1801 г. направлен в Петербург дипломатическим агентом для передачи от имени Н. Бонапарта поздравлений Александру I по поводу его вступления на престол. Играл важную роль во внешнеполитическом ведомстве Франции и пользовался большим доверием Наполеона, который 31.7.1802 г. зачислил его в свой штаб. 29.8.1803 г. произведен в бригадные генералы. 10.4.1804 г. направлен послом в Страсбург с поручением арестовать английских шпионов. Долгое время Коленкура необоснованно считали причастным к аресту и убийству герцога Энгийенского (он командовал одним из отрядов, направленных для захвата герцога, но решающей роли не сыграл). В завещании Коленкура написал: «Я клянусь, что невиновен в гибели герцога...» Тем не менее после расстрела герцога Коленкур стал еще ближе к Наполеону.

В июне 1804 г. получил звание обер-штальмейстера Императорского двора. Прошел кампанию 1805–07 гг. в составе Генерального штаба Великой армии, выполнял обязанности адъютанта императора. После Тильзитского мира 3.11.1807 г. назначен послом в Петербурге вместо генерала Савари. Встреченный первоначально очень холодно (как «убийца герцога Энгийенского») светским обществом, Коленкур затем сумел завоевать личные симпатии Александра I. Безуспешно пытался переломить сложившееся отрицательное отношение к Франции в высшем русском обществе. Активно выступал в поддержку русско-французского союза (а позже пытался убедить Наполеона не начинать войну с Россией) и оказал большое давление на Александра I в принятии им решения о завоевании Финляндии. Участвовал в переговорах Наполеона с Александром I в октябре 1808 г. в Эрфурте. 25.9.1808 награжден российским орденом Святого Андрея Первозванного.

Видя крах усилий по укреплению франко-русского союза, Коленкур в 1811 г. обратился к Наполеону с просьбой отозвать его из Петербурга. По прибытии имел семичасовой доклад, во время которого пытался убедить Наполеона в необходимости союза с Россией. «Вы стали русским», – заявил ему Наполеон. По собственной просьбе направлен в действующую армию в Испании. В 1812 г. сопровождал Наполеона в его походе в Россию и вместе с ним 5.12.1812 г. отбыл из армии в Париж. С 5.4.1813 г. сенатор. 25.5.1813 после смерти генерала Дюрока занял пост гофмаршала Двора, став, таким образом, самым близким к Наполеону человеком.

16.7.1813 г. назначен полномочным представителем Франции на конгрессе в Праге. Заключил перемирие в Плес-вице. В 13.11.1813 г. Наполеон назначил Коленкура министром иностранных дел вместо герцога Маре (занимал этот пост до 3.4.1814 г.). На конгрессе в Шатийоне, где он с 5.2.1814 г. состоял полномочным министром, пытался договориться о заключении мира, но потерпел неудачу. Коленкуру приписывается решение Александра I предоставить Наполеону во владение остров Эльба.

Во время «Ста дней» Коленкур сразу же встал на сторону императора, с 21 марта по 9 июля 1815 г. вновь занимал пост министра иностранных дел. 2.6.1815 г. получил звание пэра Франции. После вторичного отречения императора вошел в состав Временной правительственной комиссии (22.6–9.7.1815), но никакого влияния в ней не имел.

Во время 2-й Реставрации отошел от дел, и 24.7.1815 был внесен в список лиц, подлежащих преследованию, но уже 1 августа был исключен из списка по личному ходатайству Александра I.

«Человек выдающегося ума, прямой и великодушный, Коленкур питал к Наполеону рыцарскую привязанность и доблестно служил ему при исполнении многих его поручений», – писал А. Вандаль.

«У Коленкура доброе сердце и прямой характер», – сказал Наполеон.

(По материалам: К.А. Залесский. *Наполеоновские войны 1799–1815. Биографический энциклопедический словарь*, М., 2003.)

*Арьергард 1-й русской армии.
Худ. Я.С. Чагадаев*

Наступление Великой армии

Нельзя представить себе всеобщего разочарования и, в частности, разочарования императора, когда на рассвете стало несомненным, что русская армия скрылась, оставив Витебск. Нельзя было найти ни одного человека, который мог бы указать, по какому направлению ушел неприятель, не проходивший вовсе через город.

(А. О. Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Гл. 3)

Наполеон назначил битву на следующий день. Прощаясь с Мюратом, он сказал: «Завтра, в пять часов, взойдет солнце Аустерлица!» Эти слова объясняют, почему военные действия были приостановлены в момент успеха, воодушевившего солдат.

...Ни одно оружие, ни один предмет и вообще никакие следы не указывали, вне этого лагеря, какой путь избрали русские во время своего внезапного ночного выступления. В их поражении было как будто больше порядка, чем в нашей победе! Победенные, убегая от нас, они давали нам урок!

...Эта столь желанная победа, которой мы так добивались, и которая с каждым днем становилась все более и более необходимой, еще раз ускользнула из наших рук, как это уже было в Вильно!

(Ф.-П. де Сегюр. Поход в Россию. С. 47–48.)

Я услышал от императора его первые рассуждения о новой манере войны, усвоенной русскими. Он жаловался в особенности на то, что стычки, происходившие ежедневно, не давали никаких пленных, что лишало его возможности получить определенные сведения о русской армии. За исключением иезуитов, все состоятельные жители бежали. Дома были пусты. Немногочисленные жители, оставшиеся в Витебске, ничего не видали, ничего не знали и принадлежали к низшему классу.

(А. О. Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Гл. 3.)

• Полоцк

Северное крыло Великой армии Наполеона стратегически было обращено в направлении Петербурга. Наступление против корпуса Витгенштейна здесь предпринял маршал Удино, командующий 2-м армейским корпусом Великой армии. Вскоре к Удино присоединился 6-й (баварский) корпус. Удино намеревался через Полоцк открыть путь на Петербург. Однако Витгенштейн решительно остановил его.

Николя Шарль Удино (1767–1847)

Герцог Реджио, маршал Франции. Потерпел поражение от Витгенштейна в трехдневном сражении под Клястицами (18–20 июля 1812 г.). Был ранен и сдал командование командиру 6-го корпуса генералу Гувюну Сен-Сиру.

• **Рейд Винцингероде
Белые пятна истории**

Рейд 25-тысячного отряда Винцингероде из 1-й армии к Витгенштейну через занятую французами Белоруссию не привлек должного внимания историков войны 1812 года и не изучен. Это весьма обидно. По проявленному мужеству, боевому искусству и результатам этот рейд намного превосходил действия иных «летучих» отрядов, кроме отряда графа А. И. Чернышева, прошедшего через всю оккупированную Белоруссию от армии адмирала Чичагова к Витгенштейну осенью 1812 г.

**Армия Наполеона в воспоминаниях польской графини
Шуазель-Гуфье, сторонницы России**

“Шестьсот тысяч человек всех европейских национальностей, собранных под наполеоновскими знаменами шли в две линии, без провианта, без жизненных припасов по стране, обнищавшей из-за континентальной системы... Города и деревни подвергались неслыханному разорению. Церкви разгромлены, церковная утварь растащена, кладбища осквернены, несчастные женщины подверглись оскорблениям... Мародеров расстреливают. Они принимают смерть равнодушно, покуривая трубки: ведь рано или поздно им все равно суждено погибнуть под пулями... Французская армия, стоявшая в Вильно, три дня терпела недостаток в хлебе. Солдатам раздавали кое-как замешанный сырой хлеб, нечто вроде лепешек. Не было корма для лошадей, и в конце июня срезали весь хлеб на полях».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 150.)

Отступающая русская армия

Из донесения генерал-губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина

“Солдаты были без сапог, в рваном обмундировании... Продовольствия не хватало. Корпус Милорадовича пять дней не получал хлеба. Дисциплина расшаталась. Большинство солдат и кое-кто из низших офицерских чинов занимаются разбоем и мародерством. Наказывать всех невозможно».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 150.)

• **Смоленск — первое крупное сражение русской армии**

П.И. Багратион — Ф.В. Ростопчину, 24–25 июля, около Смоленска

“По желанию Вашему я пишу. Оно точно так, но между нами сказать, я никакой власти не имею над министром (М.Б. Барклаем-де-Толли), хотя и старше я его. Государь по отъ-

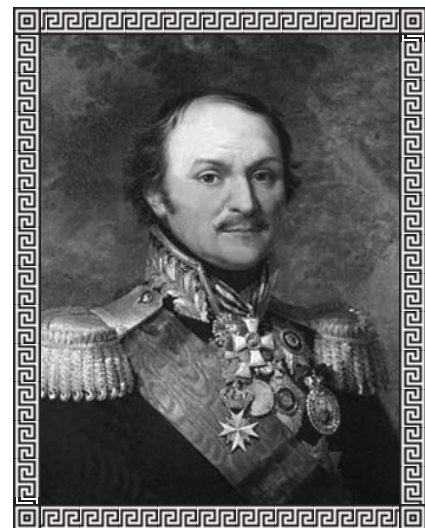
*Незванные гости.
Погтовая открытка. Нач XX в.
Худ. Б.В. Зворыкин*

езде своем не оставил никакого указа на случай соединения, кому командовать обеими армиями, и по сей самой причине он яко министр... Бог его ведает, что он из нас хочет сделать: миллион перемен в минуту, и мы, назад и вбок шатавшись, кроме мозоли на ногах и усталости, ничего хорошего не приобрели, а что со мною делали и делают с мая самого месяца, я Вам и описать не могу, но к великому стыду короля Вестфальского (Жером Бонапарт — брат Наполеона. В 1812 г. командовал одним из корпусов французской армии, но из-за неудачного преследования Багратиона был удален с театра военных действий — прим. сост.), маршала Даву и Понятовского, как они ни хитрили и ни преграждали всюду путь мне, я пришел и проходил мимо их носу так, что их бил. Теперь, по известиям, неприятель имеет все свои силы от Орши к Витебску, где и главная квартира Наполеона. Я просил министра и дал мнение мое на бумаге идти обеими армиями тотчас по дороге Рудни прямо в середину неприятеля, не дать ему никакого соединения и бить по частям. Насилу на сие его склонил, но тотчас после одного марша опять все переменял — никак не решается наступать, а все подвигается к Смоленску. Истинно, не ведаю таинства его и судить иначе не могу, как видно, не велено ему ввязываться в дела серьезные, а ежели мы его не попробуем плотно по мнению моему, тогда все будет нас обходить, и мы тоже таскаться, как теперь таскаемся. По всему видно, что войска его не имеют уже такого духа, и где встречаем их, истинно, бьют наши крепко. С другой стороны, он не так силен, как говорили и ныне говорят, ибо, сколько мне известно, ему минута дорога; длить войну для него невыгодно, следовательно, здравый рассудок заставляет меня судить: или он собирает все свои силы и готовится на важный удар, или при сильном нашем наступлении будет отступать, опасаясь тылу своего. А всего короче скажу Вам, что он лучше знает все наши движения, нежели мы сами, и мне кажется, по приказанию его мы и отступаем, и наступаем. От государя давно ничего не имею, впрочем, армия наша в таком духе и в расположении всем умереть у стен отечества и знамен государя, [что] желает наступать. Но вождь наш — по всему его поступку с нами видно — не имеет вождященного рассудка или же лисица. <...> Неприятель от моих аванпостов 20 верст, а от меня 40; вчерась еще далее отступил. Впрочем, все хорошо. Я думаю, Вам известно, что генерал-лейтенант Витгенштейн разбил корпус фельдмаршала Удино, взял в плен до 3 т., равно несколько пушек и преследовал за Полоцк. Равно в Литве, в г. Кобрине Тормасов разбил корпус саксонцев, взял пушки и знамена. Словом сказать, во всяком случае где повстречались, там их порядочно откатали, а два медведя еще не сходились, Барклай и Пинети. <...>

Истинно Вам скажу, что едва дышу от множества припадков, усталости духа и тела моего».

- **Кавалерийские дела Платова при Кореличах, под Миром и под Романовым**

К вечеру генерал Платов, следуя за движениями армии, отступил за местечко Мир. Надеюсь, что после этого урока поляки оставят его в покое, он на ночлеге заботился, как обыкновенно, о выгоде лошадей и людей и расположился около речки, не переходя на другой берег, а переправив одну только пехоту. Утром 28-го аванпосты, расположенные в 5 верстах, дали ему знать, что неприятельская кавалерия сильно на них наступает. То была польская дивизия генерала Рожнецкого, составлявшего авангард Вестфальского короля. Генерал Платов сам рассмотрел неприятеля и приказал отыскивать броды. Речка была глинистая, лошади вязли и бродов не отыскано. Для переправы оставался один деревенский мостик. Платов сказал: «Не топиться же нам, ребята», и решился драться. Сам засел в кусты по одной стороне дороги. Иловайского спрятал на другой, а перед неприятелем оставил только два полка. Шесть полков уланов на них бросились и за-

М.И. Платов
Худ. Дж. Дой

*Подвиг солдат Н.Н. Раевского
под Салтановкой.
Худ. Н. Самокиш. 1912 г.*

неслись по обыкновению слишком далеко до самого моста. Платов ударил во фланги; дело завязалось, и сначала не знали, чем оно кончится. Однако же соединенными силами казаков и ахтырских гусар неприятель был опрокинут. Из целой дивизии поляков, в которой было до 4 тыс. чел., после сражения собралось не более 1200. До 600 попало нам в плен, остальные убиты. Платов более 10 верст гнал Рожнецкого, который спасся только тем, что присоединился к главным силам короля Вестфальского.

Это дело имело большие последствия в нравственном отношении. В кавалерии или бьют всегда, или всегда же бывают биты. Все зависит от первого успеха. Платову необходимо было разбить неприятеля под Миром, чтобы остановить хвостовство и наглость поляков. Еще раз только под Романовым аррьергард наш был атакован, но истребил совершенно первый конно-егерей и один гренадерский полк неприятеля, и зато армия после того и не слыхала о страшной, как говорят, польской кавалерии, которой у Наполеона было до 20 тыс.

(И.Ф. Паскевич. Походные записки. С. 72–105.)

- **Бой под Салтановкой
Тактическая дуэль Багратиона и Даву**

11 июля 1812 г. произошел значительный бой под Салтановкой, деревней южнее Могилева. 7-й корпус Н.Н. Раевского должен был выбить из Могилева авангард корпуса Даву, но уже у Салтановки встретил многочисленного противника на неприступной позиции. Вдохновляя солдат, Н.Н. Раевский лично повел свою пехоту в атаку. Генерала в тот момент сопровождали два его сына-подростка, один из которых нес знамя корпуса вместо убитого знаменосца. В то время как Раевский яростно, но безуспешно атаковал позицию Даву, Багратион получил сообщение Барклая о движении его армии.

Маршал Даву, выполняя директиву Наполеона, стремился превратить сражение у Салтановки в генеральную битву с 2-й русской армией с целью ее разгрома. Багратион сразу же превратил бой под Салтановкой в аррьергардный, так как необходимость в прорыве через Могилев отпала. В последующие дни Даву напрасно ждал продолжения русских атак, тогда как Багратион переправил армию через Днепр и ушел на соединение с Барклаем.

Бой 27-й пехотной дивизии Д.П. Неверовского под Красным 2(14) августа 1812 г.

• **Бой под Красным** **Русская пехота против французской конницы**

Вступлением к Смоленскому сражению стал бой под Красным. Он случился 2(14) августа 1812 г.

Упустив возможность разгромить русские армии поодиночке, Наполеон дал своим войскам передышку у Витебска. Французские части были расквартированы на большой территории, расстояния между ними были значительные. В Витебске находились войска под руководством самого Наполеона, в Половичах стоял корпус Даву. Е. Богарне занял Сурож, Ней — Лиозно, Мюрат — Рудню, Жюно — Оршу, Ю. Понятовский — Могилев.

Разброс французских войск давал русским возможность контратаковать с целью разгрома отдельных соединений Великой армии. На таких действиях настаивал Багратион, и большинство русских генералов и офицеров поддерживало его выбор. Военный министр и командующий 1-й армией М.Б. Барклай-де-Толли настаивал на дальнейшем отступлении. По войскам ползли слухи чуть ли не о его предательстве, чему немало способствовали сказанные в сердцах реплики Багратиона, да и его оценки действий Барклая, допущенные в письмах к императору Александру I. В силу этих обстоятельств Барклай согласился с решением атаковать отдельные части французов. Тем более, в тылу врага уже действовал первый регулярный «партизанский», или, как тогда официально называли, «летучий отряд», барона Фердинанда Винцингероде в 25 тыс. бойцов. Направлением русского контрудара была выбрана Рудня.

*Д.П. Неверовский.
Худ. Дж. Доу*

Дмитрий Петрович Неверовский (1771–1813)

Герой войны 1812 г. Участник войн с Турцией, с Польшей, с Францией. В 1812 г. — генерал-майор, шеф Павловского гренадерского полка, командир 27-й пехотной дивизии, во главе которой прославился героическим сопротивлением прорывавшемуся к Смоленску авангарду Великой армии. Несмотря на многократное превосходство французской кавалерии, дивизия Неверовского своим мужеством и стойкостью позволила соединенной русской армии первой занять Смоленск. Подвиг Неверовского под Красным почти не имеет сравнений в военной истории и снискал ему и его солдатам славу и уважение обеих противоборствующих армий. Позднее Неверовский во главе своей дивизии героически сражался на Шевардинском редуте и на Багратионовых флешах в Бородинском сражении, при Малоярославце. Генерал-лейтенант. Был смертельно ранен в сражении при Лейпциге в 1813 г.

Русские военачальники не знали, что Наполеон уже поднял армию и, оставив бивуаки, двинулся к Смоленску, перешел через Днепр на его левый берег, желая отрезать русским возможность отступать к Москве и тем вынудить их принять генеральное сражение. Положение стало угрожающим, т.к. значительные русские части, выделенные для контрудара, были на правом берегу Днепра, а к слабо защищенному Смоленску, фактически в тыл 1-й и 2-й русским армиям, через Красный двигалась 180-тысячная армия неприятеля. В ее авангарде шла конница Мюрата и пехота Нея.

Единственное, что мог сделать Барклай-де-Толли, чьи войска были отправлены к Рудне, это остановить их движение и приказать возвращаться к Смоленску. В городке Красном в тот момент находилась 27-пехотная дивизия Неверовского и Харьковский пехотный полк, рядом в местечке Ляды стоял отряд Оленина. Единственное, на что могли теперь рассчитывать командующие Багратион и Барклай-де-Толли в деле спасения этих войск, так это на те самостоятельные и профессиональные действия генерала Неверовского, старшего из русских военачальников у Красного.

И Неверовский не подвел! Его разведывательные казацки разъезды вовремя выявили движение крупных неприятельских сил. Неверовский вывел свою дивизию из Красного. В городке остался лишь батальон русских войск с двумя пушками. На рассвете 2(14) августа 15-тысячный кавалерийский корпус Мюрата вытеснил из Ляд отряд Оленина. Сам Оленин был ранен в бою. Мюрат вышел к Красному, открывая туда путь и пехоте Нея.

Силы Неверовского насчитывали 6 тыс. человек. Неверовский построил основную массу своих пехотинцев за оврагом. На левом фланге установил 10 орудий под прикрытием солдат Харьковского полка. У себя в тылу на довольно большом расстоянии от позиции своих основных сил на Смоленской дороге у небольшой речки расположил две пушки и егерский полк под командованием Назимова.

Ней атаковал русский батальон в Красном, а кавалерия Мюрата стала обходить русский заслон из 10 пушек и Харьковского полка на левом фланге русских. Неверовский послал в контратаку имевшихся у него драгун, они были опрокинуты превосходящими силами конницы Мюрата. Потеряв часть людей и 5 пушек, русские драгуны, пехотинцы и канониры при 5 орудиях стали отходить по Смоленской дороге к тыловому заслону у речки.

Неверовский остался на Смоленской дороге с одной пехотой. К удаче русских широкая почтовая дорога с двух сторон была обсажена деревьями и имела глубокие канавы по обочинам. Это затрудняло действия французских кавалеристов.

Неверовский построил дивизию в плотную колонну и решил медленно с боем отступать к Смоленску. «Ребята, помните, чему вас учили, — обращался он к солдатам, среди которых было много новобранцев, — никакая кавалерия не победит вас: только в пальбе не торопитесь, стреляйте метко, не торопясь!». Мюрат послал своих кавалеристов в атаку, но мощные залпы русской пехоты отбросили их. Русские увидели результат своих действий. Все пространство на подступах к ним покрывали сбитые с коней раненые и убитые кавалеристы. Неверовский остановил колонну. «Хорошо, ребята!» — прокричал он солдатам. В ответ послышалось: «Рады стараться! Ура!».

Медленно, под непрерывными атаками противника дивизия Неверовского отступила к своему заслону у речки. Русские пушки открыли огонь по врагу. Наступал вечер. Мюрат и Ней прекратили атаки.

В этом бою русские потеряли около полутора тысяч человек, половина из них пленными. У французов потери составили 500 человек убитыми и ранеными.

Отзывы современников о бое под Красным

“Неверовский отступал как лев!»

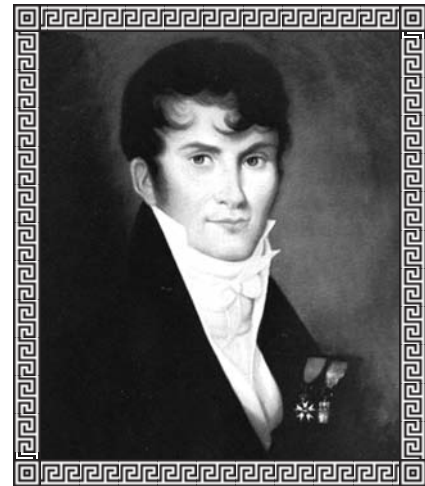
(Граф де Сегюр)

“Нельзя довольно похвалить храбрость и твердость, с какой дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно-превосходных сил неприятельских. Можно даже сказать, что примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя».

(Из донесения Багратиона Александру I.)

Секретарь Наполеона Меневаль о событиях 2 (14) августа 1812 г.

“В Витебске Наполеон провел две недели. В течение этого времени он распорядился воздвигнуть некоторые оборонительные сооружения и построить большую пекарню, тем самым дав повод для разговоров о том, что он вынашивает идею разбить воинский лагерь вокруг этого города и выбрать его в качестве опорного пункта всей линии обороны французской армии. Но не в его характере было завершить летнюю военную кампанию в июле месяце, даже не сумев вступить в контакт с армией неприятеля. Цель его двухнедельной остановки в Витебске заключалась в том, чтобы дать возможность отдохнуть армии, которая нуждалась в этом, и внимательно следить за передвижениями русских войск. Узнав, что они покидают окрестности Смоленска, чтобы выйти к позициям французской армии и атаковать ее, император в спешном порядке направил свою армию навстречу им.

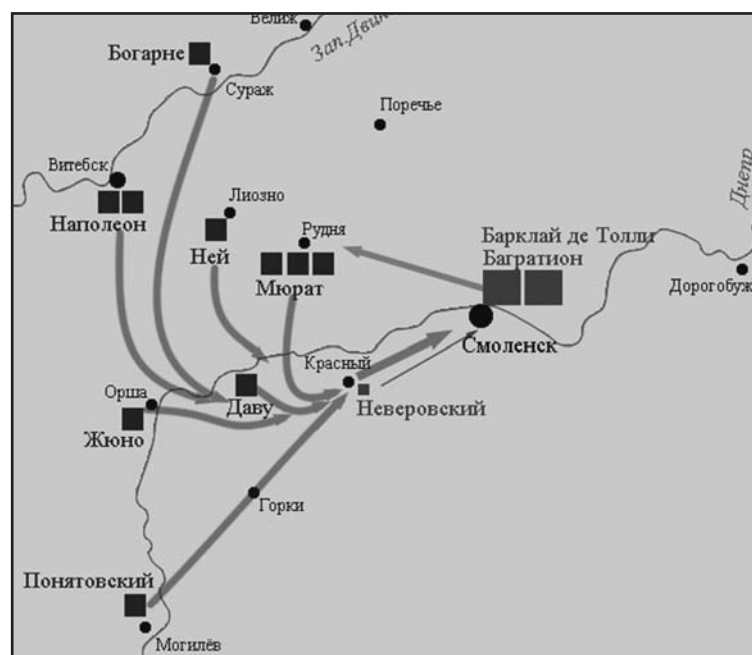
Клод Франсуа Меневаль

Русские, наконец, будут вынуждены вступить в сражение, чтобы защитить Москву. Тогда после этого будут заложены основы для заключения мира. Именно так думал император. Одна большая победа, и эта великая цель будет достигнута. Император Александр будет вынужден пойти на переговоры. Этим миром, добавляя Наполеон, будут завершены наши военные походы. Такой мир увенчает наши усилия и определит начало безопасности страны. Но звезда Наполеона уже начала закатываться».

(Наполеон. Годы величия.)

• Отступление через Мстиславль к Смоленску

Князь Багратион беспокоился, чтобы неприятель не предупредил его в Мстиславле, но, не встретив его здесь, мы 17-го прибыли в Мстиславль и беспрепятственно продолжали путь к Смоленску. Этим обязаны мы делу под Салтановкой. Маршал Даву хотя и получил в подкрепление в ночь после сражения весь свой корпус, но не выступал из Могилева и укрепил его вскопанными батареями. Сражение под Могилевом произвело на него большое влияние. Он сам признавался, что никогда не видел пехотного дела столь упорного.

Действия под Смоленском в начале августа 1812 г.

Неприятель потерял до 500 чел. убитыми, 500 пленными, и более 3 тыс. его раненых лежало в Могилевском госпитале. С нашей стороны выбыло из строя также до 3 тыс. Батальоны, бывшие в голове колонны, потеряли наполовину. Оставалось по 250 чел. в батальоне. Здесь я узнал, как жестоки сражения против регулярных войск, и особенно против французской армии 1812 г.

Достопамятное отступление нашей армии против непомерно сильнейшей числом Наполеона служит бесспорным доказательством превосходства русских войск. В Могилевском деле (под Дашковкой и Салтановкой) 20 батальонов наших, составлявших меньше 11 тыс. человек, атаковали 20 тыс. французской пехоты, держались целый день на позиции, и мужество их имело то счастливое последствие, что неприятель заперся в Могилеве, начал окапываться и не предупредил нас в Мстиславле, дозволив таким образом соединиться в Смоленске двум Западным армиям. Вторая армия всем была обязана своему главнокомандующему князю Багратиону. Он умел вселить в нас дух непобедимости. Притом мы дрались в старой России, которую напоминала нам всякая береза, у дороги стоявшая. В каждом из нас кровь кипела. Раненые офицеры, даже солдаты, сделав кой-как перемычку, спешили воротиться опять на свои места.

(И.Ф. Паскевич. Походные записки. С. 72–105.)

• Настроения в русской армии

«Близ Смоленска объявили нам Государев манифест, в котором было сказано, что «Государь не удерживает более нашего мужества и дает свободу ответить неприятелю за скуку противовольного отступления, до сего времени необходимого». Солдаты наши прыгали от радости, и взоры всех пылали мужеством и удовольствием.

Наконец! — говорили офицеры, — теперь будет наша очередь догонять!»

... «Мы все отступаем! Для чего ж было читать нам, что государь не удерживает более нашего мужества! Кажется, не слишком большому опыту подвергли нашу храбрость. Как вижу, мы отступаем вглубь России. Худо будет нам, если неприятель останется в Смоленске! Одна только безмерная самонадеянность Наполеона обеспечивает в возможности заманить его далее. Все это, однако ж, выше моего понятия. Неужели нельзя было встретить и разбить неприятеля еще при границах государства нашего? К чему такие опасные маневры? Для чего вести врага так далеко в средину земли своей?.. Может быть, это делается с прекрасною целью; однако ж, пока достигнут ее или разгадают, войско может потерять дух; и теперь уже со всех сторон слышны заключения и догадки, одни других печальнее и нелепее».

(«Записки Кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой.)

*Сражение за Смоленск
17 августа 1812 г.
По рисунку Ш. Ланглуа*

• Смоленское сражение

Языком энциклопедии

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1812 г. — оборонительные боевые действия русских войск 4—6(16—18) авг. против французской армии в р-не Смоленска во время Отечественной войны 1812. К 22 июля (3 августа) 1-я и 2-я русские армии численностью 120 тыс. человек соединились в р-не Смоленска, а через 4 дня частью сил перешли в наступление в направлении Рудня, Витебск, имея при этом указание не удаляться от Смоленска более чем на три перехода.

Для прикрытия Смоленска с юго-запада к Красному был направлен отряд генерала Неверовского. 1(13) августа главные силы французской армии (ок. 200 тыс. чел.) после некоторой передышки возобновили наступление. Они намеревались фланговым движением вдоль левого берега Днепра выйти к Смоленску, занять его и, оказавшись в тылу русских армий, навязать им генеральное сражение. Самоотверженной обороной Красного 2(14) авг. отряд Неверовского задержал франц. авангард (кавалерия маршала И. Мюрата и корпус маршала М. Нея) на сутки, чем дал возможность русскому командованию организовать оборону Смоленска и отвести армии от Рудни.

Оборона Смоленска была возложена на 7-й пехотный корпус генерала Н.Н. Раевского и ослабленную 27-ю дивизию Неверовского (всего ок. 15 тыс. чел.). Раевский решил обороняться в самом городе, опираясь на крепостные стены и городские здания.

Утром 4(16) августа к Смоленску подошли войска Мюрата, Нея и Даву. Сюда прибыл и Наполеон. Обложив город, французы начали его бомбардировку. Но сломить сопротивление защитников города не удалось. Они в течение дня самоотверженно отражали атаки армии Наполеона. Только поздно вечером к Смоленску стали прибывать 1-я и 2-я русские армии...

М.Б. Барклай-де-Толли (он же командующий 1-й армией), учитывая невыгодное соотношение сил и стремясь сохранить войска до соединения их со стратегическими резервами, решил отступить на восток. В ночь на 5(17) августа начала отход 2-я армия генерала П.И. Багратиона. Ослабленный 7-й пехотный корпус Раевского был заменен 6-м пехотным корпусом генерала Д.С. Дохтурова и 3-й пехотной дивизией генерала П. П. Коновницына. На правом берегу Днепра для обстрела подступов к Смоленску с флангов были развернуты 2 группы арт. батарей под командованием ген. А.И. Кутайсова. Всего с дивизией Неверовского к обороне Смоленска привлекалось 20 тыс. чел. и около 170 орудий 1-й армии.

Наполеон сосредоточил под Смоленском свыше 180 тыс. человек и 350 пушек. Первую половину дня 5(17) августа французская армия вела в основном огневой бой. Около 15 часов, подвергнув позиции русских войск сильной бомбардировке, французы предприняли общую атаку. Они захватили предместье, но их попытки прорваться к мосту и окружить защитников крепости были отражены огнем русской артиллерии, а также контратаками обороняющихся и подошедших им на помощь 2-й и 4-й пехотными дивизиями 1-й армии.

В связи с большими разрушениями и пожарами русские войска в ночь на 6(18) августа оставили город, из которого ушло и население. Корпус Дохтурова, уничтожив мост и расположившись на правом берегу Днепра, в течение 6(18) августа прикрывал отход главных сил 1-й армии и отражал попытки франц. войск переправиться через Днепр в черте города.

В Смоленском сражении французская армия потеряла 20 тыс. человек, русская — около 10 тыс. человек. План Наполеона навязать русской армии генеральное сражение в невыгодных условиях был сорван.

(По материалам Большой Советской энциклопедии.)

Комментарий историка

Соединением двух русских армий в Смоленске завершился первый этап войны. Подобный итог был большим стратегическим успехом, хотя в начале кампании не предполагали, что армии смогут соединиться на таком значительном удалении от западной границы Рос-

*Смоленск 18 августа 1812 г.
Литография П. Лакруа по рисунку А.Адама*

сии. Но, как сейчас понятно всем, главной стратегической задачей русских было тогда сохранить армии и заставить противника, растягивая коммуникации, терять постепенно свое огромное численное превосходство. Протяженность российских территорий была отличным фоном для решения данной задачи.

Однако 100 лет военных успехов России, как и ее неудачи в войнах с Наполеоном, требовали прекращения отступления, которое тогда воспринималось, как национальный позор. Именно это горькое чувство застигло глаза Багратиону, генералу бесспорно опытному, мешая ему правильно оценить тактику Барклая-де-Толли. Багратион, как и большинство российского офицерского корпуса, желала наступать! Это хорошо понимал Барклай-де-Толли. Он соглашается на большое сражение за Смоленск и одновременно корпус Винцингероде в рейд по тылам противника в Белоруссии.

Сражение под Смоленском 4 и 5 августа 1812 г., в котором участвовали с русской стороны только отдельные корпуса и дивизии, отличалось невиданным упорством и кровопролитием. Русские войска потеряли свыше 10 тыс. человек, французские — около 15 тыс. Сохраняя армию, Барклай увел ее из горящего Смоленска, не позволил Наполеону развить сражение в генеральное, чем вызвал резкое недовольство собой в войсках, от генералитета до солдат. Несмотря на клевету, интриги и противодействие, он выдерживал линию на сохранение армии для предстоящего решающего противостояния, когда противник исчерпает свой наступательный порыв и свои ресурсы, когда соотношение сил изменится.

*П.И. Багратион – А.А. Аракчееву после оставления Смоленска,
7 августа 1812 г.*

“Неприятель ворвался к нам без выстрела, мы начали отходить, не ведаю за что... Хорошо ретироваться 100 верст, а не 500!.. Я думаю, что министр (Барклай-де-Толли — прим. сост.) уже рапортовал об оставлении Смоленска; больно, грустно, и вся армия в отчаянии. Что самое важное — место понапрасну бросили, я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец, и писал, но ничего его не согласило... Я клянусь Вам моей честью, что Наполеон был бы в мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, не взяв Смоленска...

Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, а ему отдали судьбу нашего отечества! Я, право, с ума схожу от досады...»

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 153.)

*Кто кого? Эпизод войны 1812 г.
Худ. В. Мазуровский. Начало XX в.*

Ф.В. Ростопчин – П.И. Багратиону, 12 августа. Москва

“Принимая во всей мере признательности доверенное письмо Вашего Сиятельства, с крайним прискорбием узнал о потере Смоленска. Известие сие поразило чрезвычайно, и некоторые оставляют Москву, чему я чрезмерно рад, ибо пребывание трусов заражает страхом, а мы болезни сей здесь не знаем. Здесь очень дивились бездействию наших войск против наступающего неприятеля. Но лучше бы ничего им не делать, чем, выиграв баталию, предать Смоленск злодею. Я не скрою от Вас, что все сие приписывают несогласию двух начальников и зависти ко взаимным успехам, а так как общество во мнениях своих меры не знает, то и уверило само себя в нелепицах. Теперь должно уже у Вас быть известно, какие последствия будет иметь отступление от Смоленска. Москва ли предмет действий или Петербург, а мне кажется, что он, держа Вас там, где Вы [будете], станет отдельными корпусами занимать места и к петербургской, и к московской дороге, и к Калуге, дабы, пресекая сообщения, нанести больше беспокойства и потрясти дух русский. Ополчение здешнее готово, и завтра 6 тыс. будут на бивуаке. Остальные же сводятся к Верее и к Можайску. Ружей, пороху и свинцу – пропасть. Пушек – 145 готовых, а патронов 4 млн 980 тыс. Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог прийти в Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили к Вязме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убираться, а народ здешний по верности к государю и любви к отечеству решительно умрет у стен московских. А если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу – не доставайся злодею, обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица. О сем недурно и ему дать знать, чтобы он не считал на миллионы и магазейны хлеба, ибо он найдет уголь и золу. Обнимая Вас дружески и по-русски, от души, остаюсь хладнокровно, но с сокращением от происшествий,

Вам преданный граф Ростопчин».

*М.А. Волкова, фрейлина императрицы-матери, –
своей подруге В.И. Ланской, 3 сентября. Тамбов*

“Здесь мы узнали, что Кутузов застал нашу армию отступающею и остановил ее между Можайском и Гжатском, то есть во ста верстах от Москвы. Из этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспешил сдать французам все, что мог, и если бы имел время,

то привел бы Наполеона прямо в Москву. Да простит ему Бог, а мы долго не забудем его измены. ... Ведь ежели Москва погибнет, все пропало!

Бонапарту это хорошо известно; он никогда не считал равными наши обе столицы. Он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва, а блестящий, нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве. Это неоспоримая истина. <...>»

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

Н.М. Лонгинов, секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны – С.Ф. Воронцову, бывшему послу в Англии, генералу в действующей армии, 13 сентября. Санкт-Петербург

“Я почитаю, сколько могу судить, что Барклай есть честный тяжелый немец с характером и познаниями, кои, однако ж, недостаточны для министра. Притом, не имея ни связей, ни могущих друзей, он один стоял против всех бурь, пока, наконец, Ольденбургская фамилия (сестра Александра I Екатерина и ее муж герцог Ольденбургский – прим. сост.) и Сперанский, как утверждают, приняли его в покровительство. <...>

Некто Фуль, который принят из Пруссии в нашу службу генерал-майором, был творцом нашего плана войны. Человек сей имеет большие математические сведения, но есть не иное, как немецкий педант и совершенно имеет вид пошлого дурака. <...> Многие не без причины почитают его шпионом и изменником. Кто и как его сюда выписал – неизвестно, только он после Тильзита здесь очутился. О плане его и говорить нет нужды – он был слишком виден по всем происшествиям войны. <...>

Князь Багратион, хотя и неуч, но опытный воин и всеми любим в армии, повиновался, но весьма неохотно Барклаю, который его моложе, хотя и министр. ... Ненависть в войске до того возросла, что если бы государь не уехал, неизвестно, чем все сие кончилось бы. Вся публика кричала Кутузова послать. <...> Я мог во многом ошибиться, но описал все, что знаю. <...>»

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

Адъютант Наполеона о разногласиях в русском стане

“В лагере русских существовали такие же разногласия, как и в нашем авангарде. Там не хватало доверия к полководцу, что составляет силу армий. Каждый шаг казался ошибкой, каждое принятое решение непременно казалось худшим. Потеря Смоленска всех ожесточила, соединение двух армейских корпусов только усилило зло. Чем сильнее себя чувствовала русская армия, тем слабее казался ей ее генерал. Негодование стало всеобщим, и уже громко требовали назначения другого полководца. Но тут вмешалось несколько благоразумных людей. Было объявлено о прибытии Кутузова, и оскорбленная гордость русских ждала его, чтобы сразиться».

(Ф.-П. де Сетюр. Поход в Россию. С. 91.)

Генерал Коленкур о трудностях начала Русской кампании

“К вечеру отступательное движение неприятеля явно усилилось. Уже с утра Смоленск был в огне. Пожар, разжигаемый самим неприятелем, не прекратился, но еще более усилился за ночь. Это было ужасное зрелище – жестокое предвестие того, что нам предстояло увидеть в Москве... Ужасное зрелище разрушения рождало во мне, я думаю, предчувствие тех печальных событий, свидетелем которых я впоследствии оказался.

Нельзя было даже и сравнивать Смоленск с самыми маленькими германскими городами. Мы слишком привыкли находить там запасы всякого рода и рассчитывали встретить то же самое в России...

Отсутствие порядка, недисциплинированность войск, в том числе даже среди гвардии, губили и те немногие возможности, которые еще оставались... За исключением высших начальников администрация была беззаботной как нельзя больше.

...наши ящики и все наши транспорты были приспособлены для шоссированных дорог, для обыкновенных переходов и расстояний; они отнюдь не годились для дорог той страны, по которой нам предстояло проходить.

Задержки и опасности, грозившие нашей почте на каждом шагу, производили большое впечатление на императора. <...> Казаки до такой степени не понимали значения этой корреспонденции, что, вскрыв в поисках денег почтовые сумки и находившиеся в них портфели, они побросали на землю бумаги, многие из которых были потом найдены.

Император... не хотел учесть в своих расчетах то расстояние, которое надо было пройти».

Генерал Коленкур о впечатлениях французов от России

“Россия показалась нам такой неприступной страной, что термометр чувств, мнений и размышлений очень многих людей надо было искать в их желудке...

В Польше мы испытывали недостаток во всем; в Витебске с большими трудами и заботами удавалось раздобыть кое-какую пищу попроще; в Смоленске, когда мы рыскали по деревням, мы находили нескошенный урожай, зерно, муку, фураж, даже скот, но ни капли водки, ни капли вина. После Дорогобужа все было в огне, но в складах и погребях были прекрасные, иногда, пожалуй, даже роскошные запасы. В домах быстро находили многочисленные тайники, где было спрятано в изобилии все что угодно. Солдаты занимались мародерством; нельзя было этому противодействовать, так как им не раздавали пайков, да и не могли раздавать, ибо жили изо дня в день и совершали переходы без обозов. Большинство солдат устраивалось хорошо, пожалуй, даже очень хорошо. Роскошное убранство домов, их обширные размеры и внутреннее расположение — все говорило о том, что близко находится большая столица. И солдаты снова сделались неутомимыми».

Отступление русской армии – глазами русских

“В продовольствии лошадей было величайшее затруднение, едва с трудом могли доставать корм за большую цену...

Ретирада наша продолжалась весьма изнурительно по причине жаров и трудных переходов, при том же довольно часто случался недостаток в продовольствии от сего в армии много было отсталых, на одном переходе едва и я не отстал, следственно возмездия должествовали по сему быть ужасны, кажется собственная польза побуждает делать добро подобным себе, или причинять им по возможности менее зла, когда по несчастию бываем принуждены вредить, во время войны, почти всегда случается противное».

(А.К. Карпов. «Записки полковника Карпова»)

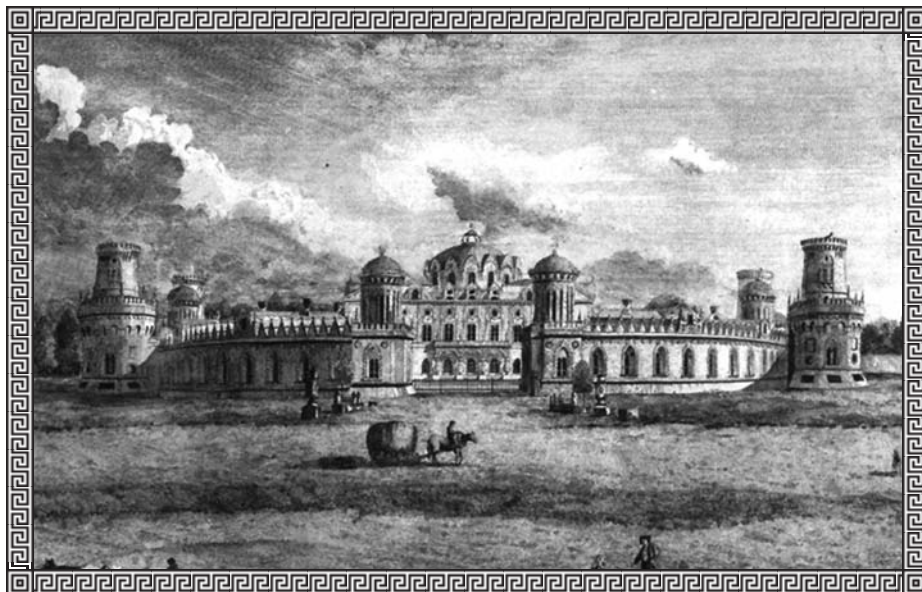
Отступление русских – глазами французов

“Никогда еще поле битвы (имеется в виду сражение за Витебск в начале Отечественной войны 1812 г. — прим. сост.) не представляло зрелища, более способного вызвать воодушевление. Дарование знамени, столь заслуженного ими, торжественная церемония, раздача наград и повышений, крики радости и слова воинов, вознагражденных тут же на месте их подвигов, восхваление их доблестей голосом, к звукам которого прислушивалась со вниманием вся Европа, — все это воодушевляло их.

...В Витебске четыреста раненых русских остались на поле битвы, триста были покинуты русской армией в городе, и так как все жители были удалены оттуда, то эти несчастные оставались три дня без всякой помощи, никому неизвестные, сваленные в кучу, умирающие и мертвые, среди ужасного смрада разложения.

...Когда же раны этих несчастных заживали и людям нужно было только питание, чтобы они могли выздороветь, то его не хватало, и раненые погибали от недостатка в пище. Французы, русские — все одинаково гибли».

(Ф.-П. де Сегюр. *Поход в Россию*. С. 79–80.)

*Петровский путевой дворец
в Москве. 1811 г.
Худ. Ф. Кампорежи*

Наполеон в военно-полевых условиях

Из воспоминаний камердинера Наполеона – Луи Константа Вери

Перед солдатами Наполеон делал вид, что абсолютно спокоен, но на самом деле он был далек от этого. Из услышанных мною оброненных им нескольких отрывочных фраз я понял, что император потому так горячо стремился дать настоящий бой противнику, что надеялся — император Александр вновь начнет зондировать возможность заключения мира. Я думаю, что Наполеон принял бы предложение о мире, но только после первой своей победы, и он никогда бы не согласился повернуть вспять после колоссальных усилий, потраченных на подготовку к войне, не одержав одну из тех великих побед, которая бы обеспечила ему достаточную славу в начавшейся военной кампании. По крайней мере он сам неоднократно об этом говорил.

Император также часто говорил о врагах с показным презрением, которого на самом деле не испытывал, но делал это с той целью, чтобы приободрить офицеров и солдат, многие из которых не скрывали своего уныния.

(Наполеон. Годы величия.)

? Вопросы

1. Какова была тактика и стратегия русских армий в июне – первой половине августа 1812 г.?
2. Кто был автором данной стратегии? Как вы оцениваете ее?
3. Каково было положение с руководством русскими войсками в начальный период нашествия? Оцените позиции Баркляя-де-Толли и Багратиона. Оцените позицию царя Александра в данном вопросе.
4. Менял ли Наполеон свой план русской кампании ввиду тактики 1-й и 2-й русской армии?
5. Составьте краткий рассказ о Смоленском сражении. Оцените его значение и итоги.
6. Как вы думаете, почему, заняв Смоленск, император Наполеон решил обратиться к русскому царю с предложением мира на его условиях?
7. Чем руководствовался император Александр, отклоняя предложение Наполеона?

4. БОРОДИНСКАЯ БИТВА

*М.И. Кутузов.
Травюра Т. Доу с оригинала Дж. Доу.
1820-е гг.*

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813)

Полководец. Происходил из старинного дворянского рода; отец был крупным военным инженером. В 1757 г. Кутузов поступил в Инженерную школу, где наряду с военными дисциплинами он изучал общеобразовательные предметы, слушал лекции М.В. Ломоносова, овладел четырьмя иностранными языками (позже выучил еще два). В 1759 г. Кутузов досрочно окончил курс и был оставлен для преподавательской работы. В 1761 г. Кутузов был произведен в прапорщики и командовал ротой Астраханского полка, затем был назначен адъютантом к ревельскому губернатору; в 1764 г. переведен в Польшу, где получил боевое крещение в бою против польских конфедератов. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кутузов проявил себя как храбрый и способный штабной и боевой офицер; в бою под Алуштой получил тяжелое ранение в висок и правый глаз: После войны посетил для лечения и продолжения образования Пруссию, Австрию, Голландию, Италию, Англию. Вернувшись в Россию в 1777 г., Кутузов был назначен командиром в Крым под начало А.В. Суворова и прошел отличную школу обучения и воспитания войск. В 1784 г. Кутузов по ходатайству Суворова стал генерал-майором. В 1781–1791 гг. участвовал в русско-турецкой войне; был тяжело ранен, штурмовал Очаков, отличился при штурме Измаила. Представляя его к награде, Суворов писал: «Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правою моею рукою». В сражении у Мачина Кутузов разгромил превосходящие силы врага, проявив качества блистательного тактика. Один из самых известных и признанных генералов рус. армии, Кутузов в 1793–1794 гг. по приказу Екатерины II находился на дипломатической работе в Турции, где добился внешнеполитических и торговых преимуществ для России. Своей жене Кутузов писал: «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-Богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как

надобно». В 1794 г. Кутузов возвратился в Петербург и был назначен Директором Сухопутного кадетского корпуса, где много сделал для подготовки офицеров русской армии, одновременно выполняя обязанности командующего войсками в Финляндии.

В 1797 г. Павел I направил Кутузова в Берлин, чтобы не допустить сближения Пруссии с Францией. После убийства Павла I Кутузов на короткое время был назначен в Петербург, военным губернатором, но затем уволен из армии «для поправления здоровья» и уехал в свое имение на Украине. В 1805 г. Кутузов был назначен главнокомандующим рус. армией, направленной на помощь Австрии, ведшей оборонительную войну против Наполеона. Предложения Кутузова об изменении характера войны не были приняты, и, вопреки его возражениям, союзники согласились на генеральное Аустерлицкое сражение, закончившееся безусловной победой французов: Кутузову удалось сохранить часть рус. войск от окончательного разгрома, что не спасло его от опалы Александра I.

Кутузов был назначен киевским военным губернатором, а потом литовским генерал-губернатором. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Кутузов возглавил русскую армию в Бухаресте (1811). Кутузову удалось подписать выгодный для России договор с Турцией всего за месяц до нашествия Наполеона. Кутузов вновь показал себя умелым полководцем и искусным дипломатом, и Александр I, не любя Кутузова, наградил его княжеским титулом. С началом Отечественной войны 1812 г. Кутузов был избран Дворянским собранием начальником Петербургского и Московского ополчений, которые сыграли важную роль.

(По материалам книги А.П. Шикман. «Деятели отечественной истории. Биографический справочник». — М., 1997.)

• **Пришел Кутузов бить французов...**

Вопрос о главнокомандующем в русской армии

В начале кампании 1812 г. у русской армии фактически не было главнокомандующего. Пока при 1-й армии находился Александр I, он формально был таковым. Однако опыт Аустерлица научил русского царя не брать бразды высшего военного руководства в свои руки. В принципе старшим должен был быть М.Б. Барклай-де-Толли, как военный министр, но официального назначения он не получил. Очевидно Александр знал о раздоре между Барклаем и П.И. Багратионом, начавшемся еще во времена отклонения «плана Багратиона». Авторитет Багратиона в войсках был выше, чем у Барклая-де-Толли, но та линия, которую вел Барклай, как командующий большей по численности армии и старший по должности, казалась Александру более правильной. Он не стал отзывать ни одного из своих враждующих командующих, как не стал и назначать кого-либо из них главнокомандующим.

Однако такое решение могло быть только временным...

Великая княжна Екатерина Павловна – Александру I, июнь 1812 г.

«Я считаю Вас таким же способным, как Ваши генералы, но Вам нужно играть роль не только полководца, но и правителя. Если кто-нибудь из генералов будет дурно делать свое дело, его ждет наказание... но если ошибку сделаете Вы – вся ответственность падет лично на Вас, и будет уничтожена вера в того, от кого все зависит...

Утрата веры в государя принесет вреда гораздо больше, чем оставление нескольких губерний.

...Я знаю Ваш характер: Вы будете страдать из-за одной ошибки и упрекать себя за нее больше, чем другие за тысячу совершенных ошибок... Душевные страдания туманят ум... Прокляните меня, но я не могу Вам лгать».

Александр I – Екатерине Павловне, 11 июня 1812 г.

«Я предвидел, что Вы захотите оторвать меня от армии, но все-таки я тронут воодушевившими Вас высокими чувствами. Как бы я был счастлив, если бы рядом со мной было больше людей, подобных Вам!»

*Вел. кн. Екатерина Павловна.
Худ. А. Беннер*

Великая княжна Екатерина Павловна (1788–1819)

Младшая сестра императора Александра I, его личный друг и советчик. В юности Александр и Екатерина были настолько близки, что их мать, императрица Мария Федоровна, стала подозревать своих детей в «нездоровом и невозможном влечении друг к другу».

Несмотря на дружбу с Александром, Екатерина совершенно не разделяла его либеральных устремлений. Великая княжна Екатерина, безусловно, одна из выдающихся женщин своего времени, придерживалась консервативных воззрений. Ее двор в 1809–1812 гг. стал прибежищем всех противников либеральных реформ в России 1801–1812 гг. Сюда был вхож и просвещенный консерватор Н.М. Карамзин, написавший знаменитую критическую «Записку о древней и новой России». Однако все попытки организовать заговор с целью свержения Александра I и возвести на престол Екатерину III (после Тильзита и слухов о готовящейся реформе самодержавия такой оборот событий был весьма возможен) с негодованием отвергались Екатериной Павловной.

После сватовства императора Наполеона к Екатерине Павловне, на которое Александр I ответил отказом, Екатерина вышла замуж (1809 г.) за принца Георгия Петровича (Петра Фридриха Георга) Ольденбургского (1784–1812 гг.). В России он получил должности тверского, новгородского и ярославского генерал-губернатора. После его смерти Екатерина второй раз вышла замуж и стала королевой Вютембергской (с 1816 г.).

Александр I о своей непригодности к роли главнокомандующего, август 1812 г.
(Свидетельство Стурдза, фрейлины русской императрицы Елизаветы Алексеевны)

Мне жаль только, что я не могу, как бы желал, быть достойным преданности моего замечательного народа... Народу нужен вождь, который повел бы его к победе, а у меня, к несчастью, нет для этого ни опытности, ни нужных дарований. Моя молодость прошла при дворе; если бы меня тогда же доверили Суворову или Румянцеву, они научили бы меня воевать, и, может быть, я сумел бы предотвратить бы опасности, которые теперь нависли над нами.

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 152.)

• Решение царя и членов Государственного совета, 5 августа

Хроника фактов

Русский император обсуждает кандидатуру нового главнокомандующего русской армией с членами Государственного совета председателем совета Н.И. Салтыковым, кн. П.В. Лопухиным, графом В.П. Кочубеем, генералами А.А. Аракчеевым, А.Д. Балашовым, С.К. Вязмитиновым. После 4-х часового заседания единогласно остановились на кандидатуре М.И. Кутузова.

Встреча Александра I и М.И. Кутузова состоялась 8 августа. Царь сам огласил Кутузову его полномочия главнокомандующего с одним условием: не вести ни с Наполеоном, ни с его уполномоченными никаких переговоров и тем более не заключать с ними никаких соглашений.

*Александр I – Екатерине Павловне,
8 августа 1812 г.*

“Ссора между Барклаем и Багратионом так разразилась, что я был вынужден, объяснив положение специальному комитету, который созвал для этой цели, назначить нового главнокомандующего...”

Вообще Кутузов в большом фаворе как здесь, так и в Москве».

*Александр I – генерал-адъютанту
Е.Ф. Комаровскому*

“Публика хотела назначения Кутузова, я его назначил. Что до меня, то я умываю руки».

Александр I в 1812 г.

Комментарий историка

Все исследователи сходятся на том, что после Аустерлица царь недолюбливал М.И. Кутузова. Между тем Кутузов был прекрасно образованным человеком, к примеру, он слыл в России лучшим знатоком французской литературы, которую изучал в свое время в Страсбургском университете. Это был хитрый почтительный придворный, умелый дипломат и отличный русский полководец, который придерживался часто тактики скорее Б.П. Шереметева, чем А.В. Суворова: умело маневрировать, а нападать неожиданно и имея значительный перевес качественный или количественный над врагом. Александр не любил Кутузова, но это не помешало ему еще до 1812 г. сделать его членом Государственного совета и даровать титул Светлейшего князя.

Общество и многие в личном окружении русского императора, в частности его любимая сестра Екатерина, боготворили Михаила Илларионовича за победу над турками и заключение Бухарестского мира в мае 1812 г. Этот мир принес России Бессарабию и отказ Турции от военной поддержки Наполеона в его походе в Россию. Александр тоже оценил

этот вклад Кутузова, хотя и счел, что, как дипломат, фельдмаршал не доработал, не добившись присоединения всей Валахии и Молдавии к России.

В августе 1812 г. Кутузову было уже 67, он страшно располнел, мог передвигаться только в коляске, часто болел и мог заснуть посреди разговора. Впрочем, эти напасти не мешали ему в быту радоваться жизни: он оставался гурманом, почтительным ценителем красоты придворных дам, а, по слухам, старый вояка возил с собой даже любовницу — молдаванку.

Из свидетельства мадам де Сталь о назначении Кутузова

«Это был старец весьма любезный в обращении; лицо его было полно жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран за пятьдесят лет военной службы. Глядя на него, я боялась, что ему не по силам будет одолеть людей жестоких и молодых, собранных со всех концов Европы и ворвавшихся в Россию. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в бою становятся татарами... Растроганная, покинула я знаменитого полководца. Не знаю, победителя или мученика я обнимала, но я видела, что он сознавал величие возложенного на него подвига».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 155–156.)

Свидетельство Сегюра об оценке Кутузова во французском стане

«Барклай выказал себя еще более великим в последующую кампанию. Этот главнокомандующий, военный министр, у которого отняли командование, чтобы передать его Кутузову, захотел служить под его командой! И он повиновался так же, как командовал раньше, с одинаковым рвением...»

*Портрет мадам де Сталь.
Худ. Ф.П.С. Жерар. 1810 г.*

Анна Луиза Жермена да Сталь (1766–1817)

Урожденная Неккер была дочерью банкира Жака Неккера, швейцарца, ставшего знаменитым министром финансов Людовика XVI. Мать, Сюзанна Кюршо Неккер, была хозяйкой салона, где Анна Луиза с малых лет общалась с такими прославленными мыслителями, как Д. Дидро, Ж. Д'Аламбер, Э. Гиббон и граф де Бюффон.

По оценкам современников и историков, — самая выдающаяся женщина Западной Европы своей эпохи. Стояла у истоков французского романтизма и современной литературной критики. В числе ее друзей находились историки А. де Барант и Ж. Сисмонди, а также немецкий критик, переводчик и поэт А.В. Шлегель, на творчество которых она оказала значительное влияние.

В 1786 г. она вышла замуж за барона Эрика Магнуса де Сталь-Гольштейна (1749–1802), шведского посланника во Франции, однако вскоре они расстались. Во времена Французской революции мадам де Сталь превратила свой салон во влиятельный политический центр. Она поддерживала умеренно-либеральные реформы своего отца. После окончательной отставки Неккера в 1790 сблизилась с партией «конституционалистов», а позже, в 1791 г., добилась назначения на пост военного министра своего любовника Нарбона. За несколько дней до «сентябрьского террора» 1792 г. она помогла ему бежать в Англию и последовала за ним в начале 1793 г. В мае того же года, вероятно по настоянию отца, перебралась в его имение Коппе близ Женевы, где ей предстояло провести большую часть жизни.

Одно время мадам де Сталь жила в России, где была принята с глубоким почтением. С начала 1800-х гг. де Сталь являлась врагом Наполеона, в ее литературном наследии он запечатлен в мрачных тонах, зато русский император Александр I удостоился высшей оценки, и как государственный деятель и как человек.

Самой значительной работой де Сталь являются «Размышления об основных событиях французской революции». Данная в этой книге оценка революции задала тон всем последующим интерпретациям событий 1789–1799 гг., данным либеральными историками. В число других ее сочинений входят во многом автобиографический роман «Дельфина» и трактат «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями», где сделана попытка трактовать интеллектуальный переворот в социологическом аспекте и сформулировать новую теорию прогресса. Умерла мадам де Сталь в Париже 14 июля 1817 г.

(По материалам энциклопедии «Кругосвет».)

Император тогда пожелал получить сведения о своем новом противнике. Ему описали Кутузова как старика, известность которого началась со странной раны, а затем уже он сумел искусно воспользоваться обстоятельствами. Поражение при Аустерлице, которое он предвидел, содействовало укреплению его репутации, а последние походы против турок еще более увеличили его славу. Его храбрость была бесспорна, но ему ставили в упрек то, что он соразмерял ее стремления со своими личными интересами, потому что всегда и во всем был расчетлив. Он обладал мстительным, малоподвижным характером и в особенности хитростью — это был характер татарина! И он умел подготовить, под покровом приветливой, уклончивой и терпеливой политики, самую неумолимую войну. Впрочем, он был еще более ловким и искусным царедворцем, нежели генералом. Но он был опасен своей известностью и искусством увеличивать ее и заставлять других содействовать ему. Он умел льстить целой нации и каждому отдельному лицу, от генерала до солдата. Уверяли, что в его внешности, в его разговоре и даже одежде, в его суеверных привычках и возрасте было что-то напоминающее Суворова, отпечаток древней московской Руси и ее национальных черт, делавших его особенно дорогим всем русским сердцам. В Москве известие о его назначении вызвало всеобщее ликование. Люди обнимались на улицах, считая себя спасенными!»

(Ф.-П. де Сегюр. *Поход в Россию.*)

Свидетельство Сегюра о разногласиях во французском стане

«Наполеон чувствовал, что он выходит из Смоленска в том же положении, в каком прибыл туда, с надеждой на битву, которая опять была отложена вследствие нерешительности и разногласий русских генералов... Их осмотрительность он называл трусостью, их отступление — бегством. Он старался презирать их (русских), чтобы сохранить надежду!...

Мюрат упрекал Даву за его медлительность и слишком большую осторожность и за его неприязнь, которая существовала со времен Египта. В своей запальчивости он заявил, что если между ними существует ссора, то они должны ее уладить между собой, а армия не должна от этого страдать! Даву, раздраженный, обвинял Мюрата в дерзости. По его словам, безрассудная горячность Неаполитанского короля постоянно подвергает... опасности его войско, и он бесполезно тратит силы солдат, жизнь и снаряды.

Император слушал их (Мюрата и Даву), играя русским ядром, которое он толкал ногой. Казалось, будто в этих разногласиях его полководцев было что-то такое, что ему нравилось. Он приписывал эту вражду их усердию, зная что слава — самая ревнивая из всех страстей... Стремительность Мюрата больше соответствовала его желаниям и беспокойству, нежели методическая рассудительность Даву. Поэтому, отпуская их, он тихо сказал Даву, что нельзя соединить в себе все качества и что он лучше умеет сражаться, нежели вести вперед авангард. После этого Наполеон отослал обоих, приказав им лучше стовариваться в будущем...»

(Ф.-П. де Сегюр. *Поход в Россию.*)

• Назначение Кутузова

Взгляд русского мемуариста

«Кутузов приехал!.. солдаты, офицеры, генералы — все в восхищении; спокойствие и уверенность заступили место опасений; весь наш стан кипит и дышит мужеством!..»

(«Записки кавалерист-девицы» Надежды Андреевны Дуровой.)

? Вопросы

1. Каково было положение русских и французских войск после Смоленского сражения?
2. В каких условиях проходило назначение генерала Кутузова? Какие объективные «за» и «против» были у высшего руководства Россией в тот момент?
3. Чем руководствовался император Александр I, недолюбливавший Кутузова, ставя именно его в тот момент во главе русской армии? Оцените выбор царя как политика.
4. Каковы были полномочия Кутузова как главнокомандующего? Как вы оцениваете их объем?

5. Правы ли составители книги, выбрав из многих воспоминаний о назначении Кутузова главнокомандующим в августе 1812 г. мнение эмигрантки мадам де Сталь?
6. Как оценивали Кутузова французские военные?
7. Объясните, почему Наполеон назвал Кутузова «старой хитрой лисой», а «лучшим генералом» русской армии считал Багратиона?
8. Почему генерал Коленкур в своих воспоминаниях о русской кампании 1812 г. «великим» называет не Кутузова или Багратиона, а Баркляя-де-Толли?

• Французы перед Московской битвой

Свидетельство Ф.-П. де Сегюра, адъютанта Наполеона

“Составив общий план, он занялся деталями. В течение ночи три батареи, в шестьдесят пушек каждая, должны быть противопоставлены русским редутам: две против левого фланга и три против центра. С рассветом Понятовский со своей армией, сократившейся до 5 тысяч человек, должен выступить по старой Смоленской дороге, обогнув лес, на который опираются правое французское крыло и левое русское. Он будет прикрывать французское крыло и тревожить русское. Будут ждать звука его первых выстрелов. Тотчас же после этого вся артиллерия должна разразиться против левого фланга русских. Огонь этой артиллерии пробьет их ряды и их редуты, и тогда Даву и Ней устремятся туда. Их поддержат Жюно со своими вестфальцами, Мюрат со своей кавалерией и, наконец, сам император с 20 тысячами своей гвардии. Первые усилия будут направлены против этих двух редутов.

Император больше не мог сомневаться в предстоящей битве и поэтому ушел в свою палатку, чтобы продиктовать ее распорядок. Там он задумался над серьезностью своего положения. Он видел две одинаковые армии, приблизительно по 120 тысяч человек и 600 пушек с каждой стороны. На стороне русских было преимущество: знание местности, общий язык, общая форма и то, что они представляли единую нацию, сражающуюся за общее дело. Но зато у них было много иррегулярных войск и рекрутов. Численность французов была такая же, но солдат было больше.

Наполеон чувствовал, что армии нужен отдых, какой бы он ни был, и что она может его найти только в смерти или победе. Он поставил свою армию в такие условия, что ей необходимо было восторжествовать во что бы то ни стало.

Когда русский генерал убедился, что его солдаты достаточно взволнованы этим необыкновенным зрелищем, он возвысил голос и заговорил с ними о небе — этой единственной родине, остающейся рабству!

У французов же не было никаких церемоний, ни религиозных, ни военных — ничего такого, что послужило бы средством возбуждения. Речь императора была роздана и прочитана на другой день, почти перед самой битвой, так что многие корпуса вступили в бой раньше, чем могли познакомиться с ее содержанием.

Настала ночь, а вместе с ней вернулась и боязнь, чтобы русская армия под покровом темноты не удалилась бы с поля битвы. Эти опасения не давали спать Наполеону. Он постоянно звал к себе, спрашивал, который час и не слышать ли какого-нибудь шума, и посылал посмотреть, на месте ли еще неприятель. Он до такой степени сомневался, что велел раздать свое воззвание с приказанием прочесть его только на другой день утром и то лишь в случае, если будет битва».

(Ф.-П. де Сегюр. *Поход в Россию*. С. 108–115.)

• Летопись в письмах

М.И. Кутузов – дочери. 19 августа 1812 г. Около Тжатска

“Друг мой Аннушка и с детьми, здравствуй!

... Я твердо верю, что с помощью Бога, который никогда меня не оставлял, поправлю дела к чести России. Но я должен сказать откровенно, что ваше пребывание возле Тарусы

мне совсем не нравится. Вы легко можете подвергнуться опасности, ибо что может сделать женщина одна, да еще с детьми, поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите».

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

М. И. Кутузов – жене, 25 августа 1812 г. Верст шесть пред Можайском

“Я, слава Богу, здоров, мой друг. Три дня уже стоим в виду с Наполеоном, да так в виду, что и самого его в сером сюртучке видели. Его узнать нельзя как осторожен, теперь закапывается по уши. Вчерась на моем левом фланге было дело адское; мы несколько раз прогоняли и удерживали место, кончилось уже в темную ночь (Шевардинский бой). Наши делали чудеса, особливо кирасиры, и взяли французских пять пушек.

Детям благословение.

Верный друг Михаила Голенищев-Кутузов».

Бородинское сражение

• Краткая историческая справка

Бородинская битва, известная во Франции как битва за Москву или Московское сражение, случилась в районе села Бородино 26 августа 1812 г. между русской армией под командованием генерала М.И. Кутузова (154,8 тыс. человек, включая 10 тыс. казаков и 28,5 тыс. не обученных военному делу ополченцев, при 640 орудиях) и французской армией под командованием императора Наполеона (133,8 тыс. человек при 587 орудиях)¹.

В планы Наполеона входило прорвать левый фланг русских, потом разбить центр и уничтожить главные силы русских. Кутузов же стремился упорной обороной ослабить французскую армию и остановить ее движение к Москве.

Сражению предшествовал бой 24 августа у деревни Шевардино (Шевардинский редут) Здесь отряд генерала А.И. Горчакова численностью 12 тыс. человек целый день сдерживал атаки превосходящих сил французов (30 тыс. чел.). Шевардинский бой был необходим, чтобы успели выстроить у деревни Семеновское на левом фланге основной русской армии три флеши, которые защищала 2-я армия Багратиона. В центре на Курганной высоте у русских расположилась батарея Раевского, а на правом фланге, лучше всего защищенном природой (река, овраг), находились позиции большей части русских сил – 1-й армии Барклая-де-Толли.

Бородинская битва началась в 5.30 утра. На 26 августа приходилось чествование иконы Владимирской Божьей матери, что конечно грело душу русских солдат, традиционно сильно религиозных.

Первые атаки французы произвели на правый фланг, но это был лишь отвлекающий маневр. Французы оттеснили русские части 1-й армии за реку Колоочь. Но попытки французов переправиться через реку были отражены.

В 6 утра ударная группировка маршала Л. Даву пошла в первую атаку против левого фланга русских, где находились Семеновские, или Багратионовы, флеши. Почти одно-

¹ Сведения о численности русских и французских войск взяты из книги: А.А. Данилов. История России IX – XIX века. Справочные материалы.

Иные данные о **численности русской армии**: историк Богданович определял ее в 112 – 120 тыс. человек: 103 тыс. регулярных войск (72 тыс. пехоты, 17 тысяч кавалерии, 14 тыс. артиллеристов), 7 тысяч казаков и 10 тыс. ратников ополчения, 640 орудий. Итого 120 тыс. человек. (М. Богданович. История Отечественной войны 1812 года. – С. 162. Эти данные повторяет ЭСБЕ.)

По данным маркиза Шамбре **численность французской армии** оценивается: около 136 тыс. солдат и 587 орудий; переключка, проведенная 21 августа (2 сентября) 1812 г., показала наличие в составе французской армии 133 815 строевых чинов (за некоторых отставших солдат их товарищи отозвались «заочно», считывая, что те догонят армию). Однако это число не учитывает 1,5 тыс. сабель кавалерийской бригады дивизионного генерала Пажоля, подошедших позже, и 3 тыс. строевых чинов главной квартиры. (Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. – М., 2001.)

*Артиллеристы на Бородинском поле.
Худ. В.Г. Шевченко. 1970-е гг.*

временно для выхода в тыл Семеновским флешам польский корпус генерала Ю. Понятовского попытался прорваться к деревне Утица, где вступил во встречный бой с корпусом под командованием генерала Н.А. Тучкова.

Бой за Багратионовы флеши был эпицентром битвы в начальной стадии Бородинской битвы. Сюда оба командующих бросали главные резервы. На небольшом участке поля, шириной не более 1 км, Наполеон сосредоточил огонь 400 своих пушек. Высокая концентрация орудий на направлении главной атаки всегда была «визитной карточкой» Наполеона, артиллерийского офицера по образованию. Однако концентрация артиллерийского огня по Семеновским флешам была беспрецедентной даже для императора всех французов.

Багратион имел 300 орудий. Семь атак предприняли французы на Багратионовы флеши. Несколько раз флеши переходили из рук в руки. Восхищения противника заслужили русские канониры. Они не покидали флеши, даже когда их пехота и конница отступали, а на флешах появлялись французы. Банниками русские артиллеристы дрались с противником, не давая ему скинуть русские пушки с позиций. Канониры были уверены в возвращении их легендарного командующего Петра Ивановича Багратиона с подкреплением и до восьмой французской атаки не ошибались.

Восьмой атакой неприятель завладел флешами, а Багратион повел конницу в свою последнюю контратаку. Осколками разорвавшейся гранаты генерал Багратион был смертельно ранен и не смог далее руководить обороной своих позиций. Флеши остались за французами. После Багратиона командование принял старший по чину генерал П.П. Коновницын (затем Кутузов послал возглавить левый фланг генерала Д.С. Дохтурова). Он начал отводить разбитые части за Семеновский овраг, где организовал новую линию обороны. После сдачи флешей, опасаясь удара в тыл, отошел на новые позиции и 3-й корпус, который теперь возглавлял (вместо смертельно раненного Тучкова), генерал К.Ф. Багговут.

Наполеон перенес свой главный удар на центр русской позиции, на Курганную высоту, где находилась батарея под командованием генерала Н.Н. Раевского. В 11 часов, во время второй атаки батареи Раевского, бригаде французского генерала Бонами удалось ворваться на высоту. Положение спас проезжавший мимо начальник штаба 1-й армии генерал А.П. Ермолов. Оценив ситуацию, он возглавил контратаку стоявших поблизости батальонов Уфимского пехотного полка и отбил высоту. Генерал Бонами, получивший 12 штыковых ран, попал в плен, а его солдаты отступили.

Наступил критический момент битвы. Позиции русских частей у Семеновского оврага не были укреплены, а резервы еще не подошли. В этот момент Наполеон бросил вперед

*Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле.
Худ. А.Венхвадзе. 1948 г.*

конные корпуса И. Мюрата, которым была поставлена задача прорвать левый фланг русских и выйти им в тыл.

Но вновь, как в бою под Красным, русская пехота, состоящая из Измайловского и Литовского полков, остановила прорыв конницы Мюрата. «Упорство русских приобрело ужасный, зловещий характер», — вспоминал позже об этом эпизоде один из французских офицеров.

Однако напор французов не ослабевал. В этой тяжелейшей ситуации Кутузов организовал контрудар по левому флангу наполеоновской армии силами кавалерийских полков Ф.П. Уварова и М.И. Платова. Их атака не получила стратегически важного завершения, лишь на время (на 2 часа) ослабив натиск на Курганную высоту, но вначале она вызвала замешательство в рядах французов. «Тем, кто находился в Бородинском сражении, конечно, памятна та минута, когда по всей линии неприятеля уменьшилось упорство атак, и нам... можно было свободней вздохнуть», — вспоминал генерал А.И. Михайловский-Данилевский.

В 14 часов французы опять возобновили главный удар на батарею Раевского, которая после падения флешей стала открыта уже не только для фронтального, но и для флангового удара. Наполеон сосредоточил против нее огонь около 300 орудий (более половины всей действовавшей в битве французской артиллерии). К 17 часам после третьей отчаянной атаки французы ворвались на высоту, русские отошли со своей центральной позиции. Но все дальнейшие попытки французской кавалерии развить успех были остановлены русскими конными полками, которых лично повел в бой генерал М.Б. Барклай-де-Толли. До этого часа его армия испытывала меньший натиск, но командующий все время находился на ее передовых линиях. Это показалось Кутузову неразумным и опасным, он послал своего ординарца в штаб 10-й армии узнать, что делает Барклай на передовой. «Ищет смерти!», — ответил адъютант, помня оскорбительные слухи, которыми было окружено честное имя его командующего последнее время.

Маршалы требовали от Наполеона нанести по сбитым со всех укреплений русским завершающий удар, бросив в бой гвардию. Наполеон сам выехал на передовую, чтобы оценить ситуацию. Вспоминая этот момент, адъютант Наполеона генерал Сегюр писал о русских: «Видно было, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды, снова вступали в битву и шли умирать». Наполеон вынес свой вердикт: «Я не могу рисковать своим последним резервом за три тысячи лье от Парижа».

Бросив эту историческую фразу, Наполеон поехал обратно. К тому же вечерело и пошел дождь. Битва затухала... Наполеон приказал отвести войска на исходные позиции. Он рассчитывал, что завтра придется начать все сначала.

Контратака саксонского гвардейского кирасирского полка Тар дю Кор против Астраханского кирасирского полка в Бородинском сражении. Худ. А. Ежов

Первоначально и Кутузов намеревался утром продолжить бой. Однако, узнав о потерях, а главное, о состоянии резервов (их было у русских не более 5 тыс. чел., в то время как у французов — 19 тыс.), главнокомандующий русской армией решил оставить поле сражения и отвести армию к Москве.

Поскольку Наполеон в конце Бородинской битвы вернул свою армию на исходные позиции, М.И. Кутузов счел возможным рапортовать царю о победе русских: «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать».

Александр I принял эту версию событий.

• **Дискуссия об итогах Бородинской битвы**

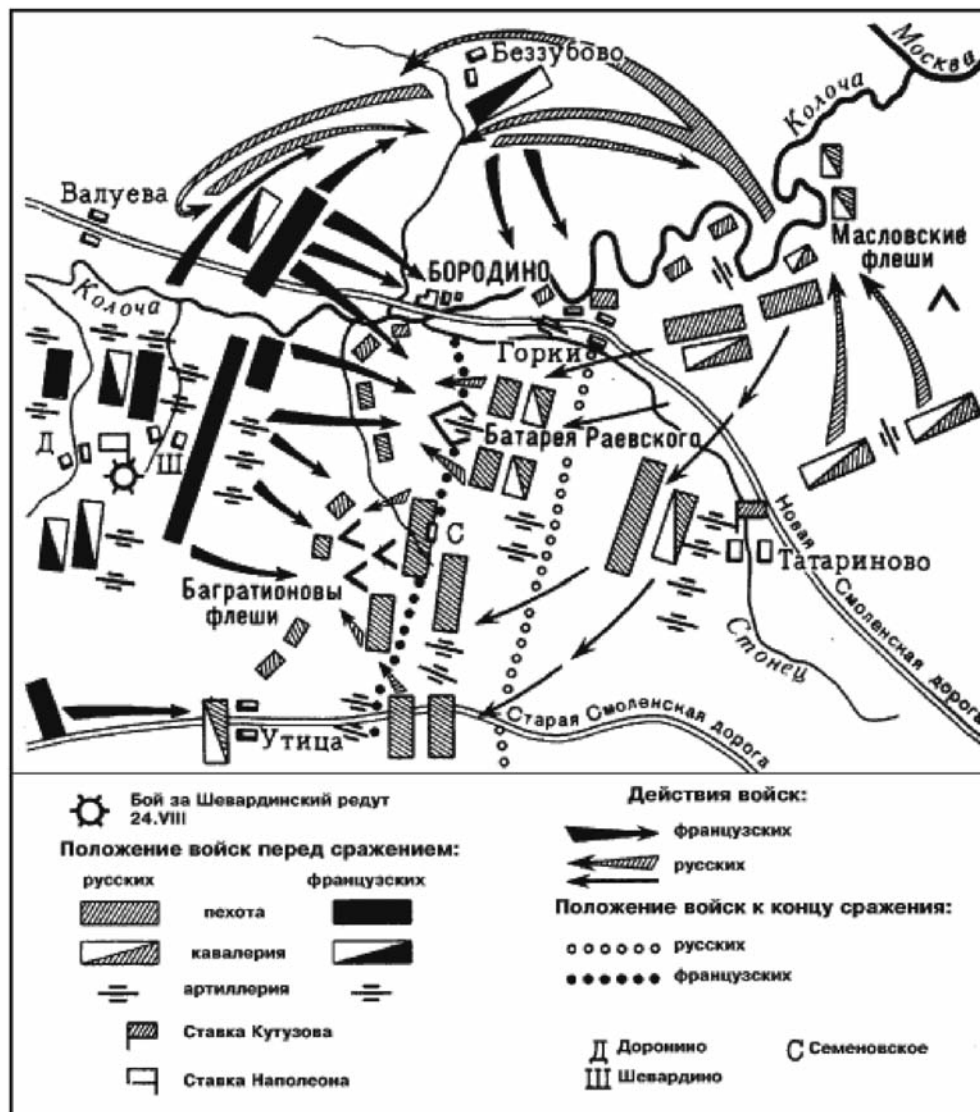
Со времен реляции Кутузова в российской дореволюционной исторической науке, а за ней и в советской историографии, за исключением работ 1920 — 1930-х гг., господствовало мнение: считать исход данного сражения — победой русской армии. Такой подход утвердился и в исторической традиции (памяти) русского народа. Более осторожная трактовка советских времен сводилась к тезису о «моральной победе» русских, или «стратегической победе, исходя из конечных результатов Отечественной войны 1812 г.».

Однако зарубежные авторы склонны рассматривать Бородинское сражение как победу Наполеона, т.к. эта битва решала судьбу Москвы и в результате битвы русская армия сдала Москву Наполеону.

В современной российской исторической науке ряд авторов также придерживается такой точки зрения. В качестве примера можно привести работу Н.А. Троицкого «Чья победа?» в журнале «Родина». 1992. № 6 — 7. С. 72 — 74.

Но так или иначе, все историки признают, что до конца осуществить свои цели: занять Москву и полностью уничтожить русскую армию, — император Наполеон не сумел.

Сведения о потерях сторон в Бородинской битве также весьма разнятся у разных авторов.

Бородинская битва

• Дискуссия вокруг потерь в Бородинском сражении

Из исторических исследований

- Французы потеряли, по их оценкам, свыше 28 тыс. чел., а по данным русских, от 50 до 58 тыс. чел., в том числе 49 генералов. Потери русских сил составили 45,6 тыс. чел., в том числе 29 генералов. Коренной перелом в войне в результате этой битвы так и не наступил. Ошибки Кутузова компенсировали мужество и героизм русских солдат и офицеров.

(А.А. Данилов. *История России IX–XIX вв. Справочные материалы.*)

- Потери составили: русские – 45,6 тысяч, французы – 58 тысяч, среди них 49 генералов.

(Н.А. Троицкий. 1812. *Великий год России.* – М., 1988. С. 176.)

- В тактическом отношении французы победили, потеряв, правда, 40 тыс. человек, включая 14 генерал-лейтенантов, 33 генерал-майора, 37 полковников – командиров частей. Русские потеряли около 50 тыс. человек, большинство составили пассивные потери от французской артиллерии.

(Д.М. Хартли. *Александр I.* С. 164.)

- Героическое побоище на Бородинском поле стоило русским 58 тысяч убитыми и ранеными — половины армии; Наполеону — более 50 тысяч человек, в том числе 47 генералов. Каждая сторона считает себя победившей.

(А.Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 157.)

Оценки потерь французов

Значительная часть документации Великой армии погибла при отступлении, поэтому оценка потерь французов чрезвычайно затруднительна. Вопрос об общих потерях французской армии остается открытым.

Согласно 18-му бюллетеню Наполеона, французы потеряли 2,5 тыс. убитыми и втрое больше ранеными. Общие потери оценены приблизительно в 10 тысяч человек. В дальнейшем эти данные неоднократно подвергались сомнению, и в настоящее время никто из исследователей не рассматривает их как достоверные. Во Франции даже известна поговорка «врет, как бюллетень».

Наиболее распространенное во французской историографии число потерь наполеоновской армии в 30 тысяч основывается на подсчетах французского офицера Денье, служившего инспектором при Главном штабе Наполеона, который определил общие потери французов за 3 дня сражения при Бородине в 49 генералов, 37 полковников и 28 тыс. нижних чинов, из них 6 550 убитых и 21 450 раненых. Эти цифры были засекречены по приказу маршала Бертье вследствие несоответствия с данными бюллетеня Наполеона о потерях в 8—10 тысяч и опубликованных впервые в 1842 г. Приводимая в литературе цифра 30 тысяч получена округлением данных Денье.

Позднейшие исследования показали, что данные Денье сильно занижены. Так, Денье приводит число 269 убитых офицеров Великой армии. Однако в 1899 г. французский историк Мартиньен на основе сохранившихся документов установил, что было убито не менее 460 офицеров, известных по фамилиям. Последующие исследования увеличили это число до 480. Даже французские историки признают, что, «поскольку приведенные в ведомости сведения о генералах и полковниках, выбывших из строя при Бородине, являются неточными и заниженными, можно предположить, что и остальные цифры Денье основаны на неполных данных».

Наполеоновский генерал в отставке Сегюр определял потери французов при Бородине в 40 тыс. солдат и офицеров. А. Васильев считает оценку Сегюра тенденциозно завышенной, указывая, что генерал писал в царствование Бурбонов, при этом не отказывая ей в некоторой объективности.

В российской литературе часто приводилось число французских потерь — 58 478 человек. Это число основано на ложных сведениях перебежчика Александра Шмидта, якобы служившего в канцелярии маршала Бертье. В дальнейшем эта цифра была подхвачена патриотическими исследователями, указана на Главном монументе.

Для современной французской историографии традиционная оценка французских потерь — 30 тысяч при 9—10 тысячах убитыми. Российский историк А. Васильев указывает, в частности, что количество потерь в 30 тысяч достигается следующими методами подсчета: а) сопоставлением данных о личном составе сохранившихся ведомостей за 2 и 20 сентября (вычет одной из другой дает убыль в 45,7 тыс.) с вычетом потерь в авангардных делах и примерного количества больных и отставших и б) косвенно — сопоставлением с Ваграмским сражением, равным по численности и по примерному количеству потерь среди командного состава, притом что общее количество французских потерь в нем, по мнению Васильева, точно известно (33 854 человека, в том числе 42 генерала и 1 820 офицеров; при Бородине, по мнению Васильева, считается потерь командного состава 1 792 человека, из них 49 генералов).

Потери генералитета сторон убитыми и ранеными составили: у французов — 49 генералов, в том числе убитых 8: 2 дивизионных (А.О.Л. де Коленкур и Монбрен) и 6 бригадных. У русских выбыло из строя 23 генерала. Следует отметить, что в сражении участвовало 70 французских генералов против 43 русских (французский бригадный генерал ближе к русскому полковнику, чем к генерал-майору).

В.Н. Земцов показал, что расчеты Васильева ненадежны, так как опираются на неточные данные. Так, согласно составленным Земцовым спискам, «за 5–7 сентября было убито и ранено 1 928 офицеров и 49 генералов», то есть всего потери командного состава составили 1 977 человек, а не 1 792, как полагал Васильев. Проведенное Васильевым сопоставление данных о личном составе Великой армии за 2 и 20 сентября также, по мнению Земцова, дало неверные результаты, так как не были учтены раненые, вернувшиеся в строй за прошедшее после битвы время. Кроме того, Васильев учел не все части французской армии. Сам Земцов, используя методику, аналогичную использованной Васильевым, оценил французские потери за 5–7 сентября в 38,5 тыс. человек. Также является спорной использованная Васильевым цифра потерь французских войск при Ваграме 33 854 человек — например, английский исследователь Чандлер оценивал их в 40 тысяч человек.

Следует отметить, что к нескольким тысячам убитых следует прибавить умерших от ран, а это число было огромно. В Колоцком монастыре, где находился главный военный госпиталь французской армии, по свидетельству капитана 30-го линейного полка Ш. Франсуа, за 10 следующих за сражением дней скончалось 3/4 раненых. Французские энциклопедии считают, что среди 30 тыс. жертв Бородина погибло и умерло от ран 20,5 тыс.

(По материалам электронного ресурса «Википедия».)

• Бородинская битва глазами главнокомандующих

Донесение Кутузова Александру I о Бородинском сражении¹

“**Августа 24-го числа** пополудни в 4 часа арьергард наш был атакован при Колоцком монастыре французами. Превосходные силы неприятеля принудили отступить оной к позиции, близ Бородина находящейся, где войска были уже устроены в боевой порядок. В сей день арьергард наш имел дело с неприятельской кавалерией и одержал поверхность. Изюмской гусарской полк с некоторым числом казаков атаковал сильно французскую кавалерию, где три эскадрона оной были истреблены.

Неприятель, перейдя реку Колочу выше с. Бородина, направил главные свои силы на устроенный нами пред сим редут, чрезвычайно беспокоивший наступательное его на наш левый фланг движение. Битва против сего редута час от часу делалась упорнее, однако ж все покушения неприятеля, отражаемого несколько раз с большим уроном, соделались тщетными, и наконец, был он совершенно отбит. В сие время кирасирские полки 2-й дивизии — Екатеринославской, Орденской, Глуховской и Малороссийской быстрой атакой довершили его поражение. При сем взято нами 8 пушек, из коих 3, быв подбиты, оставлены на месте сражения.

25-го армия французская находилась в виду нашей, построила пред своим фрунтом несколько укреплений, на правом же ее крыле замечены были разные движения, скрытые от нас лесами, почему и можно было предположить, что намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска.

Дабы предупредить сие намерение, я приказал того же дня генерал-лейтенанту Тучкову с 3-м корпусом идти на левое наше крыло и прикрыть положением своим Смоленскую дорогу. В подкрепление сему корпусу отряжено было 7 тыс. человек Московского ополчения под предводительством генерал-лейтенанта графа Маркова.

¹ Настоящий документ представляет собой черновую рукопись без подписи, озаглавленную «Описание сражения при селе Бородино, происходившего 26 августа 1812 г.». Однако по форме изложения это не описание, а донесение, сделанное от лица главнокомандующего, то есть М.И. Кутузова. Донесение это было, по-видимому, подготовлено исполняющим должность генерал-квартирмейстера армий К.Ф. Толем для представления М.И. Кутузовым Александру I. По содержанию оно сходно с описанием Бородинского сражения, составленным К.Ф. Толем и изданным в С.-Петербурге в 1839 г. на русском, французском и немецком языках.

Кутузов осматривает позицию при Бородине. Худ. В.Т. Шевченко. Фрагмент. 1970-е гг.

От 3-го корпуса до левого крыла 2-й армии, которой командовал генерал от инфантерии князь Багратион, был промежуток, на версту продолжающийся и покрытый кустарниками, в котором для лучшей связи расположены были егерские полки 20-й, 21-й, 11-й и 41-й. Сводные гренадерские батальоны 2-й армии под командой г[енерал]-м [айора] гр [афа] Воронцова заняли все укрепления, устроенные пред деревней Семеновской; к сей деревне примыкало левое крыло нашей армии и от оной простиралась линия из полков 7-го корпуса под командой генерал-лейтенанта Раевского в направлении к кургану, в середине армии находящемуся и накануне укрепленному. К правой стороне кургана примыкал 6-й корпус под командой генерала от инфантерии Дохтурова левым своим крылом.

В сем месте линия склонялась вправо к деревне Горки, и в оном направлении стояли 4-й и 2-й пехотные корпуса, составлявшие правое крыло армии под командой генерала от инфантерии Милорадовича.

Все вышепомянутые войски входили в состав главной нашей силы (кор-де-баталь) и расположены были в две линии. За ними находились кавалерийские корпуса следующим образом: 1-й кавалерийской немного правее за 2-м корпусом, 2-й за 4-м, 3-й за 6-м, 4-й за 7-м. Позади кавалерии 5-й пехотной корпус, из гвардейских полков составленный, и 2-я гренадерская дивизия, а за оными обе кирасирские.

В таком положении армия ожидала наступления дня и неприятельского нападения.

26-го числа в 4 часа пополуночи первое стремление неприятеля было к селу Бородино, которым овладеть искал он для того, дабы, утвердись в оном, обеспечить центр своей армии и действия на левое наше крыло, в то же самое время атакованное. Главные его батареи расположены были при дер. Шевардино: 1-я о 60 орудиях вблизи оставленного нами 24-го числа редута имела в действии своем косвенное направление на пехотную нашу линию и батарею, на кургане устроенную, а 2-я, о 40 орудиях, — немного левее первой обращала огонь свой на укрепление левого нашего крыла.

Атака неприятеля на село Бородино произведена была с невероятной быстротой, но мужество лейб-гвардии егерского полка, оживляемое примером начальников оного, остановило стремление 8 тыс. французов. Наикровопролитнейший бой возгорелся, и сии храбрые егеря в виду целой армии более часу удерживали [неприятеля]. Наконец, подошедшие к нему резервы умножили силы, принудили сей полк, оставя село Бородино, перейти за реку Колочь. Французы, ободренные занятием Бородина, бросились вслед за егерями и почти вместе с ними перешли реку, но гвардейские егеря, подкрепленные пришедшими с полковником Манахтиным полками и егерской бригадой 24-й дивизии под командой полковника Вуича, вдруг обратились на неприятеля и соединенно с пришедшими к ним на помощь ударили в штыки, и все находившиеся на нашем берегу французы

были жертвою дерзкого их предприятия. Мост на реке Колоче совершенно был истреблен, несмотря на сильной неприятельской огонь, и французы в течение целого дня не осмеливались уже делать покушения к переправе и довольствовались перестрелкою с нашими егерями.

Между тем огонь на левом нашем крыле час от часу усиливался. К сему пункту собрал неприятель главные свои силы, состоящие из корпусов князя Понятовского, маршалов Нея и Давуста (Даву — прим. сост.), и был несравненно нас многочисленнее. Князь Багратион, видя умножение неприятеля, присоединил к себе 3-ю пехотную дивизию под командой генерал-лейтенанта Коновницына и сверх того вынужден был употребить из резерва 2-ю гренадерскую дивизию под командой генерал-лейтенанта Бороздина, которую он и поставил уступами противу левого крыла за деревнею, а левее от оной три полка 1-й кирасирской дивизии и всю 2-ю кирасирскую дивизию.

Я нашел нужным сблизить к сему пункту полки: лейб-гвардии Измайловской и Литовской под командою полковника Храповицкого. Неприятель под прикрытием своих батарей показался из лесу и взял направление прямо на наши укрепления, где был встречен цельными выстрелами нашей артиллерии, которой командовал полковник Богуславский, и понес величайший урон. Невзирая на сие, неприятель, построясь в несколько густых колонн, в сопровождении многочисленной кавалерии с бешенством бросился на наши укрепления. Артиллеристы, с мужественным хладнокровием выждав неприятеля на ближайший картечный выстрел, открыли по нему сильный огонь, равномерно и пехота [встретила] его самым пылким огнем ружейным, [но поражение] их колонн не удержало французов, которые стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов с сводными гренадерскими батальонами ударил на них в штыки; сильный натиск сих батальонов смешал неприятеля, и он, отступая, в величайшем беспорядке, был повсюду истребляем храбрыми нашими воинами. При сем нападении граф Воронцов, получа жестокую рану, принужден был оставить свою дивизию. В то же самое время другая часть неприятельской пехоты следовала по Старой Смоленской дороге, дабы совершенно обойти наше левое крыло; но 1-я гренадерская дивизия, на сей дороге находившаяся, с твердостью выждав на себя неприятеля, остановила его движения и заставила податься назад. Новые силы подкрепили французов, что и побудило генерал-лейтенанта Тучкова отступить по Смоленской дороге, где занял он на высоте выгодную позицию. Устроенная на сем месте 1-й артиллерийской бригады батарея причиняла значащий вред наступающему неприятелю. Французы, заметив важность сего места, ибо высота сия командовала всею окружностью, и, овладев оной, могли они взять во фланг левое наше крыло и отнять способ держаться на Смоленской дороге, почему, усилясь противу сего пункта, и в сомкнутых колоннах с разных сторон повели атаку на 1-ю гренадерскую дивизию. Храбрые гренадеры, выждав неприятеля, открыли по нему наихвосточайший огонь и, не медля нимало, бросились на него в штыки. Неприятель не мог выдержать столь стремительного нападения, оставил с уроном место битвы и скрылся в близлежащие леса. Генерал-лейтенант Тучков при сем ранен пулею в грудь и генерал-лейтенант Алсуфьев принял по нему команду.

В 11 часов пополуночи неприятель, усилясь артиллерией и пехотой против укреплений нашего левого крыла, решился вновь атаковать оные. Многократные его атаки были отбиты, где много содействовал с отличною храбростью генерал-майор Дорохов. Наконец, удалось овладеть ему нашими тремя флешами, с коих мы не успели свести орудий. Но не долго он воспользовался сею выгодою; полки Астраханский, Сибирский и Московский, построясь в сомкнутые колонны под командой генерал-майора Бороздина, с стремлением бросились на неприятеля, который был тотчас сбит и прогнан до самого леса с большим уроном. Таковой удар был с нашей стороны не без потери. Генерал-майор принц Мекленбургский Карл ранен, Ревельского пехотного полка шеф генерал-майор Тучков 4-й был убит, Московского гренадерского полка полковник Шатилов получил жестокую рану, Астраханского гренадерского полка полковник Буксгевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами. Потеря французов противу нас несравнительна. После чего неприятель, умножа силы свои, отчаянно бросился опять на батареи наши и вторично уже овладел

оними, но генерал-лейтенант Коновницын, подоспев с 3-ю пехотной дивизией и видя батареи наши занятыми, стремительно атаковал неприятеля и в мгновение ока сорвал оные. Все орудия, на оных находившиеся, были опять отбиты нами; поле между батареями и лесом было покрыто их трупами, и в сем случае лишились они лучшего своего кавалерийского генерала Монбрена и начальника главного штаба генерала Ромефа, находившегося при корпусе маршала Давуста.

После сей неудачи французы, приняв несколькими колоннами как пехотными, [так] и кавалерийскими вправо, решились обойти наши батареи. [Едва] появились они из лесу, как генерал-лейтенант князь Голицын, командовавший кирасирскими дивизиями, влево от третьей пехотной дивизии находившимися, приказал генерал-майору Бороздину и генерал-майору Дуке ударить на неприятеля. Вмиг был он обращен в бегство и принужден скрыться в лес, откуда хотя несколько раз потом и показывался, по всегда [был] с уроном прогоняем.

Невзирая на сильную потерю, понесенную французами, не переставали они стремиться к овладению вышеупомянутыми тремя флешами; артиллерия их, до 100 орудий умноженная, сосредоточенным огнем своим наносила немалый вред нашим войскам.

Я, заметя, что неприятель с левого крыла переводит войски, дабы усилить центр и правое свое крыло, немедленно приказал двинуться всему нашему правому крылу, вследствие чего генерал от инфантерии Милорадович отрядил генерал-лейтенанта Багговута со 2-м корпусом к левому крылу, а сам с 4-м корпусом пошел на подкрепление центра, над коим и принял начальство. Генерал же от инфантерии Дохтуров взял пред сим в командование левый фланг после князя Багратиона, получившего, к крайнему сожалению всей армии, тяжкую рану и вынужденного чрез то оставить место сражения. Сей несчастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над неприятелем, и конечно бы имел самые пагубные следствия, если бы до прибытия генерала от инфантерии Дохтурова не вступил в командование генерал-лейтенант Коновницын. Не менее того в самое сие время неприятель напал на наши укрепления, и войски, несколько часов кряду с мужеством оные защищавшие, должны были, уступя многочисленности неприятеля, отойти к деревне Семеновской и занять высоты, при оной находящиеся, которые, без сомнения, скоро были бы потеряны, если бы генерал-майор граф Ивелич не подоспел с командой 17-й дивизии и не устроил сильные на оных батареи, чрез что восстановил тесную связь между левым крылом армии и 1-й гренадерской дивизией. Генерал-лейтенант Багговут с 4-ю дивизией присоединился в то же время к 1-й гренадерской дивизии и принял оную в свою команду. После сего неприятель хотя и делал несколько покушений на наше левое крыло, но всякий раз был отражен с величайшей потерей.

Полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, пришедшие на левой фланг 3-й пехотной дивизии, с непоколебимою храбростью выдерживали наисильнейший огонь неприятельских орудий и, невзирая на понесенную потерю, пребывали в наилучшем устройстве. Полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский в сем сражении покрыли себя славой в виду всей армии, быв атакованы три раза неприятельскими кирасирами и конными гренадерами, стояли твердо и, отразив их стремление, множество из оных истребили. Генерал-майор Кретов с кирасирскими полками Екатеринославским и Орденским подоспел к ним на помощь, опрокинул неприятельскую кавалерию, большую часть истребил оной и сам при сем случае был ранен.

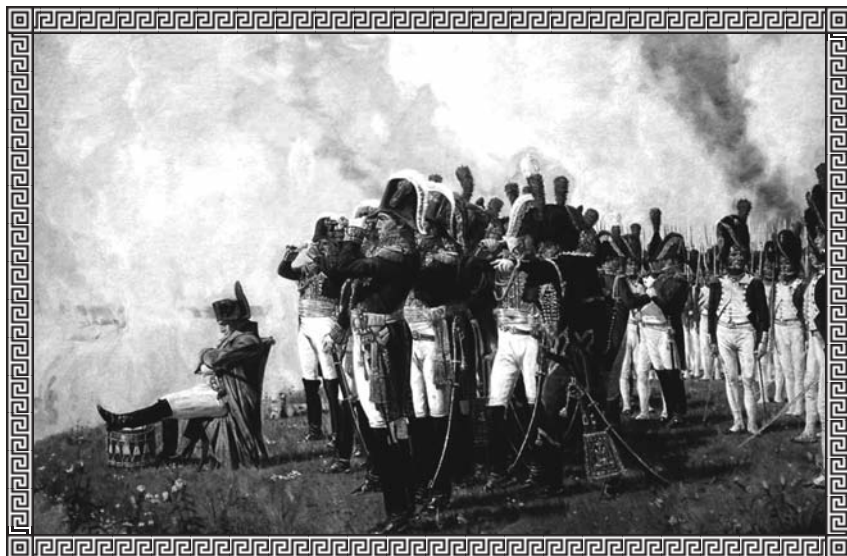
Наполеон, видя неудачные покушения войск правого крыла своей армии и что они были отбиты на всех пунктах, скрыл оные в леса и, заняв опушку стрелками, потянулся влево к нашему центру. Генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, командовавший 1-й армией, заметив движение неприятеля, обратил внимание свое на сей пункт и, чтоб подкрепить оный, приказал 4-му корпусу примкнуть к правому крылу Преображенского полка, которой с Семеновским и Финляндским оставались в резерве. За сими войсками поставил он 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, а за оными полки кавалергардской и конной гвардии. В сем положении наш центр и все вышеупомянутые резервы были подвержены сильному неприятельскому огню; все его батареи обратили действие свое на курган, построенный накануне и защищаемый 18-ю батареями орудиями, подкрепленными всей 26-й дивизи-

зией под начальством генерал-лейтенанта Раевского. Избежать сего было невозможно, ибо неприятель усиливался ежеминутно противу сего пункта, важнейшего во всей позиции, и вскоре после того большими силами пошел на центр наш под прикрытием своей артиллерии густыми колоннами, атаковал курганную батарею, успел овладеть оной и опрокинуть 26-ю дивизию, которая не могла противостоять превосходнейшим силам неприятеля.

Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, видя неприятеля, овладевшего батареей, важнейшею во всей позиции, со свойственной ему храбростью и решительностью, вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского пехотного полка батальон и, устроя сколько можно скорее бежавших, подавая собой пример, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло противу русского штыка. 3-й батальон Уфимского пехотного полка и 16-й егерский полк бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й по левую сторону оной, и в четверть часа батарея была во власти нашей с 18-ю орудиями, на ней бывшими. Генерал-майор Паскевич с полками ударил в штыки на неприятеля, за батареей находящегося; генерал-адъютант Васильчиков учинил то же с правой стороны, и неприятель был совершенно истреблен; вся высота и поле оной покрыто неприятельскими телами, и бригадный командир французской генерал Бонами, взятый на батарее, был один из неприятелей, снискавший пощаду. Подоспевшая на сей случай кавалерия под командой генерал-адъютанта Корфа много способствовала к отбитию батареи нашей; при сем случае к большому всех сожалению лишились мы достойного генерала от артиллерии Кутайсова, которой при взятии батареи был убит. Генерал-майор Ермолов переменял большую часть артиллерии, офицеры и услуга при орудиях были перебиты и, наконец, употребляя Уфимского пехотного полка людей, удержал неприятеля сильные покушения во время полутора часов, после чего был ранен в шею и сдал батарею г[енерал]-майору Лихачеву, присланному генералом от инфантерии Барклаем-де-Толли с 24-й дивизией на смену 26-й, которая, имея противу себя во все время превосходные силы неприятеля, была весьма расстроена. Во время сего происшествия неприятельская кавалерия, из кирасир и улан состоящая, атаковала во многих пунктах 4-й корпус, но сия храбрая пехота, выждав неприятеля на ближайший ружейной выстрел, произвела столь жестокой батальной огонь, что неприятель был совершенно опрокинут и с большой потерей бежал в расстройстве; при сем случае особенно отличились Перновский пехотный и 34-й егерский полки. Несколько полков 2-го кавалерийского корпуса, преследовав бегущего неприятеля, гнали до самой пехоты. Псковский драгунский полк под командой полковника Засса врубился в неприятельскую пехоту; адъютант его высочества полковник князь Кудашев довершил истребление другой неприятельской колонны, подскакав с 4-мя орудиями гвардейской конной артиллерии, из коих, действував ближайшим картечным выстрелом, нанес ужасной вред неприятелю.

После сего неприятель большими силами потянулся на левой наш фланг. Чтобы оттянуть его стремление, я приказал генерал-адъютанту Уварову с 1-м кавалерийским корпусом, перейдя речку Колочу, атаковать неприятеля в левый его фланг. Хотя положение места было не весьма выгодное, но атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут; при сем случае Елисаветградской гусарской полк отбил два орудия, но не мог вывести за дурной дорогою; в сие самое время неприятельская пехота покусилась было перейти чрез реку Колочу, дабы напасть на пехоту нашу, на правом фланге находящуюся, по генерал-адъютант Уваров, атаками на оную произведенными, предупредил ее намерение и воспрепятствовал исполнению оного.

Наполеон, видя неудачу всех своих предприятий и все покушения его на левой наш фланг уничтоженными, обратил все свое внимание на центр наш, противу коего, собрав большие силы во множестве колонн пехоты и кавалерии, атаковал Курганную батарею; битва была наикровопролитнейшая, несколько колонн неприятельских были жертвой столь дерзкого предприятия, но, невзирая на сие, умножив силы свои, овладел он батареей, с коей однако ж генерал-лейтенант Раевской успел свести несколько орудий. В сем случае генерал-майор Лихачев был ранен тяжело и взят в плен. Кавалерия неприятельская, овладев курганом, в больших силах бросилась отчаянно на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии, но была встречена кавалергардским и конногвардейским полками под командою

*Наполеон на Бородинских высотах.
Худ. В.В. Верещагин, 1897 г.*

генерал-майора Шевича; полки сии, имея против себя несоразмерность сил неприятельской кавалерии, с необыкновенным мужеством остановили предприятие ее и, быв подкреплены некоторыми полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, атаковали тотчас неприятельскую кавалерию и, опрокинув ее совершенно, гнали до самой пехоты.

Правый и левый фланги нашей армии сохраняли прежнюю позицию; войски, в центре находящиеся под командой генерала от инфантерии Милорадовича, заняли высоту, близ кургана лежащую, где, поставя сильные батареи, открыли ужасный огонь на неприятеля. Жестокая канонада с обеих сторон продолжалась до глубокой ночи. Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю цельными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила. Генерал-адъютант Васильчиков с 12-й пехотной дивизией до темноты ночи был сам со стрелками и действовал с особенным благоразумием и храбростью.

Таким образом, войски наши, удержав почти все свои места, оставались на оных.

Я, заметя большую убыль и расстройство в батальонах после столь кровопролитного сражения и превосходства сил неприятеля, для соединения армии оттянул войски на высоту, близ Можайска лежащую.

По вернейшим известиям, к нам дошедшим, и по показанию пленных, неприятель потерял убитыми и ранеными 42 генерала, множество штаб- и обер-офицеров и за 40 тыс. рядовых; с нашей стороны потеря состоит до 25 тыс. человек, в числе коих 13 генералов убитых и раненых.

Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа русского солдата, жертвовавшего с бодростью жизни за свое отечество.

(Бородино. Документы, письма, воспоминания. С.134–141.)

М.И. Кутузов – жене, 29 августа 1812 г. Без места

«Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонопартием. Детям благословение. Верный друг Михайла Голенищев-Кутузов».

Наполеон – жене Марии-Луизе

«Мой добрый друг, я пишу тебе на поле Бородинской битвы. Я вчера разбил русских... всю их армию. Сражение было жаркое... У меня много убитых и раненых».

Наполеон о результатах Бородинского сражения

“Московская битва — мое самое великое сражение: это схватка гигантов. Русские имели под ружьем 170 тыс. человек; они имели за собой все преимущества: численное превосходство в пехоте, кавалерии, артиллерии, прекрасную позицию. Они были побеждены! Неустрашимые герои, Ней, Мюрат, Понятовский, — вот кому принадлежала слава этой битвы. Сколько великих, сколько прекрасных исторических деяний будет в ней отмечено! Она поведаст, как эти отважные кирасиры захватили редуты, изрубив канониров на их орудиях; она расскажет о героическом самопожертвовании Монбрена и Коленкура, которые нашли смерть в расцвете своей славы; она поведаст о том, как наши канониры, открытые на ровном поле, вели огонь против более многочисленных и хорошо укрепленных батарей, и об этих бесстрашных пехотинцах, которые в наиболее критический момент, когда командовавший ими генерал хотел их ободрить, крикнули ему: «Спокойно, все твои солдаты решили сегодня победить, и они победят!»

(Наполеон. Воспоминания. Запись 1816 г.)

- **Бородинская битва глазами ее участников**

Воспоминания русского офицера

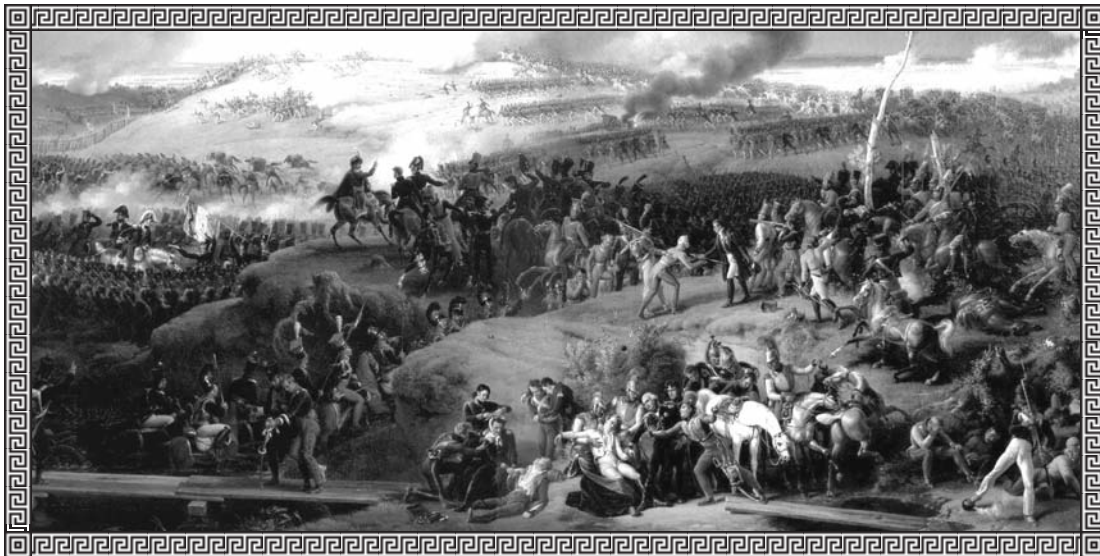
“26-го. Адский день! Я едва не оглохла от дикого, неумолчного рева обеих артиллерий. Ружейные пули, которые свистали, визжали, шикали и, как град, осыпали нас, не обращали на себя ничьего внимания; даже и тех, кого ранили, и они не слышали их: до них ли было нам!..»

(«Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой.)

Ф.-П. де Сегюр о русской пехоте

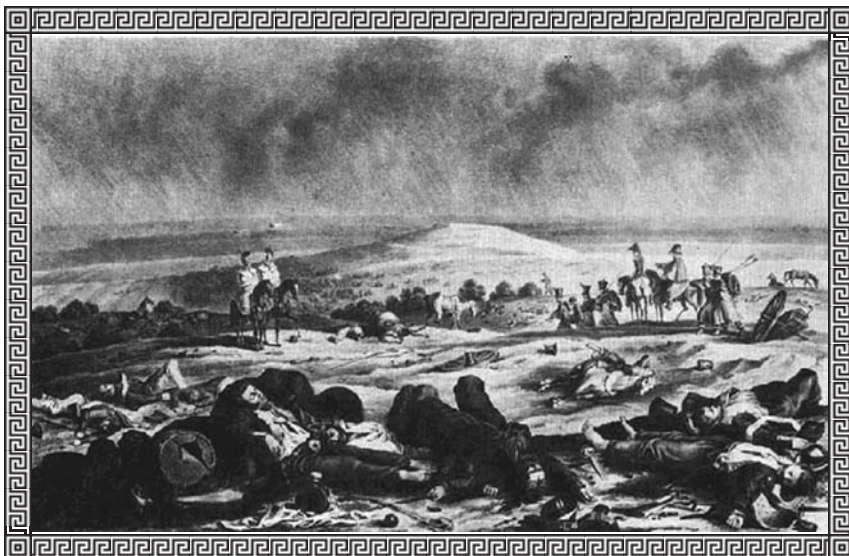
“Русская пехота продвигалась плотной массой, в которой наши выстрелы проделывали большие и широкие пробоины. Однако она не переставала приближаться до тех пор, пока наконец французские батареи не разгромили ее картечью. Целые взводы падали сразу. Видно было, как солдаты под этим ужасным огнем старались все-таки сплотить свои ряды. Они ежеминутно разлучались смертью и все-таки снова смыкали ряды, попирая смерть ногами».

(Ф.-П. де Сегюр. Поход в Россию. С. 122.)

Битва под Москвой 7 сентября 1812 г. Худ. Л.-Ф. Лежен. 1822 г.

В кампании 1812 г. в России художник Лежен, в чине бригадного генерала, состоял для особых поручений при маршале Даву. В Бородинском сражении, после того как был тяжело ранен начальник штаба 1-го пехотного корпуса генерал Ромёф, Лежен исполнял его обязанности.

*На поле боя под Москвой.
17 сентября 1812 г.
Литография Э. Эменже по рисунку
Х. Фабер-дю-Фора. 1830-е гг.*

К спору историков и исторических традиций: Кто выиграл битву?

Императора Наполеона обвиняли в том, что он не завершил разгром противника только потому, что отдал приказ не задействовать императорскую гвардию в Бородинской битве. На это обвинение, по воспоминаниям Клода-Франсуа Меневаля, Наполеон отвечал следующими словами: «Если завтра будет вторая битва, то чем я буду сражаться?»

Когда Наполеон наконец пришел в свою палатку, то к его физическому упадку присоединилась еще и глубокая печаль. Он видел поле битвы, и оно говорило красноречивее, чем люди! Эта победа, к которой он так стремился и которая была куплена такой дорогой ценой, осталась неполной! Он ли это, всегда доводивший свои успехи до последнего предела? Почему он оставался теперь равнодушным и бездеятельным — как раз тогда, когда судьба в последний раз оказала ему свое покровительство?

В самом деле, потери были громадны и не соответствовали результатам. Все вокруг него оплакивали смерть кого-нибудь из близких — друга, родственника, брата. Роковой жребий в этой битве пал на самых значительных лиц. Сорок три генерала были убиты или ранены! В какой траур должен был одеться весь Париж! Какое торжество для его врагов! Какой опасный предмет для размышлений в Германии! И как в армии, так и в своей палатке Наполеон оставался один на один со своей победой, безмолвной и мрачной, даже не вызывавшей мести!

Те, кого он позвал к себе — Дюма, Дарю, — слушали его молча. Но их позы, их потупленные взоры, их молчание были достаточно красноречивы!

Те, кто не покидал его в страшный день, видели ясно, что этот победитель стольких наций был сражен жгучей лихорадкой и роковым возвратом мучительной болезни, которая возобновлялась у него после каждого слишком резкого движения и слишком долгих и сильных волнений.

Они вспоминали слова, написанные им самим пятнадцать лет до этого в Италии: «Здоровье необходимо для войны и не может быть заменено ничем!», а также его восклицание на полях Аустерлица, носившее, к несчастью, пророческий характер. Император вскричал тогда:

— Орденер одряхлел. Для войны есть свои годы. Меня хватит еще лет на шесть, а затем придется кончить и мне!

Император объехал тогда поле битвы. Никогда еще ни одно поле сражения не имело такого ужасного вида! Все способствовало угнетающему впечатлению: угрюмое небо, холодный дождь, сильный ветер, обгорелые жилища, разрытая равнина, усеянная развалинами и обломками, а на горизонте унылая и темная зелень северных деревьев.

Везде виднелись солдаты, бродившие между трупами и искавшие какого-нибудь пропитания даже в ранцах своих убитых товарищей. Ужасные раны — русские пули были толще наших, — молчаливые бивуаки, нигде ни песен, ни рассказов, унылое безмолвие, царившее кругом, — вот что представляло это поле!

Французские солдаты не обманывались. Они изумлялись тому, что так много врагов было перебито, так много было раненых — и так мало пленных! Не было даже восьмисот! А только по числу пленных и судили о победе.

Убитые же скорее доказывали мужество побежденных, нежели победу. Если остальные могли отступить в таком порядке, гордые и не упавшие духом, то какая польза была в том, что поле битвы осталось в наших руках? В такой обширной стране, как эта, может ли не хватать русским земли, чтобы сражаться?

Можно было заметить раненых русских, которые тащились к таким местам, где груды мертвых тел могли дать им какое-нибудь убежище. Многие уверяют, что один из этих несчастных прожил несколько дней в трупе лошади, разорванной гранатой, внутренности которой он глодал.

Русская осень взяла над ним верх! Без этого, быть может, вся Россия склонилась бы перед нашим оружием на московском поле. Преждевременная суровость погоды явилась удивительно кстати для русских на помощь их империи. Ураган возвестил о приближении осени. Наполеон охвачен был леденящим холодом. Уже в ночь, предшествовавшую великой битве, все заметили, что его снедала лихорадка, которая подавляла его дух и истощала его силы во время битвы; это страдание, присоединившееся к другому, еще более сильному, задерживало его движения и сковало его гений в течение пяти последующих дней. Оно-то и спасло Кутузова от полного поражения при Бородине и дало ему время собрать остатки своей армии и ускользнуть от нашего преследования.

(Ф.-П. де Сегюр. *Поход в Россию*. С. 135–144.)

Н.М. Карамзин — брату, 27 августа 1812 г. Москва

«Не вините меня, что я недели две не писал к Вам. Право, не хотелось за перо взяться. Наконец, я решился силою отправить жену мою с детьми в Ярославль, а сам остаюсь здесь и живу в доме у главнокомандующего Федора Васильевича, но без всякого дела и без всякой пользы. Душе моей противна мысль быть беглецом: для того не выеду из Москвы, пока все не решится. Вчера началось кровопролитнейшее сражение и ныне возобновилось. Слышно, что мы все еще удерживаем место. Убитых множество, французов — более. Из наших генералов ранены: Багратион, Воронцов, Горчаков, Коновницын. С обеих сторон дерутся отчаянно — Бог да будет нам поборник! Через несколько часов окажется или что Россия спасена, или что она пала. Я довольно здоров и тверд, многие кажутся мне малодушными. Верно, что есть Бог! Участь моя остается в неизвестности. Буду ли еще писать к Вам — не знаю, но благодарю Бога за свое доселе хладнокровие, не весьма обыкновенное для моего характера. Чем ближе опасность, тем менее во мне страха. Опыт знакомит нас с самими нами».

*Н. М. Карамзин.
Худ. Я.Т. Венецианов. 1928 г.
Фрагмент*

? Вопросы

1. Оцените положение французской армии в преддверии Бородинской битвы.
2. Чего опасались во французском стане? Какие задачи ставил перед собой и своей Великой армией Наполеон в предстоящем Бородинском сражении?
3. Как оценивал Кутузов тактику отступления русской армии?
4. Почему новый русский главнокомандующий решил дать генеральное сражение?

5. Какие задачи ставил перед собой и своей армией М.И. Кутузов? Учитывая соотношение сил, можно ли считать, что они были реалистичны?
6. Выделите основные этапы Бородинского сражения и их итоги.
7. Почему Наполеон и большинство зарубежных авторов, отдавая дань мужеству русских, считают, что Московскую битву (Бородинское сражение) выиграл Наполеон?
8. Как вы оцениваете позицию Кутузова относительно итогов Бородинского сражения, отраженную в его донесении царю и в личных письмах?
9. Почему Бородинская битва стала в русской исторической традиции центральным событием Отечественной войны 1812 г., бесспорно затмив выигранные позже русскими сражения, к примеру, под Вязьмой или на Березине? Почему в менталитете россиян Бородинская битва – бесспорная победа?
10. Какие проблемы, связанные с Бородинской битвой, являются дискуссионными в исторической науке?

5. ПОЖАР МОСКВЫ

• Первопрестольная в сентябре 1812...

Хроника фактов

1 (13) сентября в 5 часов вечера в крестьянской избе в деревне Филя недалеко от Дорогомиловской заставы произошел военный совет, решавший судьбу Москвы. До того Кутузов обещал московскому генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину столицу не сдавать, но, осмотрев возможную позицию у Поклонной горы, М.И. Кутузов и другие генералы русской армии пришли к выводу о ее непригодности для сражения.

На совете в Филях разгорелся спор. По воспоминаниям участников войны, на совет были приглашены генералы: М.Б. Барклай-де-Толли, Л.Л. Беннигсен, Д.С. Дохтуров, А.П. Ермолов, П.П. Коновницын, А.И. Остерман-Толстой, Н.Н. Раевский, Ф.П. Уваров и полковник К.Ф. Толь. Присутствовал на совете также дежурный генерал П.С. Кайсаров. М.Б. Барклай-де-Толли указывал на вынужденность оставления Москвы для спасения

*Военный совет в Филях.
Худ. А.Д. Кившенко. 1880 г.*

*Изба, в которой проходил знаменитый совет в Филях.
Худ. А.К. Саврасов. 1860 г.*

армии: «Сохранив Москву, Россия не сохранится от войны, жестокой, разорительной. Но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды отечества». Л.Л. Беннигсен настаивал на сражении, и большинство участников совещания склонялись на его сторону. Окончательное решение принял М.И. Кутузов: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия. Приказываю отступить». Кутузов прервал заседание и приказал отступить через Москву по Рязанской дороге. Ближе к вечеру 2(14) сентября в опустевшую Москву вступили передовые части авангарда Мюрата. Он договорился с командующим русским арьергардом генералом Милорадовичем о том, что французы зайдут в город, когда русские солдаты его покинут, дабы избежать ненужного кровопролития.

Свидетельство очевидца

“...все, что делалось в армии, было через несколько часов известно в Москве; каждое биение пульса в русском войске отзывалось в сердце ее. Многие купцы содержали по пути к месту военных действий конных гонцов, которые беспрестанно сновали взад и вперед...

В эти дни я слышал нередко от купцов, извозчиков и моего дядьки, что в случае сдачи Москвы наши готовятся спалить ее дотла. — «Не доставайся ж, матушка, неприятелям». И потому, если мое свидетельство может что-нибудь прибавить к показаниям историков 12-го года, считаю долгом засвидетельствовать, что пожар московский был просто следствием народного побуждения. Тогдашний градоначальник Ростопчин, отгадав это побуждение, не только не мешал, но даже содействовал ему,— вот что надобно еще прибавить. Кому принадлежит честь этого подвига — судите сами».

(И.И. Лажечников. Новобранец 1812 года.)

Москва глазами вступающего в нее европейца

“Странным и впечатляющим показалось французским солдатам внезапное появление перед их глазами этого великого города, скорее азиатского, чем европейского, раскинувшегося до самого конца открытой равнины, увенчанного тысячью двумястами шпилями и лазурными куполами, усыпанными золотыми звездами, соединенными друг с другом позолоченными цепями. За завоевание этого города было заплачено очень дорого, но Наполеон успокаивал себя тем, что именно здесь он сможет продиктовать условия мира...

*Москвичи покидают Первопрестольную.
Поготовая открытка нач. XX в.*

Ночь 14 сентября Наполеон провел в Дорогомилове и въехал в Москву только на следующий день. Его вступление не сопровождалось той обычной суматохой, которой отмечено овладение большим городом. Ни малейший шум не нарушал тишины городских улиц, если не считать грохота от проезжавших пушек и артиллерийских зарядных ящиков. Москва казалась погруженной в глубокий сон, подобно одному из тех заколдованных городов, о которых мы читали в арабских сказках. Улицы, вдоль которых мы проходили, были застроены стоящими в одну линию зданиями, имевшими в большинстве случаев красивый вид, но с закрытыми окнами и дверями. Дворцы с колоннадами, церкви и прекрасные здания, поражающие великолепием европейской и азиатской роскоши, высились тесными рядами, почти лишенные обитателей. Все свидетельствовало о праздности и богатстве великого города, обогатившегося торговлей и населенного зажиточной и многочисленной аристократией.

(К.-Ф. Меньеваль. Наполеон. Годы величия.)

*Письмо коллежского асессора А.А. Карфагевского неизвестному,
6 ноября 1812 г. Москва*

“Пожары продолжались целые 6 суток, так что нельзя было различить ночи от дня.

Во все же сие время продолжался грабеж: французы входили в дома и производили большие неистовства, брали у хозяев не только деньги, золото и серебро, но даже сапоги, белье и, смешнее всего, рясы, женские шубы и салопы, в коих стояли на часах и ездили верхом. Нередко случалось, что идущих по улицам обирали до рубахи, а у многих снимали сапоги, капоты, сюртуки. Если же находили сопротивление, то с остервенением того били и часто до смерти, а особливо многие священники здешних церквей потерпели большие мучения, будучи ими пытаемы, куда их церковное сокровище скрыто. Французы купцов и крестьян хватили для пытки, думая по одной бороде, что они попы. ... Осквернение же ими храмов Божиих ясно доказывает, что оне не имеют никакой веры в Бога.

С 2 сентября по 12 октября в Москве никаких торгов не было, а потому жители, лишены будучи от грабления запасенного хлеба, претерпевали ужаснейший голод. <...>»

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

Из воспоминаний писателя И.И. Лажечникова

“Когда я выехал из Филей, по смоленской дороге показался в клубах пыли обоз, которому не видно было конца. Везли раненых. Поезд тянулся в несколько рядов и затруднился у Драгомиловского моста. Сделалась остановка. Надо было видеть в это время усердие москвичей к воинам, пролившим кровь свою за отечество. Калачи летели в по-

возки, сыпались деньги пригоршнями, то и дело опорожнялись стаканы и кувшины с квасом и медами; продавцы распорядились добром своих хозяев, как своею собственностью, не только не боясь взыскания, но еще уверенные в крепком спасибо; восклицаниям сердечного участия, благословениям, предложениям услуг не было конца...

Москва представляла совершенное разрушение; почти все дома были обгорелые, без крыш; некоторые еще дымились; один трубы безобразно высились над ними; оторванные железные листы жалобно стонали; кое-где в подвалах мелькали огоньки. Мы проехали весь город до Калужской заставы, не встретив ни одного живого существа.

(И.И. Лажечников. Новобронец 1812 года.)

И.И. Лажечников

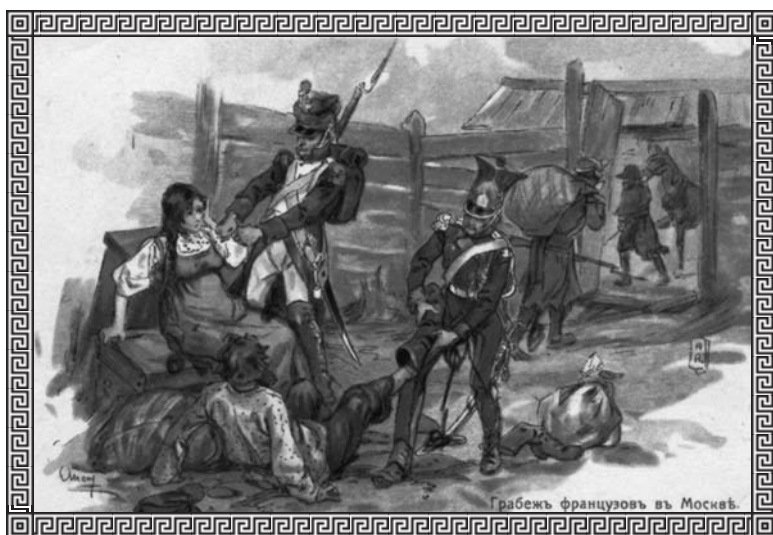
Из воспоминаний К.-Ф. Меневала

Пожар охватывает Москву

Император направился прямо в Кремль. Только он успел въехать в него, как в Китай-городе вспыхнул пожар. Китай-город представлял собой громадный базар, окруженный галереями с большими магазинами, маленькими лавками и подвальными помещениями. Войти в эти подвалы можно было прямо с улицы. Все эти помещения были перегружены ценными вещами самого разного рода, такими, как шали, меха, индийские и китайские ткани. Все попытки потушить огонь оказались бесплодными, и пожар базара в Китай-городе стал сигналом для всеобщего городского пожара.

Этот пожар, распространившийся с огромной скоростью, в три дня уничтожил три четверти Москвы. Каждую минуту можно было увидеть дым, за которым следовало пламя, вырывавшееся из домов, которые до этого стояли невредимыми, и, в конце концов, пожары возникли чуть ли не в каждом здании города. Город превратился в одну громадную печь, из которой к небесам вырывалась масса огня, освещавшего горизонт ослепительным пламенем и распространявшего вокруг жгучую жару.

Огромные огненные языки, сплетавшиеся друг с другом, быстро подхватывались усиливавшимся ветром, который разбрасывал огонь во всех направлениях. Вспышки пламени непрерывно сопровождалась воющим ревом горящего дерева и грохотом от обвалов обгоревших стен зданий, а также взрывами горючих веществ, хранившихся в магазинах и домах.

Грабеж французов в Москве 1812 г.
Худ. А.П. Ансит.
Почтовая открытка. Нач. XX в.

*Наполеон в горящей Москве в 1812 г.
Неизвестный художник
Полговая открытка. Наг. XX в.*

Среди этого ревущего и свистящего шума разбушевавшегося пожара, среди этого зловещего огненного извержения раздавались крики и вопли несчастных людей, охваченных пламенем внутри домов, в которые они забрались, чтобы заняться грабежом, и многим из них удалось выбраться из огненного ада внутри зданий только ради того, чтобы погибнуть уже на улицах, превратившихся в сплошной воспламенившийся лабиринт, спастись из которого было невозможно. Мы смотрели на это ужасное и потрясающее зрелище охваченные молчаливым оцепенением и обуреваемые чувством нашего абсолютного бессилия, будучи не в состоянии сдвинуться с места, чтобы оказать какую-либо помощь, даже если бы мы и попытались что-то сделать.

Москва в огне

Наполеон пока еще не считал необходимым покидать Кремль. Опасность, которой он там подвергался, наоборот, повлияла на его решение остаться в его стенах. Вице-король Евгений и маршалы Наполеона безуспешно просили его покинуть Кремль, а тем временем пожарище все ближе подбиралось к кремлевским стенам и становилось все более интенсивным. Оконные стекла комнаты, занятой императором, стали раскаленными; возникшие повсюду языки пламени угрожали плотным кольцом окружить Кремль и совершенно уничтожить его.

Однако Наполеон продолжал колебаться. Ему очень не хотелось, даже под угрозой нависшей опасности, спасаться бегством из Кремля и отказаться от завоевания, за которое он заплатил дорожную цену. Он уступил только тогда, когда ему сказали, что если он не покинет Кремль, то может оказаться отрезанным от корпусов, стоявших за пределами Москвы, и, в случае атаки противника, связь с ними будет полностью потеряна.

Пожар вынуждает Наполеона покинуть Кремль

Император покинул Кремль пешком, в сопровождении своих офицеров, через одни из больших кремлевских ворот, без каких-либо происшествий. Добравшись до набережной Москвы-реки, он сел верхом на лошадь и благополучно доехал до Петровского дворца, где провел два дня, а затем вновь вернулся в Кремль.

Возвратившись в Москву, император не ограничился только заботами об удовлетворении нужд армии, но и выделил время для своей удивительно многогранной деятельности. Он широко раскрыл двери для несчастных жителей столицы России, которые остались в городе, но, в результате пожара, оказались в состоянии крайней нищеты, лишённые пристанища и крова. Наполеон дал указание распределить между ними провизию и деньги. Он проявил заботу о раненых русских и опекал с гуманной целью различные учреждения Москвы. Среди них он оказывал покровительство воспитательному дому, который посетил сам, пожелав встретиться с генералом Тутомлиным, директором этого заведения, и попросил последнего ознакомить его с положением дел в подведомственном генералу об-

щественном институте. Наполеон также посетил больницы, где обнаружил нехватку самых необходимых вещей. Он распорядился собрать в одном месте все имевшиеся в наличии медицинские средства и учредил что-то вроде медицинского агентства во главе с главным хирургом армии, уважаемым доктором Ларреем.

Одним словом, Наполеон делал все, что было в его силах, чтобы помочь этому несчастному городу, в котором воцарилась анархия, а также по возможности сохранить для армии продовольственные и материальные ресурсы. Приезд французского генерального консула в России, г-на де Лессепса, который прибыл из Санкт-Петербурга в Москву, чтобы присоединиться к императору, дал Наполеону возможность учредить городской муниципалитет и районные комитеты, составленные из местных жителей, но во главе которых был поставлен г-н де Лессепс.

Когда прекратился пожар, то в подвалах, в которые не проник огонь, были обнаружены запасы вин, коньяков, муки, печенья, картофеля, солонины, сахара, кофе и чая. Найденное продовольствие обеспечило достаточные ресурсы питания.

(К.-Ф. Меньваль. Наполеон. Годы величия.)

• **Генерал-губернатор Федор Васильевич Ростопчин и пожар Москвы (французская версия)**

Губернатор скрывал от жителей проигрыш сражения и даже проект эвакуации города вплоть до последнего момента... С оставшимися было трудно объясняться... Император велел расспросить нескольких жителей, но они, как оказалось, не знали ни о том, что происходило в городе, ни даже об отступлении русской армии до самого момента эвакуации города в день нашего вступления в Москву...

В половине одиннадцатого... зарево пожара давало такое освещение, что можно было бы читать в глубине комнаты, не зажигая света... Меховые шапки гренадеров тлели на их головах.

(А. О. Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию.)

Войска были в боевой готовности. Немногие оставшиеся в городе жители выбегали из домов и собирались в церквях; повсюду слышны были только стоны.

Часть пожарных насосов, которые мы искали со вчерашнего дня, была увезена неприятелем; оставшиеся были приведены в негодность. Офицеры и солдаты привели захваченных в разных домах будочников (полицейские стражники на перекрестках) и мужиков (русские крестьяне), которых они, по их утверждению, застали, когда те хотели поджечь приготовленные в домах горючие материалы. Поляки донесли, что они арестовали уже таких поджигателей и убили их; по их словам, эти люди и некоторые жители признались, что русский губернатор дал агентам полиции приказ поджечь ночью весь город. Мы отказывались верить этим сообщениям; арестованных было приказано оставить под стражей; был отдан также приказ произвести новые обыски и соблюдать величайшую осторожность. Во все кварталы, не охваченные пожаром, были отправлены патрули; мы добрались до источников всех тех сведений, которые только что были получены, и они подтвердились одно за другим.

Император был очень озабочен. Он не мог поверить, что русские сжигают свои дома, чтобы помешать нам спать в них. Двое русских пленных повторили то, что заявляли уже раньше: от своего начальника они получили приказ поджигать все; дома были помечены, и все было приготовлено для поджога в различных кварталах по приказу, как им сказали, губернатора Ростопчина.

Фитили были найдены также и в предместье, через которое мы вступили в город, и даже в спальне в Кремле. Дюронель, герцог Тревизский, граф Дюма и многие другие видели их при въезде в город и были настолько удивлены, что призадумались, но, в конце концов, они не придали этому особого значения.

(А. О. Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Гл. 4.)

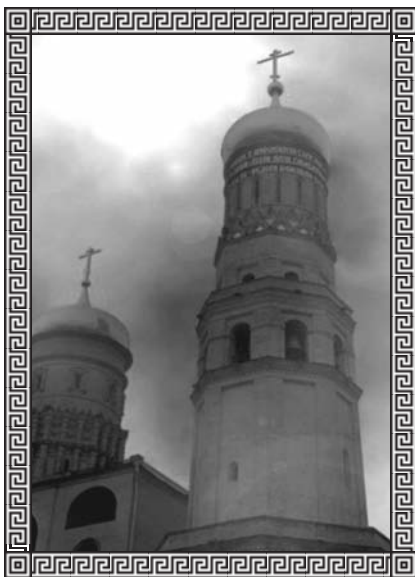
*Поджигатели. Худ. Львов.
Поготовая открытка. Нач. XX в.*

Хроника фактов

Пожар бушевал с 2(14) до 6(18) сентября. Из 9 158 домов сохранилось 2 626¹. Французский историк А. Труайя приводит другие данные: из 9, 3 тыс. зданий уцелело 2 тыс. Встречаются в литературе и иные сведения².

Как поджигатели были расстреляны 400 русских человек. Из города были вывезены или оказались неисправными все «пожаротушительные снаряды». Исход населения начался еще до пожара. Люди покидали город вместе с отходившей русской армией. В городе осталось не более 8 тыс. обывателей.

Пожар Москвы (версии русских очевидцев)

*Пожар в Москве 1812 г.
Худ. Я. Журигенко*

“Французы вошли в Москву часу в 6 после обеда; во время же нашего прохода чрез Москву один дом или какое-то строение дымилось, но пламя не было видно, сказывали, что это какой-то завод загорелся, начался пожар, с приходу от Смоленской дороги в предместье города близ краю города по левую руку, когда мы проходили, однако дым скоро прекратился. По приходе в Москву французов вечером часу в 10-м мы увидели, что в Москве пожар так, что многия улицы были совсем в пламени, мы тогда подумали, что Наполеон приказал зажечь город нарочно, когда стемнелось, то мы тогда пошли дальше по Тульской дороге, и на другой день так же отступали, сзади себя в Москве видели пламя и дым от горящей Москвы».

(А.К. Карпов. «Записки полковника Карпова».)

“Через несколько времени древняя столица наша запыхала во многих местах!

Французы вовсе нерасчетливы. Зачем они жгут наш прекрасный город? свои великолепные квартиры, так дорого ими нанятые? Странные люди!.. Мы все с сожалением смотрели, как пожар усиливался и как почти половина неба покрывалась ярким заревом.

Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!»

(«Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой.)

¹ Бородино. — М., 1985. С. 257.

² А. Труайя. Александр I или Северный сфинкс. — М., 1998. С. 163.

- **Русское образованное общество и сдача Москвы**

Летопись в письмах

Неизвестный – родным, 1 сентября 1812 г. Без места

“Любезнейшие родители!

Вы погибли от рук моих. Я ваш убийца! Я не сомневаюсь, что вы теперь, страдая, странствуете по полям или лесам и что село ваше обращено в пепел. Теперь уже поздно к вам отсылать лошадь, она к вам не попадет. Решитесь, любезнейшие, ехать за нами, умрем вместе или с сумой пойдем. Мы завтра поедем все вместе по Касимовке в село Сельну на большой дороге к священнику Киприану, за 60 верст от Москвы. Купите на мой счет лошадь, авось либо как-нибудь пробьемся. Благодетеля моего протоиерея сегодня проводил за 10 верст, он поехал в Володимир, при расставании оба мы пролили реки слез. Засим испрашивая у вас родительского благословения, пребуду всепреданнейший и послушнейший сын Алексей.

Сестрицу целую.

Французская армия стоит в 20 верстах от Москвы».

Смоленский помещик – приятелю, 4 сентября 1812 г. Вельский уезд

“...Войска французские очень слабы, без пищи, мужики весь хлеб меж собою поделили, а им не дают. <...>»

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

- **Настроение русских людей после сдачи Москвы**

“Поплакав несколько дней над пеплом Москвы, стали, однако ж, думать о спасении своем. Никто не помышлял о покорности неприятелю, о том, чтобы оставаться в своих домах, бить ему челом. Ожидали его только с тем, чтобы в виду его спалить свои жилища. Имущество поценнее хоронили в погребах, под овинами и подклетями, в лесах, но топоры и косы приберегали на случай под рукою. Стали к нам приближаться переселенцы с тех мест, которые занял уже неприятель. Толпы, большею частью дети, женщины, старики, переходили с места на место, нередко по ночам освещаемые кострами, воздвигаемыми из собственных домов. Где могло остановиться это переселение? Никто не ведал; знали только, что к восходу солнечному, к Сибири, шел народ. В эту тяжкую годину все делились между собою, как братья; каждый, кто бы он ни был, садился за чужой стол, как семьянин; многие богачи сравнивались с бедняками, и часто бедняк из сумы своей одолжал вчерашнего богача. Все это казалось, в годину общего бедствия, делом очень обыкновенным».

(И.И. Лажечников «Новобранец 1812 года»)

Д.С. Дохтуров – жене, 3 сентября 1812 г. Около Москвы

“<...> Я, слава Богу, совершенно здоров, но я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас! Мы уже по сторону столицы. Я прилагаю все старание, чтобы убедить идти врагу навстречу. Беннигсен был того же мнения. Он делал, что мог, чтобы уверить, что единственным средством не уступить столицы было бы встретить неприятеля и сразиться с ним. Но это отважное мнение не могло подействовать на этих малодушных людей – мы отступили через город. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать? Следует покориться, потому что над нами, по-видимому, тяготеет кара Божья. Не могу

*Д.С. Дохтуров.
Худ. Дж. Дой*

думать иначе. Не проиграв сражения, мы отступили до этого места без малейшего сопротивления. Какой позор!

Теперь я уверен, что все кончено, и в таком случае ничто не может удержать меня на службе. После всех неприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков, допущенных по слабости начальников, — после всего этого ничто не заставит меня служить. Я возмущен всем, что творится! <...>

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

*Великая княжна
Екатерина Павловна.
Худ. Ф. Флейшман. 1816 г.*

Великая княжна Екатерина Павловна – Александр I, 6 сентября 1812 г. Ярославль

Я не в состоянии больше сдерживаться, несмотря на боль, которую мне придется причинить вам, мой дорогой друг. Взятие Москвы довело ожесточение умов до высшей степени. Недовольство достигло предела, не щадят даже Вас лично. По тому, что дошло до меня, можете судить об остальном. Вас во всеуслышание винят в несчастье вашей империи, в крушении всего и вся, наконец, в том, что Вы уронили честь страны и свою собственную.

И не какая-нибудь группа лиц, но все единодушно Вас хулят. Помимо того, что говорится о характере войны, которую мы ведем, одним из главных обвинений против Вас стало то, что Вы нарушили слово, данное вами Москве. Она ожидала Вас с крайним нетерпением, но Вы с пренебрежением бросили ее. Создается впечатление, что Вы ее предали. Только не подумайте, что грозит катастрофа в революционном духе, нет! Но я предоставляю Вам самим судить о положении вещей в стране, где презирают своего вождя. Ради

спасения чести можно отважиться на все, что угодно, но при всем стремлении пожертвовать всем ради своей родины возникает вопрос: куда же нас вели, когда все разгромлено и осквернено из-за глупости наших вождей? К счастью, мысль о мире не стала всеобщей. Совсем напротив, помимо чувства унижения, потеря Москвы возбудила и жажду мщения.

На Вас открыто ропщут, и я полагаю, что обязана Вам это сказать, мой дорогой друг, ибо это слишком важно. Вам не следует указывать мне на то, что все это не по моей части — лучше спасайте вашу честь, подвергающуюся нападкам. Ваше присутствие [в армии] может вернуть Вам симпатии, не пренебрегайте никаким средством и не думайте, что я преувеличиваю: нет, к несчастью, я говорю истинно. Сердце обливается кровью у той, которая стольким Вам обязана и желала бы ценой тысячи своих жизней вырвать Вас из положения, в котором Вы оказались».

Александр I – Великой княжне Екатерине Павловне, 18 сентября 1812 г. С.-Петербург

“Вот вам, дорогой друг, мой обстоятельный ответ, который я должен Вам дать.

Нечего удивляться, когда на человека, постигнутого несчастьем, нападают и терзают его. Я никогда не обманывал себя на этот счет и знал, что со мною поступят так же, чуть судьба перестанет мне благоприятствовать. Мне суждено, быть может, лишиться даже друзей, на которых больше всего я рассчитывал. Все это, к несчастью, в порядке вещей в здешнем мире!

Мне всегда претило, а особенно при несчастье, утомлять кого бы то ни было подробностями о себе самом, но по моей к Вам искренней привязанности, я делаю над собой усилие и изложу Вам дела в том виде, как они мне представляются.

Что лучше, чем руководствоваться своими убеждениями? Именно они заставили меня назначить Барклая главнокомандующим 1-й армией за его заслуги в прошлых войнах про-

тив французов и шведов. Именно они говорят мне, что он превосходит Багратиона в знаниях. Грубые ошибки, сделанные сим последним в этой кампании и бывшие отчасти причиной наших неудач, только подкрепили меня в этом убеждении, при котором меньше, чем когда-либо, я мог считать его способным быть во главе обеих армий, соединившихся под Смоленском. Хотя я не вынес большого удовлетворения и от того немногого, что выказал в мое присутствие Барклай, но все же считаю его менее несведующим в стратегии, чем Багратион, который ничего в ней не смыслит. <...>

В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова — к этому зывали все. Так как я знаю Кутузова, то я противился сначала его назначению, но когда Ростопчин в своем письме ко мне от 5 августа известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая ни Барклая, ни Багратиона годными для главного начальства, и когда Барклай, как нарочно, делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить общему желанию — и я назначил Кутузова. И в настоящую еще минуту я думаю, что при обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать из трех генералов, одинаково мало подходящих в главнокомандующие, того, за которого были все. <...>

После того, что я пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов всякую ответственность, что я не внушаю войскам никакого доверия и поставленными мне в вину поражениями делаю их еще более прискорбными, чем те, которые приписали бы генералам, — судите сами, мой добрый друг, как мне должно быть мучительно слышать, что моя честь подвергается нападкам. Ведь я поступил, как того желали, покидая армию, тогда как сам только того и хотел, чтобы с армией оставаться. До назначения Кутузова я твердо решил вернуться к ней, а отказался от этого намерения лишь после этого назначения, отчасти по воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова, отчасти следуя Вашим собственным советам и советам многих других, одного с Вами мнения. <...>

Я вернулся в Петербург с 21-го на 22-е [августа]. Предположив, что я выехал бы на другой же день, я прибыл бы в Москву только 26-го, в день битвы, а следовательно, я не имел бы даже возможности предотвратить гибельное отступление, сделанное в ночь после сражения и погубившее все. Судите, чем бы я был тогда в Москве? Не сделали ли бы меня одного ответственным за все события, происшедшие от этого отступления, раз я был так близко (и это было бы справедливо)? А между тем мог ли я помешать случившемуся, когда пренебрегли воспользоваться победой и потеряли благоприятную минуту? Я, значит, приехал бы для того только, чтобы на меня легла тяжесть позора, до которого довели другие?

Напротив, мое намерение было воспользоваться первой минутой настоящего преимущества нашей армии над неприятелем, которое вынудило бы его отступить, чтоб действительно приехать в Москву. Даже после известия о битве 26-го числа я выехал бы тотчас, не сообщи мне Кутузов в том же рапорте, что он решил отступить на 6 верст, чтобы набраться сил. Эти роковые 6 верст, отравившие мне радость победы, вынудили меня подождать следующего рапорта. Из него я увидел ясно только одни бедствия. <...>

Что касается меня, дорогой друг, то я могу ручаться единственно за то, что мое сердце, все мои намерения и мое рвение будут направлены на то, что, по моему глубокому убеждению, может служить на благо и на пользу отечества. Относительно таланта, может, его у меня недостаточно, но ведь таланты — дар природы, и никто никогда сам их себе не добудет. Справедливости ради следует признать, что нет ничего удивительного в моих неудачах, когда у меня нет хороших помощников, когда я терплю недостаток в механизмах, чтобы управлять такой громадной машиной и в такое кризисное время против адского врага, величайшего злодея, но и высокоталантливого, который опирается на соединенные

Александр I.
Гравюра С.Карделли по оригиналу
Кюгельхен-Валькера

силы всей Европы и множество даровитых людей, появившихся за двадцать лет войны и революции. Вспомните, как часто в наших с Вами беседах мы предвидели эти неудачи, допускали даже возможность потери обеих столиц, и что единственным средством против бедствий этого жестокого времени мы признали только твердость. Я далек от того, чтоб упасть духом под гнетом сыплющихся на меня ударов. Напротив, более, чем когда-либо, я полон решимости упорствовать в борьбе, и к этой цели направлены все мои заботы.

Признаюсь Вам откровенно, что мне гораздо менее чувствительно, когда меня не понимает общество, то есть множество людей, мало меня знающих или даже вовсе не знающих, нежели когда это непонимание я вижу в тех немногих лицах, которым я посвятил все мои привязанности и которые, как я надеялся, всецело знают меня. Но клянусь Вам пред Богом, если подобное горе добавится ко всему, что я теперь переносу, я не стану обвинять этих людей, а отнесу это к обычной участи людей несчастных, которых все покидают.

Простите, добрый мой друг, что так долго испытывал Ваше терпение как длиной этой письма, так и длительностью его составления, ведь я мог лишь ненадолго отрываться от моих ежедневных занятий. <...>»

М.Б. Барклай-де-Толли – жене, 11 сентября 1812 г. Красная Пахра

“Только что я узнал, что будет надежная оказия в Петербург (ибо я никогда не узнаю об отправке курьера, да и не связываюсь с жалкими людьми, в руках которых находится теперь управление армиями), и я пользуюсь ею, чтобы сообщить тебе, что у меня нового.

Я с нетерпением ожидаю разрешения отсюда уехать. Наши дела приняли здесь в настоящее время такой оборот, что мы можем надеяться счастливо и с почетом окончить войну, но действовать следует совершенно иначе и с большей активностью. Меня нельзя упрекнуть в безучастности, потому что я всегда откровенно высказывал свое мнение, но меня явно избегают и многое скрывают от меня. Чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убежден, что я делал все необходимое для сохранения государства, и если у Его Величества еще есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанес ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование, в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом. Я ее передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твердой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью ее. Я не знаю, почему мы отступили с этой позиции и таскаемся, как дети Израиля в пустыне. Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни.

Все, что я тебе здесь написал, — тайна, которую я прошу тебя крепко хранить. Единственная милость, которую я добиваюсь, заключается в том, чтобы меня отсюда отпустили, а уж в какой форме это будет сделано — мне совершенно безразлично».

М.Б. Барклай-де-Толли после сдачи Москвы

...Ехала коляска. В ней сидел — Барклай-де-Толли. Его сопровождал только один адъютант. При этом имени почти все, что было в деревне, составило тесный и многочисленный круг и обступило экипаж. Смутный ропот пробежал по толпе... Немудрено... Отступление к Москве расположило еще более умы против него; кроме государя и некоторых избранных, никто не понимал тогда великого полководца, который с начала войны — до бородинской отчаянной схватки сберег на плечах своих судьбу России, охваченную со всех сторон еще неслыханною от века силою военного гения и столь же громадную вещественною силой. Но ропот тотчас замолк: его мигом сдержал величавый, спокойный, холодный взор полководца. Ни малейшая тень смущения или опасения не пробежала по лицу его. В этом взоре не было ни угрозы, ни гнева, ни укоризны, но в нем было то волшебное, не разгадываемое простыми смертными могущество, которым наделяет Провидение своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не в состоянии дать отчета, чему они покоряются. Мне случалось после видеть, как этот холодный, спокойный,

самоуверенный взгляд водил войска к победе, как он одушевлял их при отступлении (из-под Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы в первый раз подходили к нему). Русский солдат, всегда недовольный ретирадами, не роптал тогда, потому что, смотря на своего предводителя, уверен был, что он не побежден, а отступает ради будущей победы.

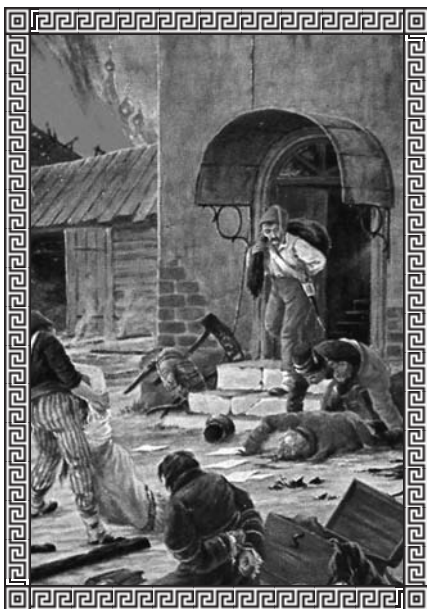
(И. И. Лажечников «Новобранец 1812 года»)

*Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин —
П.А. Толстому, 13 сентября 1812 г. Пахра, 35 верст от Москвы*

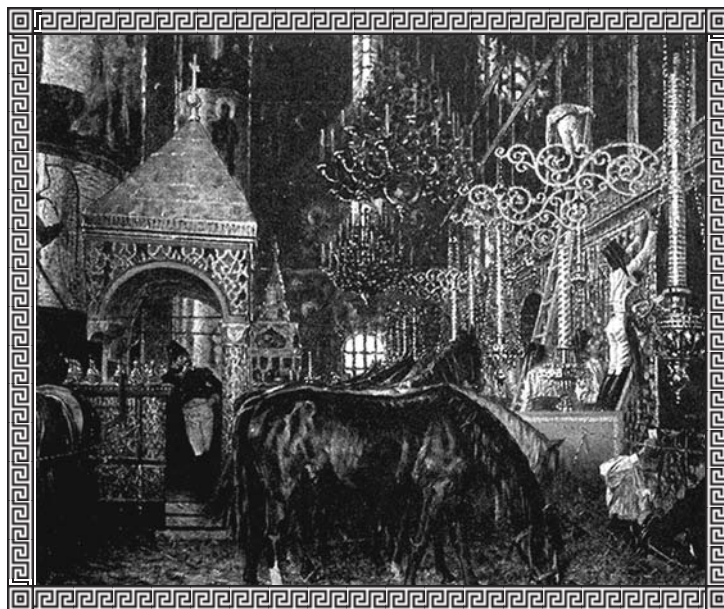
«Сколь ни тяжело мне писать к вам, почтенный граф, но я хочу известить Вас о предании Москвы и о бедственном положении армии нашей. Князь Кутузов обещал мне в десяти письмах, что он Москву защищать будет и что с судьбою сего города сопряжена судьба и России, [и] дал 26-го при Бородине баталию. Бонапарт атаковал всю нашу позицию с 5 часов утра до 7 часов вечера и был отбит так, что обозы отправились назад. Мы потеряли убитыми и ранеными 17 генералов, до 20 тыс. рядовых и на другой день 10 тыс. мародеров. Неприятелю этот день стоит близ 30 тыс. убитых и раненых, 29 генералов, по их письмам, *mis hors de comptant* (выбыли из строя — фр.). Мы у них взяли 10 пушек, они у нас — 18. С сим известием отправлен курьер в Петербург с места сражения, и Кутузов — фельдмаршал. Мы остались на месте, но ночью пошли назад. Беннигсен искал новых позиций и привел армию на Поклонную гору. Тут я виделся с Кутузовым, который повторил мне, что он дает баталию. Я возвратился в город и занимался ранеными, коих число в беспорядке пришедших было до 28 тыс. человек и при них — несколько тысяч здоровых. Это шло разбивать кабаки (в них вина уже не было) и красть по домам. В 8 часов вечера я получил от Кутузова письмо следующего содержания:

«Получа достоверное известие, что неприятель отрядил два корпуса по 20 тысяч на Боровскую и Звенигородскую дорогу, и находя позицию мою недовольно выгодною, с крайним прискорбием решился оставить Москву».

Тут мне оставалось вот еще что сделать. Важное, нужное и драгоценное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшийся порох — 6 тыс. пуд, выпустить в магазине 730 тыс. ведер вина, отправить пожарные, полицейские и прочие команды, гарнизонный полк и еще два, пришедшие к 6 часам утра. Все сие сделано было. Войска наши вышли в беспорядке, и если бы злодей послал три полка кавалерии, то бы вся ар-

*Мародеры. Подготовая открытка.
Худ. Б.В. Зворицин. Нач. XX в.*

*Французы в Успенском соборе Кремля в 1812 г.
Худ. В.В. Верещагин. 1897–1898 гг.*

тиллерия ему досталась. Мюрат шел по Арбату, и мужик, выстрелив по нему из окна, ранил [какого-то] полковника. Вечеру загорелись лавки и лабазы близ Кремля. На другой день во многих местах загорелся город и при сильном ветре, продолжаясь три дня, огонь истребил 5/6 частей города. Церкви разграблены, и в соборе стоит эскадрон кавалерии. Что Кутузов не хотел защищать Москвы, сему доказательство то, что 29-го послано повеление отправить провиант во Владимир, а Бонапарт накануне своего входа отдал [распоряжение] в приказе, какому полку быть на карауле. Теперь, пройдя четыре дороги поперек, мы стали на старой Калужской в 35 верстах, ничего не делаем, не знаем, что и неприятель делает, а одна лишь партия в 1 200 человек на Можайской дороге взяла в 36 часов 1 300 человек пленными, курьера и два транспорта из Смоленска. В письмах из армии неприятельской, захваченных с курьером, все говорят, что грабежу не было, что все вывезено, вина нет и провианта лишь на 8 дней. Кутузова никто не видит. Кайсаров за него подписывает, а Кудашев всем распоряжает. Беннигсен надеется быть главнокомандующим. Барклай советовал оставить Москву, чтобы спасти армию, полагая, что сим загладит потерю Смоленска. Армия в летних панталонах, измучена, без духа и вся в грабеже. В глазах генералов жгут и разбивают [дома] офицеры с солдатами. Вчера два преображенца грабили церковь. По 5 тыс. человек в день расстреливать невозможно. Регулярного войска из Калуги и от Лобанова прибыло до 27 тыс. человек. Мы стоим, что будет — никто не знает. Настоящее бедственно, но будущее ужасно, хотя неприятель и должен здесь погибнуть и не выйти из России.

Вам преданный граф Ф. Ростопчин».

М. И. Кутузов — дочери, 15 сентября 1812 г. В 35 верстах от Москвы

«Мой друг Парашинька, я вас никогда не забывал и недавно к вам отправил курьера. Теперь и впредь, надеюсь, в Данкове безопасно. А ежели бы [французы] приблизились, на что еще никаких видимостей нет, тогда можно ведь далее уехать.

Я баталию выиграл прежде Москвы, но надобно сберегать армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, то есть Торماسов, Чичагов, Витхенштейн и еще другие, станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет. Боже вас всех благослови.

Верный друг Михайла Голенищев -Кутузов».

Фрейлина императрицы-матери М. А. Волкова — своей подруге В.И. Ланской, 17 сентября 1812 г. Тамбов

«Что сказать тебе, с чего начать? Надо придумать новые выражения, чтобы изобразить, что мы выстрадали в последние две недели. Мне известны твои чувства, твой образ мыслей; я убеждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатление, но не могут твои чувства равняться с чувствами лиц, живших в нашем родном городе в последнее время перед его падением, видевших его постепенное разрушение, и, наконец, гибель от адского могущества чудовищ, наполняющих наше несчастное отечество. Как я ни ободряла себя, как ни старалась сохранить твердость посреди несчастий, ища прибежища в Боге, но горе взяло верх: узнав о судьбе Москвы, я пролежала три дня в постели, не будучи в состоянии ни о чем думать и ничем заниматься. Окружающие не могли поддержать меня, как я предвидела — удар на всех одинаково подействовал, на лица всех сословий, всех возрастов, всевозможных губерний, произвел ужасное впечатление. Известие о битве под Можайском окончательно сразило нас, и с этих пор ни одна радостная весть не оживляла нас. До сих пор нам еще неизвестны все жертвы 26-го августа. Нам назвали Валуева, Корсакова-старшего и Кутайсова. Пока не предвижу возможности получать здесь новости и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мне как можно более сведений об убитых и раненых. Сообщения с Москвой прерваны, не знаем, откуда получать известия, к кому обратиться. События так быстро сменяются, мы даже не знаем, что случилось с лицами, которых мы оставили в Москве. Надо полагать, что вам известно более, чем нам, вы должны знать хотя [бы] число убитых. В положении, в котором мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ее ни себе, ни другим, [то], по крайней мере,

не следует слишком сожалеть о тех, кого Бог к себе призывает: они умирают, исполняя самый священный долг, защищая свое отечество и правое дело, чем заслуживают благословение Божие. Я стараюсь проникнуться этим чувством, а равно и внушить его моим бедным кузинам Валуевым.

Тамбов битком набит. Каждый день прибывают новые лица. Несмотря на это, жизнь здесь очень дешева. Если не случится непредвиденных событий и обстоятельства нам позволят сидеть спокойно, мы проведем зиму в теплом и чистом домике. В прежнее время мы бы нашли его очень жалким, а теперь довольствуемся им. Кроме нашего семейства, здесь находятся Разумовские, Шукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много других москвичей, которых мало или почти вовсе не знаем. Все такие грустные и убитые, что я стараюсь ни с кем не видаться — с меня достаточно и своего горя.

Меня тревожит участь прислуги, оставшейся в доме нашем в Москве, дабы сберечь хотя [бы] что-нибудь из вещей, которых там тысяч на тридцать. Никто из нас не заботится о денежных потерях, как бы велики они ни были, но мы не будем покойны, пока не узнаем, что люди наши как в Москве, так и в Высоком остались целы и невредимы. Когда я думаю серьезно о бедствиях, причиненных нам этой несчастной французской нацией, я вижу во всем Божью справедливость. Французам обязаны мы развратом. Подражая им, мы приняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их мы почерпнули все дурное. Они отвергли веру в Бога, не признают власти, и мы, рабски подражая им, приняли их ужасные правила, чванясь нашим сходством с ними, а они и себя, и всех своих последователей влекут в бездну. Не справедливо ли, что где нашли мы соблазн, там претерпим и наказание? Одно путает меня — это то, что несчастья не служат нам уроком. Несмотря на все, что делает Господь, чтобы обратить нас к себе, мы противимся и пребываем в ожесточении сердечном».

Генерал Мороз, бреющий маленького Бони.
Английская карикатура. 1812 г.

• Высказывания разных людей о ситуации сентября 1812 г.

(Цитируется по книге: А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 160–164.)

«Орды варваров расположились на развалинах прекрасного города...Наш народ предпочитает предавать огню все, что ему дорого, лишь бы ничего не досталось врагу...Наша войска стоят вокруг Москвы и на дорогах, по которым пришел враг, и начинают уже нападать на его коммуникации. Вступив в Москву, Наполеон там не нашел ничего, на что он надеялся...Каждый шаг, который Наполеон делает по русской земле, приближает его к концу пропасти. Посмотрим, как он перенесет зиму!»

(Супруга Александра I императрица Елизавета Алексеевна — матери)

«Мы ехали шагом в каретах с застекленными окнами, окруженные несметной молчаливой толпой. Обращенные к нам лица были мрачны, вовсе не соответствуя праздничной дате (день коронации Александра — прим. сост.) Никогда мне не забыть тех минут, когда мы поднимались по ступеням в собор, проходя между стоящего двумя рядами народа, не единым возгласом не приветствовавшего нас. В тишине были слышны только наши шаги, и я не сомневалась, что достаточно малейшей искры, чтобы все вокруг воспламенилось».

Я взглянула на государя, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колени мои подгибаются».

(Магемуазель Стурдза, фрейлина Елизаветы Алексеевны.)

“Россия погибла навсегда»

(Ф.В. Ростопчин)

“Императрица-мать Мария Федоровна, великий князь Константин Павлович, канцлер Румянцев, Аракчеев, министр двора Волконский — все просят императора Александра немедленно начать с Наполеоном переговоры о мире.

(Магемуазель Стурдза, фрейлина Елизаветы Алексеевны.)

“Раз война началась, один из нас, Наполеон или я, потеряет корону».

(Александр I.)

“Москва взята, для объяснения этого находят много разумных причин, но разум говорит, что только чудо спасет Россию. Можно и дальше отступать, но за нами только Шпицберген».

(Жозеф де Местр.)

“У Архаровых собирается вся Москва или, лучше сказать, все бедняки: кто без дома, кто без деревни, кто без куска хлеба... Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм выражается в словах: point de paix! (Никакого мира!)

(Разговоры в среде московских дворян-беженцев, укrywшихся в Нижнем Новгороде)

? Вопросы

1. Дайте характеристику письмам современников как историческому источнику для реконструкции событий.
2. Какие мнения относительно положения России были в русском обществе после сдачи Москвы? Свой ответ постройте на анализе писем.
3. Как, судя по письму к сестре, царь Александр оценил сдачу Москвы? Какую линию поведения он выбрал для себя? Была ли она правильной с точки зрения той роли, которую должен был играть в тот момент глава государства?
4. Какие отзывы о М.И. Кутузове звучали в письмах сентября 1812 г.?
5. Как эту линию поведения Александра I оценивали современники в сентябрьские дни 1812 г.? Как ее можно оценить, зная дальнейший ход событий?

Жозеф Мари де Местр (1753–1821)

Граф, французский публицист, политический деятель и религиозный философ. Воспитан иезуитами, в 1774 г. окончил Туринский университет, в 1774–1788 гг. советник при савойском сенате, с 1788 г. сенатор. В 1802–1817 гг. посланник сардинского короля в Петербурге, где написаны его основные сочинения: «Опыт о порождающем принципе человеческих учреждений» (1810), «О папе» (1819), «Петербургские вечера» (1821). В начале деятельности де Местр рассчитывал с помощью масонства способствовать установлению обновленного религиозного миропорядка. В дальнейшем, отшатнувшись от Великой французской революции, предлагал крайне реакционные средства осуществления религиозной утопии. В антиреволюционном трактате «Соображения о Франции» (1796) де Местр выступает против руссоистских идей общественного договора и естественной добродетели, а также рационализма вольтеровского типа. Политические воззрения де Местра обусловлены его идеей о внесении в мир религиозной упорядоченности: ее пособниками и установителями он готов признать не только Бурбонов или Наполеона, но даже и революционное правительство, поскольку оно отрешилось от анархии (отсюда скандально знаменитая апология палача как вершителя порядка). Идеально упорядоченным обществом де Местр считал средневековую Европу XII–XIII вв., предлагая «реставрировать» конгломерат монархических государств, спянный непрерываемым духовным авторитетом папы. Как философ истории де Местр — сторонник религиозного провиденциализма, Божественному провидению противится злое, своевольное начало, которое он предполагает укротить суровыми мерами. Вместе с Л. Бональдом де Местр явился вдохновителем и идеологом европейского клерикально-монархического движения 1-й половины XIX в. В XX в. наиболее ревностным проводником идей де Местра был Ш. Моррас. Влияние публицистики де Местра обнаруживается в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева и политических трактатах Ф.И. Тютчева.

(По материалам Большой советской энциклопедии)

Великая армия в Москве: «Желаемое и действительное...»

*Неаполитанский король, маршал Мюрат
о настроении казаков после отхода из Москвы*

“Мюрат «повторял... что русские потеряли всякое присутствие духа, что офицеры проклинают Польшу и поляков, а в Петербурге не придают значения этой стране, и даже высшие офицеры открыто заявляют, что там желают и требуют мира; это желание откровенно высказывают также и в армии; уже написали императору Александру и ожидают его ответа, и, наконец, Кутузов также настроен очень сильно в пользу мира.

... король заявлял, что он бережно относится к казакам, так как они не хотят больше сражаться против нас; если бы он даже и атаковал их, они, по его словам, не стали бы стрелять по нашим войскам; одним словом, они уже не обороняются и, по-видимому, не сегодня — завтра покинут русскую армию; с другой стороны, король замечал, что крестьяне очень недовольны своим положением и многие из них поговаривают уже об освобождении.

Неаполитанский король по-прежнему повторял то, что — вне всякого сомнения, по указанию Кутузова, — говорили казачьи офицеры, а именно, что «война надоела, русские желают мира, надо прийти к соглашению и нет никаких оснований продолжать борьбу». Король по-прежнему утверждал, что русская армия пала духом, офицеры, в особенности генералы, изнурены, устали от войны и желают вернуться домой в Петербург, откуда все еще ожидают ответа... Но молчание русского правительства не вразумляло его насчет того, чего можно ждать от переговоров; ничто не могло его убедить».

(А. О. Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Гл. 4.)

Генерал Коленкур о настроениях русских дворян

“Дворянство, разоренное этой войной и пожаром Москвы, желает мира».

*Генерал Коленкур о казусе с казаками и
ожиданиями мира*

“Мюрат ... подарил казакам свои часы, драгоценности и охотно отдал бы свою рубашку, если бы не открыл, что, пока эти милые казаки ублажали его и удерживали на Казанской дороге, русская армия под прикрытием их маневров уже пять дней тому назад перешла на Калужскую дорогу, совершив этот переход ночью при свете огней московского пожара».

После чего запрещены были переговоры, император Наполеон заявил: «Я прикажу расстрелять первого же, кто вступит в переговоры, хотя бы на нем был генеральский чин».

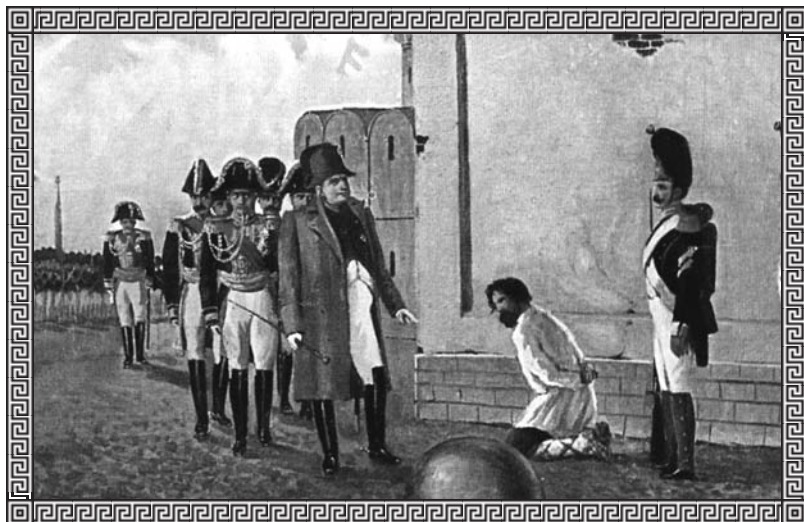
(А. О. Л. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Гл. 4.)

*Иоахим Мюрат.
Худ. Ф.П.С. Жерар*

А. О. Л. де Коленкур

Наполеон приказывает расстрелять русского, снявшего крест с колокольни Ивана Великого

Среди французских солдат распространился слух, что этот крест якобы из чистого золота, и они нашли русского добровольца, который за часть добычи взялся снять крест с колокольни.

• Наполеон: «Мне нужен мир!»

Хроника фактов

Движение вглубь России в кампанию 1812 г. не входило в планы императора Наполеона. Не разгромив русской армии в Смоленске, император всех французов первый раз после перехода его Великой армией Немана обратился к русскому царю с предложением сесть за стол переговоров. Но Александр I, как и обещал, не удостоил «своего брата» ответом...

Заняв Москву, Наполеон трижды предлагает Александру I мир. Первый раз 6(18) сентября Наполеон через начальника Воспитательного дома генерал-майора Ивана Акинфиевича Тутолмина передал, что почитает Александра по-старому и желал бы заключить мир. Наполеон по-прежнему намерен был требовать отторжения Литвы, подтверждения блокады и военного союза с Францией.

Второй раз 8(20) сентября его посланцем выступил русский генерал И.А. Яковлев.

Третий раз 22 сентября (4 октября) Наполеон направил генерала Лористона к Кутузову в Тарутино для пропуска к Александру I с предложением мира: «Мне нужен мир, он мне нужен абсолютно во что бы то ни стало, спасите только честь».

5 октября состоялось получасовое свидание Лористона с фельдмаршалом Кутузовым, после чего князь Волконский был отправлен к Александру I с донесением о предложении Наполеона, ответа на которое Наполеон от Александра не дождался.

Наполеон почему-то уверился, что твердость Александра I в его нежелании заключать мир с Наполеоном происходит из-за козней английских дипломатов...

Из воспоминаний К.-Ф. Меневала

Попытка Наполеона связаться с Александром

Наполеон написал письмо императору Александру и поручил отвезти его брату русского посла в Штутгарте¹, который в это время был в Москве. Почти в то же самое время император направил генерала Лористона к Кутузову, главнокомандующему русской армии, под предлогом предложения о перемирии, но со вторым письмом царю. Кутузов, пред-

¹ Имеется в виду отец А.И. Герцена генерал Иван Алексеевич Яковлев. Он остался в Москве по личным обстоятельствам — его морганатическая жена, немка, должна была родить ребенка (это и был Герцен). Французский маршал Мортье знал Яковлева ранее, он познакомился с русским генералом, когда тот путешествовал по Европе. Мортье указал Наполеону, что его знакомец — брат Льва Алексеевича Яковлева, русского посла в Штутгарте. Наполеон встретился с И.А. Яковлевым и попросил его доставить русскому

*Наполеон и Лористон.
Мир любой ценой!
Худ. В.В. Верещагин. 1900 г.*

ставив дело так, что он обязан запросить инструкции из Санкт-Петербурга, просто переправил документ в северную столицу России. И все попытки вырвать Александра из-под британского влияния остались бесплодными и не дали никаких результатов.

Реакция в Петербурге

Из новостей, полученных из Санкт-Петербурга, стало ясно, что город охвачен паникой, возникшей из-за того, что там опасались появления французских войск после взятия ими Москвы. Поскольку, вследствие отчаянного маневра со стороны Наполеона, эта новая столица русской империи могла оказаться в его власти, то из Санкт-Петербурга были вывезены архивы и ценные вещи, а императорский двор и самые знатные семьи уже готовились выехать из города. Сожженная пожаром Москва, казалось, давала знать, что Россия решила сопротивляться нашей армии вплоть до смерти.

Несмотря на все это, пристрастие Наполеона к Александру было столь велико, что император все еще лелеял надежду, что сможет привлечь на свою сторону царя, раскрыв ему глаза на истинные интересы России, вопреки назойливости и угрозам врагов Франции. Александр вскоре поймет, считал Наполеон, эгоизм воинствующих адвокатов Великобритании, в интересах которых антифранцузская коалиция каждый раз самым глупым образом вступала в войну.

Эта надежда в очередной раз не оправдала себя. Прошел почти месяц, но из Санкт-Петербурга никакого ответа получено не было. Наполеон был вынужден признать, что горько ошибался, надеясь, что Александр вступит с ним в переговоры с целью заключения мира.

(К.-Ф. Меньваль. Наполеон. Годы величия.)

Переговоры Кутузова и Лористона в Тарутине в зеркале прессы 1812 г.

Князь Кутузов принял Лористона в присутствии своих Генералов. Сей Француз начал речь свою тем, что он прислан предложить перемирие и просить Князя о доставлении к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ от Бонапарта письма, в котором, говорил Лористон, содер-

императору его личное послание. Яковлев отправился в Петербург, на пути был перехвачен «летучим отрядом» генерала Винцингероде и доставлен в Петербург. Аракчеев посадил генерала Яковлева под арест, но по приказу Александра I был освобожден.

Александр не ответил на письмо Наполеона, и тот, думая, что оно не дошло до адресата, отправил с тем же поручением своего генерала Лористона.

*Лористон у Кутузова.
Худ. Н.Я. Ульянов. 1945 г.*

М.И. Кутузов, встретив посланца Наполеона Лористона в своей ставке, справедливо сообщил ему, что не имеет указаний своего императора вести какие-либо переговоры. Александру I он, конечно, отправил извещение о предложении Наполеона. Но царь Александр, проигнорировав советы матери и брата Константина — заключить «достойный мир», заявил: «Лучше я отращу бороду и буду есть картофель с последним сибирским крестьянином, чем подпишу позор своего Отечества». В итоге Наполеон не получил никакого ответа из Петербурга.

жаты мирные предложения, долженствующие прекратить ужасное кровопролитие, отчаянием и варварством произведенное.

Князь отвечал, что ему не дано полномочия слушать предложений ни о перемирии, ни о мире; что он не примет никакого письма к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, долгом своим почитая объявить, что Российская армия имеет на своей стороне многие важные выгоды, которых отнюдь не должно терять согласиём на перемирие.

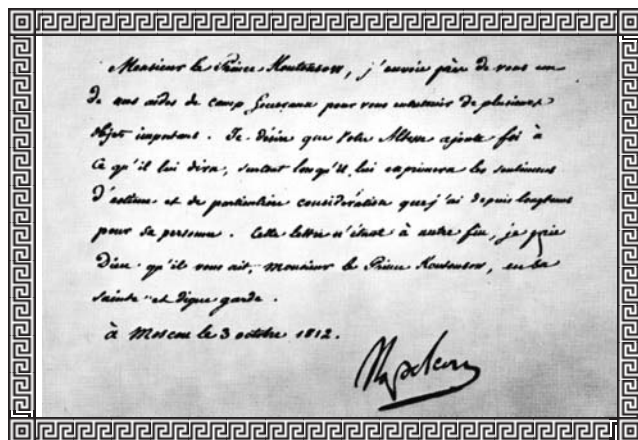
Лористон сделал замечание, что надобно же наконец прекратиться войне и что ей не вечно продолжаться, а особливо столь варварским образом.

Князь отвечал: варварство началось в войне от вырождков Французской революции и от Бонапарта, которой довел его до высочайшей степени. Без сомнения, война продолжаться вечно не может; однако ж и о мире думать не можно до тех пор, пока находится будут французы по сю сторону Вислы. Не Россия начала войну сию: если б мой ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР повелел сделать нападение на магазины и на войска, в Польше находившиеся, то даже за Вислою были бы истреблены все приготовления Бонапарта, прежде еще нежели он успел бы совершенно ополчиться; но ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было никак не нарушать спокойствия, не начинать войны и хранить мир постоянно. Бонапарт, не объявляя войны, вторгся в Россию и разорил большую полосу земли в нашем Отечестве; увидим теперь, как он выйдет из Москвы, в которую пожаловал без приглашения. Теперь долг повелевает нам наносить ему вред всевозможнейший. Он объявляет, будто вступлением в Москву поход окончился; а русские говорят, что война еще только начинается. Ежели он этого не ведаёт, то скоро узнает на самом деле.

А когда нет надежды на заключение мира, сказал Лористон, так станем действовать; но чрез то опять начнется пролитие крови храбрых воинов, которые везде сражались геройски и которых целые армии подходят со всех сторон.

Князь. Еще раз повторяю: вы можете брать всевозможные меры к обратному выступлению, а мы постараемся предупредить Вас. Впрочем, уже недалеко то время, в которое мы начнем провожать Вас. — Не имеете ли предложить еще что-нибудь?

Лористон начал жаловаться на ожесточение, произведенное в народе с намерением уничтожить всю надежду на восстановление мира; говорил, что несправедливо обвиняют французов в опустошении и сожжении столицы, тогда как сами же московские жители были виновниками сего бедствия.

Письмо Наполеона к Кутузову
3 октября 1812 г.

Князь сказал в ответ, что он в первый раз в жизни слышит жалобы на горячую любовь целого народа к своему отечеству, народа защищающего свою родину от такого неприятеля, которой нападением своим подал необходимую причину к ужаснейшему ожесточению, и что такой народ по всей справедливости достоин похвал и удивления. А касательно сожжения Москвы Князь прибавил: «Я уже давно живу на свете, приобрел много опытности воинской и пользуюсь доверием русской нации; и так не удивляйтесь, что ежедневно и ежечасно получаю достоверные сведения обо всем, в Москве происходящем. Я сам приказал истребить некоторые магазейны, и русские по вступлении французов истребили только запасы экипажей, приметивши, что французы хотят их разделить между собою для собственной забавы. От жителей было очень мало пожаров: напротив того французы выжгли столицу по обдуманному плану; определяли дни для зажигательства и назначали кварталы по очереди, когда именно какому надлежало истребиться пламенем. Я имею обо всем весьма точные известия. Вот доказательство, что не жители опустошили столицу: точные дома и здания, которых не можно истребить пламенем, разрушаемы были посредством пушечных выстрелов. Будьте уверены, что мы постараемся заплатить вам». И разговор кончился.

Разумеется, что Лористон не был доволен таким успехом в своем посольстве. Уже давно французы привыкли о подобных делах вести переговоры с глазу на глаз, или при весьма немногих надежных людях; а тут надлежало говорить при тридцати особах как находившихся при знаменитом Вожде Российском, так и сопровождавших присланного с хищническим препоручением.

(«Английские листки», 15 ноября 1812, С. 155–159.)

? Вопросы

1. Какие надежды имел Наполеон, вступив в Москву?
2. Почему он, оккупировавший большую часть европейской России, трижды в 1812 г. предлагал мир России? Каковы были его условия?
3. Почему император Александр I ни разу не ответил на предложения Наполеона?
4. Все ли в правительственных кругах одобряли такую линию поведения русского царя?
5. Как русское образованное общество и народ оценивали политику своего царя?
6. На что надеялся Александр I в сентябре – октябре 1812 г.? Как вы оцениваете его позицию и позицию Кутузова (сдача Москвы)? Свой ответ доказывайте анализом фактов.

6. ТАРУТИНО

Знаменитый тарутинский маневр — это скрытый от французов после оставления Москвы поворот с Рязанского направления на Калужское. Отряды казаков из арьергарда Милорадовича несколько дней шли по Рязанской дороге, увлекая за собой передовые разьезды авангарда Мюрата. Порой казаки даже вступали в беседы с французами, причем весьма благожелательно. Но все это было не более, чем уловка.

В один прекрасный момент казаки рассеялись и Мюрат увидел перед собой бескрайние просторы без всякого признака отступления основной русской армии. Между тем Кутузов отводил войска по Калужской дороге по направлению к селу Тарутино, где русская армия могла отдохнуть и прикрыть неприятелю путь к оружейным заводам Тулы и к провиантским магазинам (складам) Калуги. Мюрат нашел русскую армию лишь 10(22) сентября 1812 г., а за свой просчет получил резкий выговор Наполеона.

В Тарутино армия Кутузова прибыла 20 сентября, заняв позицию, из которой могла, помимо защиты Тулы и Калуги, угрожать с тыла движению Великой армии из Москвы на Санкт-Петербург, угрожать коммуникациям неприятеля на направлении Москва — Смоленск, а кроме того, еще и производить собственное переформирование и пополнение.

Русский офицер-современник о Тарутинском маневре

“Во всей Истории я не вижу ничего смелее, искуснее и полезнее марша, совершенного нашею армиею в виду торжествующего неприятеля, какой мы начали 5 сентября с Рязанской дороги на Калужскую».

(П. Чуйкевич. Рассуждения о войне 1812 г. — СПб., 1813. С. 13.)

Англия требует решительных действий

“При русской армии в 1812 г. находился представитель Лондона генерал Р. Вильсон. Действия Кутузова в Тарутино казались ему чрезмерно медленными, о чем он регулярно говорил начальнику штаба русской армии Л.Л. Беннигсену, также стороннику атакующих действий. Однако Кутузов придерживался линии на накапливание сил. И однажды отрезал Беннигсену, а заочно и Р. Вильсону: «Мы никогда, голубчик мой, с тобой не согласимся. Ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну».

(В.Ф. Крайденев. 1812 год на Старой Калужской горе. — М., 2011.)

Дежурный генерал 2-й армии С.Н. Марин — М.С. Воронцову, 20 сентября 1812 г. Тарутинский лагерь

“Хороши ребята — уехали и как в воду упали, ни от кого ни строчки. А мне так скучно, что я на стены лезу. Мне же сказали, что князь наш (П.И. Багратион — прим. сост.) скончался. Я не хочу сему верить, хотя многие меня в этом уверяют. Потеря сия слишком велика. Не нужно, любезный Воронцов, долго обдумывать, чтобы видеть, сколько отечество наше в нем потеряло. Зигрот скажет тебе, что у нас делается, я же ничего не пишу, потому что боюсь попасться, как наш любезный Сен-Приест: письмо, писанное им к брату, французы перехватили и распечатали. Я тебе его посылаю с тем, однако ж, чтоб мне его возвратить.

Пожалуйста, Мишель, пришли мне рубашек и платков — меня обворовали, и я теперь без одежды. Армия наша соединена с первой, и я уже не генерал, а нахожусь при Ермолове. Покуда ничего не делаю — болен, а что буду делать, того по чести не знаю. Мы стоим теперь на Кулужской дороге в 63 верстах от Москвы.

Партии наши в несколько дней взяли около трех тысяч человек в плен, сожгли пропасть их обозу и несколько со снарядами ящиков. Между пленными находятся бригадный генерал Ферьер и Потоцкий, сын Яна Потоцкого, [а] также один из Платеров. С Дону идут 20 полков казачьих и уже начинают соединяться с армиею. Неприятель терпит большой недостаток во всем, наша же армия все имеет. Михайла Богданович (Барклай-де-Толли) нездоров. Приезжайте скорей, Ваше сиятельство, и утешьте Вашим приездом преданного Вам Марина».

С.Н. Марин.
Худ. О.А. Кипренский.
Нач. XIX в.

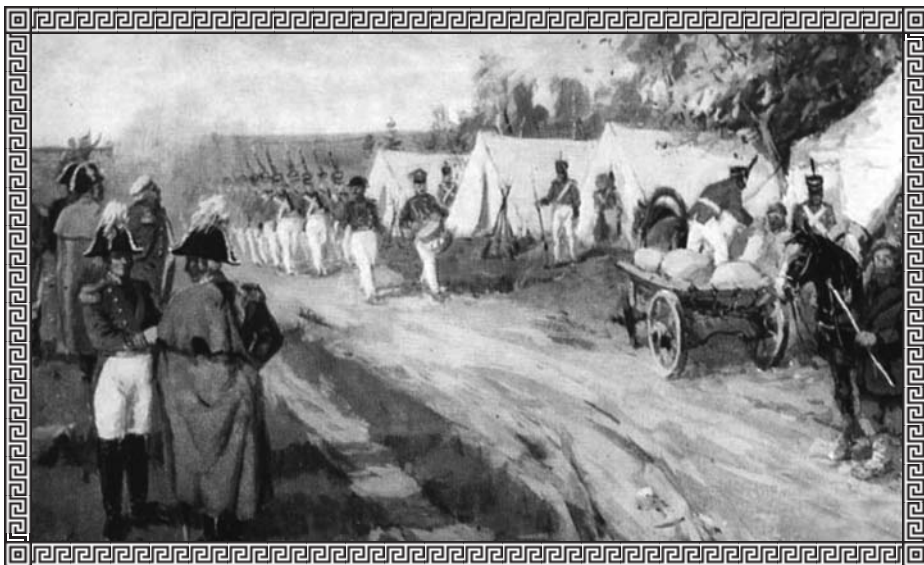
• Оппозиция Кутузову в Тарутино

Мнение историка

С приходом армии в Тарутино взаимоотношения в среде высшего генералитета крайне обострились. Против Кутузова создавалась сильная оппозиция во главе с Барклаем-де-Толли, Беннигсеном, Ростопчиным и английским генералом Вильсоном, прикомандированным своим правительством к русскому штабу.

Все они осуждали Кутузова, особенно в письмах к царю, которому каждый из них имел право писать. Они были недовольны действиями фельдмаршала и стремились любыми средствами добиться смещения его с должности главнокомандующего армиями. Эта цель их объединяла, но причины к тому у каждого были свои. Однако Александр I, нелюбовь которого после 1805 г. к Кутузову все знали, не тронул своего командующего, даже позволил ему удалиться на время из армии М.Б. Барклая-де-Толли.

Это сильно ослабило его недругов. Позиция царя позволила Кутузову создать спокойную, деловую обстановку в главной квартире. Это позволило ему планомерно и целеустремленно осуществить комплекс мероприятий по подготовке армии к решительной борьбе с Наполеоном. В то же время наличие в Тарутино генералов, настроенных дей-

*Тарутинский лагерь.
Худ. А. Соколов, Я. Семенов.
1958 г.*

ствовать быстрее и решительнее, не позволило Кутузову слишком тянуть с пребыванием армии на Тарутинском рубеже.

• Рост численности русской армии в Тарутино

Хроника фактов

В Бородинском сражении около половины всей русской армии выбыло из строя. При вступлении в Тарутинский лагерь русская армия насчитывала 2 379 офицеров и 83 260 солдат, в том числе: пехоты — 63 238 человек, кавалерии — 10 212, артиллерии — 8 680, сапёров — 1 130 человек.

Французская армия понесла также большие потери: из 180 тыс. человек, выступивших из Смоленска, к Москве подошло не более 100 тыс. Но она еще превосходила по численности русскую армию. Задача Кутузова состояла в том, чтобы в кратчайший срок лишить Наполеона этого преимущества.

В Тарутино М.И. Кутузов решил создать резервы по всем родам войск: по пехоте, кавалерии и артиллерии. Соответственно этому были организованы три главных пункта сбора резервистов: для пехоты — Арзамас, для кавалерии — Муром, для артиллерии — Нижний Новгород.

За время пребывания русской армии в Тарутино сюда прибыло около 35 тыс. рекрутов, что позволило довести общую численность пехоты до 80 тыс. человек. Основная сила армии — пехота — была, таким образом, довольно быстро восстановлена. Аналогично обстояло дело и с пополнением армии конницей. Кроме этого, формировалась резервная армия, ставшая основным источником пополнения действующих войск.

М.И. Платов

Платов Матвей Иванович (1751–1818)

Граф, боевой генерал, с 1801 г. атаман войска донского, в Великой Отечественной войне командовал казачьими полками на границе, прикрывал отступление русской армии, при отступлении французов нанес им поражение у Городни, Гжатска, Царева-Займища, под Духовщиной и др., за что возведен в графы, занял Смоленск. В 1813 г. обложил Данциг, участвовал в битве под Лейпцигом, 1814 г. взял Намюр. Платову поставлен памятник в Новочеркасске.

(По материалам «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».)

Атаман Платов М.И. обратился к донским казакам с призывом вступить в действующую армию. «Весь Тихий Дон взволновался, — свидетельствует один из современников, — все от старого до малого летят на ратное поле защищать Россию». И действительно, донские полки, делая стремительные переходы до 60 верст в сутки быстро преодолели расстояние от берегов Дона до Нары и прибыли в Тарутино.

Наряду с пехотой и кавалерией создавались также сильные артиллерийские резервы. Общее руководство этим делом было возложено на генерал-майора артиллерии Ильина В.Ф. Артиллерийские резервы формировались помимо Нижнего Новгорода в Петербурге, Костроме и Тамбове. Артиллерийский парк действующей армии достиг 620 орудий, превзойдя почти вдвое артиллерию противника.

Создание пехотных, кавалерийских и артиллерийских резервов дало возможность Кутузову М.И. успешно решить одну из центральных стратегических проблем — достичь численного превосходства сил над противником.

• Тарутинское сражение

Хроника фактов

В русском штабе был утвержден план нападения на авангард Мюрата, разработанный полковником К.Ф. Толем. По принятой диспозиции главная роль отводилась трем колоннам правого фланга во главе с генералом Л.Л. Беннигсеном.

Ночью 6 октября русские войска совершили трудный переход по лесистой местности. Но только кавалерийская колонна генерал-адъютанта В.В. Орлова-Денисова прибыла заблаговременно на предполагаемое место согласно плану, остальные колонны задержались и не вышли вовремя к назначенным пунктам. Опасаясь быть обнаруженным,

Л.Л. Беннигсен.
Худ. Дж. Доу. 1819–1821 гг.

БЕННИГСЕН Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) (1745–1826)

Граф (1813), генерал от кавалерии (1802). Родился в Ганновере. С 1773 г. на российской службе. Участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В 1778 г. произведен в подполковники, участвовал в походе по завоеванию Крыма в 1783 г. В 1787 г. получил чин полковника и был назначен командиром Изюмского легкоконного полка, во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. отличился при штурме Очакова, взятии Бендер и в других сражениях. За польскую кампанию 1794 г. награжден золотой с бриллиантами шпагой с надписью «За храбрость». В 1796 г. участвовал в персидском походе. В 1798 г. произведен в генерал-лейтенанты, но вскоре попал в опалу, жил в имении в Минской губернии, затем вновь принят на службу и послан на Кавказ.

Один из главных участников дворцового переворота 11 марта 1801 г. и убийства Павла I. В начале царствования Александра I назначен виленским военным губернатором...

В кампанию 1806–1807 гг. командовал корпусом, одержал победу при Пултуске, назначен главнокомандующим русской армией. Положение Беннигсена резко ухудшилось после поражения под Фридландом в 1807 г.

Во время Отечественной войны 1812 г. Беннигсен, метивший в главнокомандующие, назначен начальником главного штаба русской армии. Отличился в Бородинской битве, за что награжден орд. Св. Андрея Первозванного. Интриговал против М.И. Кутузова, по требованию последнего отстранен от должности и удален из армии. (После удачного боя при Тарутине 6 октября 1812 г., которым Беннигсен руководил и в котором был ранен, отношения Беннигсена с Кутузовым окончательно испортились. Кутузов писал к жене 30 октября 1812: «Беннигсена почти к себе не пускаю и скоро отправлю». Александр I наградил Беннигсена за Тарутино алмазными знаками к ордену св. Андрея Первозванного и 100 тыс. рублей, но, учитывая позицию Кутузова, отправил на время в его поместья с официальной формулировкой: для поправки здоровья. — прим. сост.)

В кампанию 1813–1814 гг. участвовал в Заграничном походе русской армии. В 1818 г. по своей просьбе Беннигсен был уволен в отставку и вернулся на родину, в Ганновер.

Беннигсен отличался личной храбростью и хладнокровием... Обладал большими знаниями в области военного дела, но не всегда мог применить их на практике. Оставил «Записки гр. Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 г.» (СПб., 1900).

(По материалам: Гуманитарный словарь, 2002)

*Памятник в Тарутино в честь событий 1812 г.
Автор Д.И. Антонелли. 1834.*

*На памятнике высечены слова:
«На сем месте российское воинство под
предводительством фельдмаршала Кутузова,
укрепясь, спасло Россию и Европу».*

Орлов-Денисов приказал своим казачьим полкам атаковать левый фланг французов и вызвал среди них панику. Чуть позже, не дожидаясь подхода основных сил, атаковать противника попытались егерские полки 2-го пехотного корпуса во главе с генерал-лейтенантом К.Ф. Багговутом. Но в самом начале Багговут был убит, и атака захлебнулась.

Пока Беннигсен собирал для решительного удара заблудившиеся в лесу части, противник пришел в себя, и последующие русские атаки желаемого успеха не имели. Боясь полного окружения, французы начали медленно и в полном порядке отступать. Несмотря на просьбы многих генералов, русские войска левого фланга по приказу Кутузова в дело не вступали, и к концу дня основные силы возвратились в Тарутинский лагерь.

Французские потери составили 2,5 тыс. человек, в том числе — 1,5 тыс. пленными. Русские не досчитались в своих рядах 1,2 тыс. человек. Итогом внезапного нападения казаков Орлова-Денисова стали многочисленные трофеи: 38 орудий, 50 зарядных ящиков, обозы и один штандарт. Для Наполеона Тарутинское сражение стало удобным поводом для уже принятого решения об оставлении Москвы.

(По материалам электронного ресурса «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия»)

? Вопросы

1. Что имеют в виду, когда говорят «Тарутинский маневр русской армии»?
2. Каково было положение Кутузова во время этого маневра?
3. Какие задачи ставил перед русской армией ее главнокомандующий в Тарутино?
4. Какие мнения относительно дальнейших действий русской армии имелись в руководстве армией в Тарутино?
5. Каковы были итоги пребывания русской армии в Тарутино? Какие задачи стояли перед русской армией в начале октября 1812 г.?

7. БЕРЕЗИНА. ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ АРМИИ...

• Разгром Наполеона в России

Из книги британского историка

19 октября 1812 г. Великая армия покинула Москву. Наполеон надеялся возвращаться через плодородные провинции к югу от пути его вторжения, но потери в битве под Малоярославцем 24 – 25 октября вынудили его идти по своим же следам через места, уже опустошенные проходом русских и французских войск. Наступление очень жестокой русской зимы и нападения партизанских групп и крестьянских банд усиливало деморализацию армии. Один мемуарист подробно рассказывает, что крестьяне вели «безжалостную войну против перевозок, нападали на курьеров, вырезали больных и раненых, возвращавшихся в Смоленск, и постоянно разъединяли французскую армию».

9 ноября передовые французские отряды снова вошли в Смоленск. Войска надеялись найти здесь необходимые припасы, но горько разочаровались. Смоленск был опустошен:

Французы покидают Москву.

Худ. А.В. Николаев

только 350 из 2 250 зданий уцелели. Остатки армии пересекли реку Березину 26 ноября; только успешный обманный маневр и мастерство французских саперов предотвратили окончательное уничтожение Великой армии (Александр никогда не простил Кутузову просчет, в силу которого это случилось), 13 – 14 декабря перешли Неман и достигли прусской территории.

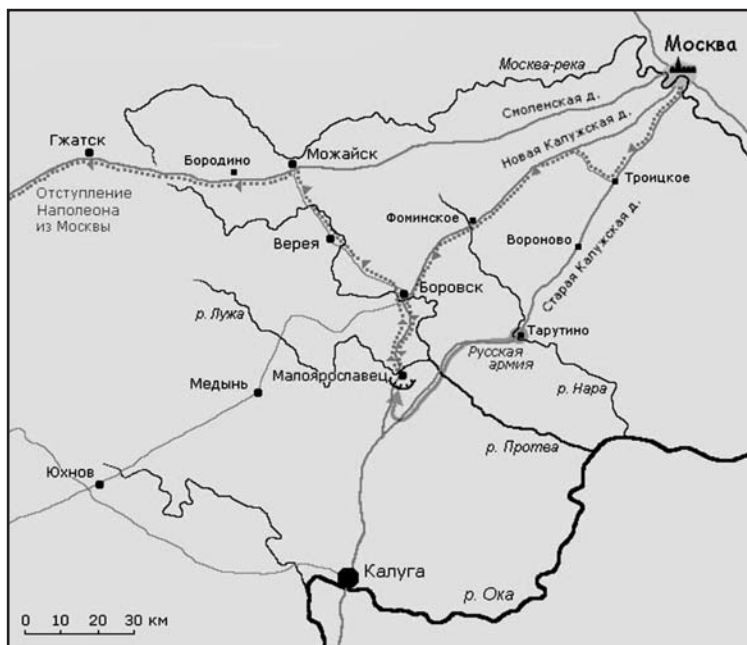
Из 400-тысячной армии Наполеона вернулось менее 40 тыс. Это было сокрушительное военное поражение, от которого Наполеон уже не оправился. 24 декабря Александр объявил своим генералам: «Вы спасли не только Россию, вы спасли Европу».

(Д.М. Хартли. Александр I. С. 168.)

Хроника событий

- **5–6(17–18) октября** — столкновение войск из авангарда Мюрата с русскими частями на р. Чернышне недалеко от Тарутинского лагеря. Русские одержали победу.
- **7(19) октября** — армия Наполеона покидает Москву. По приказу императора были заминированы отдельные башни Кремля, Колокольня Ивана Великого, собор Василия Блаженного, Новодевичий монастырь. Однако действия патриотов да и способствующий этому дождь помешали осуществиться «мести» Наполеона в полном объеме. Колокольня Ивана Великого лишь частично пострадала от взрыва, дождь залил фитили у собора Василия Блаженного. В Новодевичьем монастыре сами французские офицеры не стали приводить в действия адские машины, к тому же еще «забыли» на столе план минирования обители. Однако Никольская башня и ряд других объектов в центре Москвы были взорваны.
- **12(24) октября** произошло сражение за Малоярославец, крупнейшее после Бородинской битвы сражение кампании 1812 г. Город 8 раз переходил из рук в руки. Кутузов отдал приказ отходить, но начальник штаба русской армии Беннигсен не передал приказ войскам. Город остался за неприятелем, но тот, оценив потери, был вынужден на следующий день начать отступление в направлении разоренного Смоленска.
В момент сражения под Малоярославцем армия Кутузова насчитывала 97 тысяч регулярных войск, 20 тысяч казаков, 622 орудия и более 10 тысяч ратников ополчения¹. Наполеон имел под рукой до 70 тысяч боеспособных солдат, кавалерия практически исчезла, артиллерия была значительно слабее русской. Объективных шансов для победы у Великой армии уже не было. Выжидательная стратегия Кутузова, как бы ее не критиковал прикомандированный из Лондона английский генерал Р. Вильсон и собственный начальник штаба Беннигсен, давала положительные плоды.
- **12 (24) ноября 1812 г.** Наполеон подошел к р.Березина в Белоруссии. На следующий день императору удалось перехитрить Чичагова, посеять у него иллюзию, что армия будет пе-

¹ Шведов С.В. О численности и потерях русской армии в сражении при Малоярославце. — М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М. И. Кутузова. — Малоярославец, 1995.

*Сражение за Малоярославец
24 октября 1812 г.*

реправляться под Борисовом. М.И. Кутузов в тот момент вынашивал план окружения всей французской армии у Березины силами Чичагова, наступавшего с юга, Витгенштейна, идущего с севера, и основной армией, преследующей противника буквально по пятам. Чичагов сосредоточился у Борисова, чтобы не дать Наполеону перейти реку и коротким путем выйти к Минску. Между тем настоящая переправа строилась севернее Борисова. Здесь навели два моста, по которым 14–15 (26–27) ноября войска под руководством Наполеона стали переходить через Березину.

Поняв свою ошибку, Чичагов бросился атаковать Наполеона на правом берегу 16 (28) ноября, но действовал не очень успешно. Тем временем французский арьергард, охранявший переправу, был атакован казаками, отличавшимися особой жестокостью по отношению к отступающим, а потом корпусом Витгенштейна. Армия Кутузова не успела подойти и появилась позже. Боясь, что все эти русские силы перейдут Березину на плечах отступающих, Наполеон приказал уничтожить мосты. В результате огромная масса солдат и офицеров, потерявших свои воинские части, отставших от них, в том числе раненых, больных и обмороженных, осталась на милость победителям.

В итоге у Наполеона оказалось 9 тыс. боеспособных солдат, а 21 тыс. осталась на занятой русской стороне. Сильные морозы и голод окончательно истребили это воинство.

«Березина» во французской речи стала словом нарицательным, обозначающим полную катастрофу.

После отбытия Наполеона в Париж, Мюрат и Ней сдали Вильно, потеряв там еще 20 тыс. человек. Остатки Великой армии спешно перешли Неман и оказались на территории Пруссии.

- **30 ноября (12 декабря) 1812 г. Кутузов вступает в Вильно.** 11(23) декабря туда прибывает и русский император.

Бегство Великой армии в зеркале русской прессы 1812 г.

Свершилось! Наконец давножеланная развязка настала. Беспokoйный смельчак, которой собравши в руке своей всю лихорадочную силу Французской революции, употребил ее на опустошение нашей части света, упоенный властолюбием, хватился за предприятия, даже и его исполинскую мощь превышающие, — пал под их бременем. В то время как благородные испанцы, подкупленные благоразумными и великодушными усилиями Англии, по ущельям гор гнали разбитые войска его до пределов французских, — бежали остатки ужасной армии, с которою Наполеон вторгся в Россию; раздробленные, расстроенные, оставляя артиллерию, обозы, магазейны, — бежали через места, ими самими

Переправа Великой армии через Березину. Худ. Я. Шадема

опустошенные... Ежедневно настигаемая праведным отмщением народа храброго, оскорбленного поруганием священнейших прав его, на каждом переходе она теряла тысячи, поражаемая мечем победителей, голодом, стужей, болезнями, и целые корпуса вдруг бросали оружие...

(«Вестник Европы», декабрь 1812 г.)

Хроника потерь

Наполеон потерял в России около 580 тыс. солдат. Эти потери, согласно подсчетам Т. Ленца, включают в себя 200 тыс. убитых, от 150 до 190 тыс. пленных, около 130 тыс. дезертиров, бежавших на родину (в основном, из числа прусских, австрийских, саксонских и вестфальских войск, но были и примеры среди французских солдат), еще около 60 тыс. беглецов были укрыты русскими крестьянами, горожанами и дворянами. Из 47 тыс. гвардии, вошедшей в Россию с императором, через полгода осталось несколько сотен солдат. В России было потеряно свыше 1, 2 тыс. орудий.

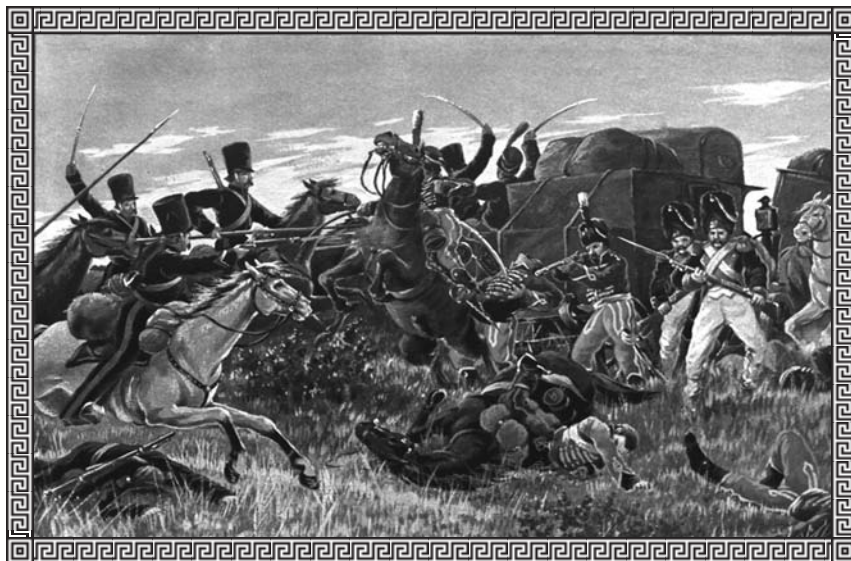
Историк середины XIX века Богданович подсчитал пополнения русских армий за время войны по ведомостям Военно-учетного архива Главного штаба. Общая убыль к декабрю 1812 г. составляла 210 тыс. солдат. Из них, по предположению Богдановича, в строй вернулось до 40 тысяч. Потери корпусов, действовавших на второстепенных направлениях, и ополчений могут составлять примерно те же 40 тыс. человек. В целом Богданович оценил потери русской армии в 210 тыс. солдат и ополченцев.

Отступление Великой армии в воспоминаниях Меневала

Решение об эвакуации из Москвы

6 октября император распорядился начать подготовку к эвакуации тех раненых, которые могли перенести транспортировку. В то же самое время из Москвы были вывезены трофеи, состоявшие из ценных исторических реликвий, изъятых из Кремля.

Тем временем Кутузов готовился атаковать передовые части под командованием Мюрата, короля Неаполитанского, воспользовавшись устным обещанием ему, что обе армии будут занимать соответствующие позиции до возвращения князя Волконского, который отправился в Санкт-Петербург, чтобы вручить Александру письмо Наполеона. Внезапная атака почти всей русской армии на наши аванпосты вынудила Наполеона принять решение о начале эвакуации. План Наполеона состоял в том, чтобы отступить к Смоленску, а затем в Литве обосноваться на зимних квартирах, чтобы подготовиться к возобновлению военных действий весной. Необычная суровость преждевременно наступившей зимы помешала реализовать эти планы.

*Казаки отбивают обоз Наполеона.
Погтовая открытка. Нач. XX в.
Худ. Б.В. Зворыкин*

Отступление

Наполеон покинул русскую столицу 19 октября 1812 г., в день, когда стояла прекрасная погода. Он оставил позади себя семь или восемь тысяч человек во главе с маршалом Мортье, которые должны были последовать за ним после того, как взорвут фортификационные сооружения Кремля. В тылу армии нескончаемой колонной тянулось множество повозок, переполненных больными и ранеными.

Армия двинулась по дороге на Можайск, по которой она шла к Москве, но для того чтобы скрыть движение своих войск от маршала Кутузова, император принял решение двинуться на Калугу. Наполеон находился в двух лье за пределами Боровска и в двадцати лье от Москвы, когда узнал, что под Малоярославцем корпус вице-короля Евгения атакован превосходящими силами противника. Он немедленно отправился туда и подоспел вовремя, чтобы взять на себя командование военной операцией. В этой кровопролитной схватке шестнадцать тысяч французских и итальянских солдат победоносно отразили натиск более шестидесяти тысяч русских.

Позднее император чудом уцелел во время внезапной схватки с отрядом казаков. Тогда Наполеона сопровождали только три взвода стрелков, польские уланы, принадлежавшие к его охране, а также адъютант и ординарцы.

Армия с волнением вновь увидела Бородинское поле, место московской битвы. Большой монастырь в Колочи, приспособленный под госпиталь, был по-прежнему занят ранеными русскими и французскими солдатами. Наполеон приказал, чтобы все больные и раненые французские солдаты, которые могли передвигаться, были помещены в повозки, следовавшие за армией.

До этого времени погода была сравнительно мягкой, с ярко сиявшим солнцем, но 6 ноября, когда армия находилась в двух днях марша от Смоленска, выпал первый снег. С этого времени холод становился все сильнее и сильнее. Мы надеялись найти в Смоленске провизию, одежду и фураж, поскольку Наполеон часто повторял свои приказы о том, чтобы в этом городе на складах было собрано в достатке все необходимое. Но наши надежды обернулись полнейшим разочарованием из-за небрежного исполнения приказов императора и вероломства различных чиновников в департаменте снабжения. В связи с этим армия была вынуждена продолжать свой путь в том же состоянии крайней нужды.

Остановка Наполеона в Смоленске

Наполеон оставался в Смоленске несколько дней, чтобы собрать в единое целое всех отставших и бродивших по разным дорогам солдат и дать возможность немного отдохнуть остаткам армии, которая таяла буквально на глазах из-за холода и лишений. Однако при-

Маршальский жезл времен Наполеона

Маршальский жезл Нея дважды становился трофеем русской армии. Первый раз его захватили казаки при местечке Бергфриде на реке Алле в Восточной Пруссии в январе 1807 г. Ныне этот трофей находится в собрании Исторического музея в Москве. Во второй раз Даву лишился своей маршальской регалии под селом Красным 5 ноября 1812 г. В его обозе, захваченном лейб-гвардии Финляндским полком, среди прочих трофеев оказался и жезл, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже.

шлось покинуть и этот город. Начиная с этого времени, на французскую армию не переставали обрушиваться самые ужасные бедствия и неприятности.

Покидая Смоленск, император приказал маршалу Нею прикрывать тыл отступавшей армии и не уходить из города, не уничтожив его фортификационные сооружения. Ней, которого должен был поддержать маршал Даву, выступил из Смоленска 17 ноября. Но в ночь того же числа противнику удалось сманеврировать таким образом, что корпус маршала Нея оказался отрезанным от корпуса Даву. Корпус последнего опередил корпус Нея на целый маршевый день. Император, узнав в Красном о маневре, осуществленном русскими войсками, и думая только о том, как лучше помочь корпусам двух маршалов, которые, как он считал, попали в одинаково опасное положение, решил принять удар русской армии на себя. Встав перед выбором, продолжать ли без остановки отступление или вступить в бой с неприятелем, чтобы не бросить два корпуса на произвол судьбы, Наполеон принял решение, которое в подобных обстоятельствах не вызывало сомнений. Соответственно, на следующий день он вернулся назад, чтобы атаковать противника.

(Наполеон. Годы величия.)

Падение дисциплины в остатках Великой армии

Из воспоминаний телохранителя Наполеона

“На следующий день после переправы через Березину в Плезеньки, 30-го ноября, Бонапарту захотелось пообедать, но оказалось, что солдаты разграбили весь императорский запас провианта, который везли следовавшие за нами три мула. На двух мулах, в привязанных к седлам корзинах, был хлеб, вино, сухари и прочая еда, а на третьем была завернутая в матрац узкая складная кровать, которую мы раскрывали там, где император решал переночевать.

Голодные и измученные от непрерывного отступления солдаты заметили небольшой караван мулов, который всегда сопровождали три жандарма и двое ответственных за питание. Вначале солдаты только бросали жадные взгляды на мулов, но потом, не выдержав голода, побежали за ними и спросили у сопровождающих, откуда эта еда и для кого. Безусловно, они прекрасно были осведомлены обо всем, тем более что могли прочесть имя владельца на ящиках, но голод...

— Это принадлежит императору, не смейте приближаться...

Но никто уже не слушал, множество хищных рук потянулось к ящикам, корзинам...

*Мамлюк Рустам Паша.
Худ. Ж. Н. Р. де Монтабер. 1806 г.*

— Его величество не позволит, чтобы мы умерли с голоду, к тому же мы хотим выпить за его здоровье...

В одно мгновение корзины были опустошены, хотя обессиленных отступлением и бедами воинов это отнюдь не могло насытить и лишь только раздражило аппетит...

Бонапарт простил солдат, но непременно захотел узнать, из какого они полка.

— Настанет день, кругом будет изобилие, я выстрою шеренги и поговорю с ними строго, очень строго... Я скажу — помните ли вы тот день, когда украли у своего императора хлеб его насущный?».

(«Рустам. Моя жизнь рядом с Наполеоном. Воспоминания мамелюка Рустама Раза, армянина». — Ереван, 1997.)

М.И. Кутузов — жене, 28 октября 1812 г. Город Ельня

“По сию пору французы еще все бегут неслыханным образом, уже более трехсот верст, и какие ужасы с ими происходят. ... Вчерась нашли в лесу двух, которые жарят и едят третьего своего товарища. А что с ими делают мужики! Кланяйся всем. Об Беннигсене говорить не хочется, он глухой и злой человек. ...

Он, я думаю, скоро поедет [из армии]. Детям благословение.

Верный друг М.Г[оленищев] — Кутузов».

(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

• **Наполеон — крепостное право — Александр I**

Мнение британского ученого

Наполеон... также обдумывал возможность полной дестабилизации общественного порядка в России провозглашением свободы крепостных. Находясь в Москве, Наполеон приказал доставить ему из архивов и частных библиотек материалы, относящиеся к пугачевскому восстанию (последнее великое восстание казаков 1773 — 1774 гг., в котором и крепостные поднялись против своих господ). Он ожидал крестьянских делегаций с петициями, но этого не произошло. Тем не менее российское правительство приняло меры предосторожности, расположив в губерниях дополнительные войска, чтобы остановить любые крестьянские волнения.

После возвращения во Францию Наполеон произнес речь в Сенате, в которой утверждал, что только перспектива кровавой бойни между крепостными и их господами удержала его от принятия этой меры.

В ссылке на острове Святой Елены он выражал сожаление, что этого не сделал.

Но освобождение крестьян никогда не входило в его реальную политику. Наполеон не хотел опрокидывать общественный порядок в России, он только хотел принудить Александра заключить с ним мир. Разрастание гражданской войны сделало бы любые соглашения с Александром невозможными, а хаос в стране не принес бы Наполеону никаких военных преимуществ.

(Д.М. Хартли. Александр I. С. 168.)

Комментарий составителей этой книги

Наполеон еще в 1805 — 1807 гг., надеясь найти компромисс с Россией, прочитал о ней столько книг, сколько, наверное, не прочитал ни один западноевропейский государственный деятель. Император всех французов неплохо разбирался в России и неплохо понял характер и взгляды русского императора Александра I и в ходе их личных встреч в 1807 — 1810 гг. и анализируя его действия.

Русский царь не лицемерил, когда осуждал крепостное состояние большинства своих подданных, пытался через указ о «Вольных хлебопашцах» 1803 г. указать дворянам компромиссный и выгодный для них путь освобождения крестьян. В Российской империи, там, где дворяне не прочь были освободить свою «крещеную собственность» (Лифляндия, Курляндия, Эстляндия) с 1804 г. шла подготовка отмены крепостного права, которое и пало в 1816 — 1819 гг.

Лишь русское дворянство, проигнорировавшее указ 1803 г. и готовое идти вплоть до дворцового переворота, лишь бы сохранить свою главную привилегию — владеть кре-

*Разгром помещицкой усадьбы.
Отечественная война 1812 г.*

постными душами, сдерживало царя, который не имел иной социальной опоры для управления страной и ведения внешних дел, кроме дворянского общества.

Если бы Наполеон провозгласил отмену крепостного права, — он бы развязал руки «своему брату» Александру. Тот повторил бы указ о падении крепостничества на второй день. Стоит ли спрашивать, за кем пошел бы русский народ, наградивший в ходе войн 1812 — 1815 гг. своего «царя-батюшку» прозванием «Благословенный» даже без отмены крепостного права?

Наполеон понимал, что принесет ему подобный поворот дел, и это сдерживало его. Было ясно, что так ему бы пришлось еще труднее в России.

«Дубина народной войны»

Рабство вовсе не исключает любви к Отечеству.

Жозеф де Местр

(Цитируется по книге: А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

С.Н. Марин — неизвестному, 2 октября. Тарутинский лагерь¹

“... Не могу умолчать о поступке жителей Каменки. 500 человек французов, привлеченных богатством сего селения, вступили в Каменку. Жители встретили их хлебом и солью и спрашивали, что им надобно? Поляки, служивши переводчиками, требовали вина. Начальник селения отворил им погреба и предложил приготовленный обед французам.

Оголодавшие галлы остановились пить и кушать. Проведя день в удовольствии, расположились ночевать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали от них ружья, увели лошадей и, закричав «ура!», напали на сонных и полутрезвых неприятелей. Дрались целые сутки, и, потеряв сами 30 человек, побили их сто, и остальных 400 отвели в Калугу.

В Боровске две девушки убили четырех французов, и несколько дней тому назад крестьянки привели в Калугу взятых ими в плен французов. У нас жил один пленный полковник, который во все отступление нашей армии был в неприятельском авангарде и уверил нас честью, что все сие время не взяли они ни ста человек наших в плен, а что дезертиров наших он не видывал».

А.Я. Булгаков, личный секретарь Ростопчина, — И.П. Оденталю, чиновнику Санкт-Петербургского почтамта, 20 октября 1812 г. Москва

“Покорность, храбрость, любовь к отечеству, к государю московских крестьян спасли Россию... Французов мрет по 1 тыс. и 1500 в день. У всех мертвых лошадей вырезаны языки и пахи — этим только питаются. <...>»

Офицеры-партизаны

Генерал Ф.Ф. Винцингероде.
Неиз. худ. XIX в.

И.С. Доктуров.
Худ. Дж. Доу

И. Е. Ефремов.
Неиз. худ. XIX в.

Генерал Н.Н. Раевский – А.Н. Самойлову, 23 октября 1812 г. Вязьма

“Наполеон рассчитывал на мир с взятием Москвы и на возмущение, но в расчетах своих ошибся. Австрия за нас, и она нам поможет, то и вся немецкая земля подыметься. Можно считать, что настал перелом счастья Бонапарте. Русский Бог велик!»

- **«Нецивилизованные методы ведения войны» (фраза Наполеона)**

Действия армейских партизан в 1812 г.

Большинство «партизанских» отрядов 1812 г. составляли армейские летучие отряды, посланные из регулярной армии в тыл противника. Прославленными командирами армейских партизан были полковники князь Кудашев и Ефремов, полковник князь Вадбольский, капитан Сеславин, поручик фон Визин и, конечно, знаменитый Денис Давыдов, руководитель, как принято считать, первого армейского партизанского отряда. Капитан Фигнер действовал в ближайших окрестностях Москвы и часто, переодевшись во французский мундир, бывал на неприятельских биваках и даже проникал в сам город для получения сведений о противнике.

Силы армейских партизан были так велики, что порой они могли разгромить большие соединения противника. Так, в ходе боя под Ляхово соединенные силы четырех партизанских отрядов под командованием Д. Давыдова, А. Сеславина, А. Фигнера и В. Орлова-Денисова разгромили бригаду генерала Ж.-П. Ожеро численностью более 1 500 человек.

(По материалам электронного ресурса «Википедия». Статья «Партизанская война 1812 г. в России».)

Народные партизаны 1812 г.

Армия Наполеона встретила противодействия партизан не только в России. Куда более обширная народная борьба велась в эпоху Наполеоновских войн в Испании, регулярная армия которой была разгромлена Наполеоном в 1807 – 1810 гг.

Говоря о народном, преимущественно крестьянском, протесте против захватчиков в России стоит помнить, что в советской историографии был создан миф, сильно преувеличивший масштабы и характер действий стихийных народных партизан. Это убедительно показано в статье А. И. Попова¹.

¹ Попов А. И. Партизаны и народная война в 1812 году. Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Vorodino.ru.

*Партизаны 1812 г.
Худ. И.М. Прянишников. 1874 г.*

Однако сам факт нападения на французов народных отрядов в 1812 г. никто не отрицает. Наиболее широкий размах партизанская борьба крестьян приобрела в августе в Смоленской губернии. Она началась в Красненском, Поречском уездах, а затем в Бельском, Сычевском, Рославльском, Гжатском и Вяземском уездах. В г. Белом и Бельском уезде крестьянские отряды нападали на пробиравшиеся к ним партии французских фуражиров и маркитантов, уничтожали их или забирали в плен. Руководителями сычевских народных партизан выступили исправник Богуславской и майор в отставке Емельянов. Они вооружали своих бойцов отобранными у французов ружьями, установили должный порядок и дисциплину. Сычевские партизаны за две недели (с 18 августа по 1 сентября) 15 раз нападали на неприятеля. За это время они уничтожили 572 солдата и взяли в плен 325 человек.

Жители Рославльского уезда создали несколько конных и пеших партизанских отрядов, вооружив их пиками, саблями и ружьями. Они не только защищали свой уезд от противника, но и нападали на мародеров, пробиравшихся в соседний Ельнинский уезд. Много партизанских отрядов действовало в Юхновском уезде. Организовав оборону по реке Угре, они преграждали путь противнику в Калуге, оказывали существенную помощь армейскому партизанскому отряду Дениса Давыдова.

Успешно действовал наиболее крупный гжатский партизанский отряд. Его организатором был солдат Елизаветградского полка Федор Потопов (Самусь). Раненный в одном из арьергардных боев после Смоленска, Самусь оказался в тылу противника и после выздоровления возглавил 2 тыс. крестьян. Ударную силу его отряда составляла конная группа в 200 человек, вооруженных и одетых в латы французских кирасир. Отряд Самуся имел свою организацию, в нем была установлена строгая дисциплина. Самусь ввел систему оповещения населения о приближении неприятеля посредством колокольного звона и других условных знаков. Часто в таких случаях деревни пустели, по другому условному знаку крестьяне возвращались из лесов. В Смоленской губернии отрядом Самуся было уничтожено около 3 тыс. вражеских солдат.

В Гжатском уезде активно действовал и другой партизанский отряд, созданный из крестьян, во главе которого стоял Ермолай Четвертак (Четвертаков), рядовой Киевского драгунского полка. Он был ранен в бою под Царево-Займищем, и взят в плен, но ему удалось бежать. Из крестьян деревень Басманы и Задново он организовал партизанский отряд, который вначале насчитывал 40 человек, но вскоре возрос до 300 человек. Отряд Четвертакова стал не только защищать деревни от мародеров, но и нападать на противника, нанося ему большие потери.

В Сычевском уезде прославилась своими отважными действиями «старостиха» (вдова деревенского старосты) Василиса Кожина.

«Французы голодные крысы в команде у старостихи Василисы». Травюра на дереве Я. Венецианова. 1812 г.

Особенно активизировались действия партизанских отрядов в период пребывания русской армии в Тарутине.

В Звенигородском уезде крестьянские партизанские отряды уничтожили и взяли в плен более 2 тыс. французских солдат. Здесь прославились отряды, руководителями которых были волостной голова Иван Андреев и сотенный Павел Иванов. В Волоколамском уезде партизанскими отрядами руководили отставной унтер-офицер Новиков и рядовой Немчинов, волостной голова Михаил Федоров, крестьяне Аким Федоров, Филипп Михайлов, Кузьма Кузьмин и Герасим Семенов. В Бронницком уезде Московской губернии крестьянские партизанские отряды объединяли до 2 тыс. человек. История сохранила нам имена наиболее отличившихся крестьян — партизан из

Бронницкой округи: Михаила Андреева, Василия Кириллова, Сидора Тимофеева, Якова Кондратьева, Владимира Афанасьева.

Наиболее крупным крестьянским партизанским отрядом в Подмосковье был отряд богородских партизан. Он насчитывал в своих рядах около 6 тыс. человек. Талантливым руководителем этого отряда был крепостной крестьянин Герасим Курин. 1 октября партизаны под руководством Герасима Курина и Егора Стулова вступили в бой с двумя эскадронами противника и, искусно действуя, разгромили их.

Крестьянские партизанские отряды получали помощь со стороны главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова. С удовлетворением и гордостью Кутузов писал в Петербург: «Крестьяне, горя любовью к Родине, устраивают между собой ополчения... Ежедневно приходят они в Главную квартиру, прося убедительно огнестрельного оружия и патронов для защиты от врагов. Просьбы сих почтенных крестьян, истинных сынов отечества, удовлетворяются по мере возможности и их снабжают ружьями, пистолетами и патронами».

(По материалам электронного ресурса «Образовательный портал. Сlau.ru».)

Лето — зима... Смена настроений

Русский полковник о неприятеле летом 1812 г.

«Мы ночевали от французской цепи не далее 200 сажень, во французском лагере мы слышали, что всю ночь пели песни и по временам играла музыка. Часа за 2 до восхождения солнца у них все утихло.»

(А.К. Карпов. «Записки полковника Карпова».)

Русский полковник о неприятеле зимой 1812 г.

«Русские в плен не хотели брать; усталые, больные и изнуренные холодом и голодом войска Наполеона бросали сами ружья и пушки и скитались по лесам и по пустым селениям и корчмам, ища себе теплого уголка, часто разводили огонь на полу в корчмах, когда корчма загоралась, они тут же в ней сгорали, оставшиеся в живых их товарищи ели обгорелых людей и сгоревший скот. Я был очевидец двух таких случаев.

Под Красным я сам взял одного польского солдата в плен, я никакого оружия кроме тесака не имел, но поляк был с ружьем, по первому слову «пардон» он бросил ружье и охотно пошел за мной. Это доказывает, что враги наши, видя свою погибель, искали у нас покровительства. Нечаянное взятие поляка случилось так: под вечер прекратилась пальба с нашей батареи, я пошел вперед один к одному ручью за водой, тогда за ручьем увидел поляка, и он по моему приказанию сдался пленным, ввечеру накормил его чем мог и дал

рюмку водки, поутру надо было его отправить к пленным, что я и сделал дал ему на дорогу несколько сухарей, он просил, чтобы его оставить при роте, однако того сделать было не можно, он отправлен».

(А.К. Карпов. «Записки полковника Карпова».)

Н.И. Лавров – А.А. Аракчееву. 30 августа 1812 г. Вязьма

“По приезде князя Кутузова армия оживотворилась, ибо прежний (имеется ввиду Барклай-де-Толли — прим. сост.) с замерзлой душой своей ей замораживал и чувства всех подчиненных. Однако же обстоятельства дел, завлекшие так далеко нас внутрь России, принудили и Кутузова сделать несколько отступных маршей, дабы соединиться с резервными силами».

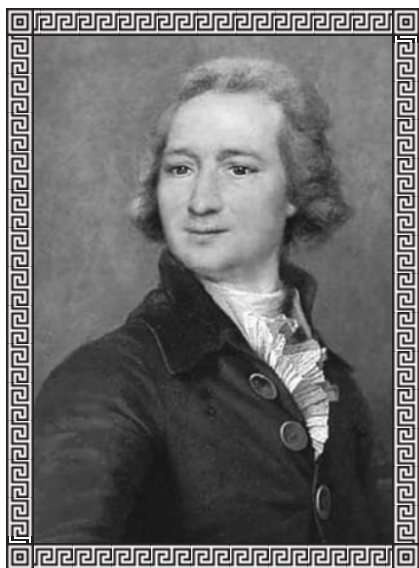
(А.Н. Слезин. Отечественная война 1812 г.)

Д.Л. Троицкий – М.И. Кутузову, 26 сентября 1812 г. Полтава

“Боже мой! До какого по несчастью дожили мы времени! Кровь на сердце запекается, когда помыслию, что ни мужественное многочисленное воинство, ни вождь, состарившийся на бранях и многократно победою увенчанный, не могли заградить ворот Москвы кровожадному врагу, неслыханно счастливыми случайностями водимому и убеждающему даже и самых недоверчивых людей в том, что несбыточному верить должно... Но зачем предаваться унынию?.. Вы еще живы, дух российский еще жив и в сердцах соотечественников наших воспламенится несчастьем, как бурею искра в погасающем пожаре. Сия надежда утешает меня и ободряет совещаться с вами о спасении престола и Отечества. С доверенностью предложу Вам мои мысли: главнейшая есть та, что сила народа нашего велика, что враг в середине нашего царства, зачем же медлить ополчить весь народ? Государь 18 июля думал, что довольно части оного для отражения врага. Он пощадил общее рвение и подовольствовался частию жертвы, оным предложенной. Событие доказало истину, что не всегда милосердие венчается достойною наградою, что должно иногда с сжатым сердцем и с твердостью для искоренения зла не дорожить и тем, что нам любезно. Ежели бы земское ополчение не остановлено было в губерниях Харьковской, Курской, Орловской и Псковской, то до сих пор по примеру Малороссии было бы готово до 200 т. воинов, с помощью части регулярных войск могущих преградить или по крайней мере затруднять врагу обратный путь, по которому теперь приливается к нему беспрепятственно новая всякого рода подмога. Чего медлите вы? Пригласите все сии губернии к вооружению — ревность их наградит потерянное время. Все готовы, в две недели ополчится более ста тысяч войска, когда в один месяц и не при столь бедственной крайности Малая Россия вывела на границы свои до 60 тыс. большею частью конных казаков. Вы вождь, приобретший доверенность всех состояний — они ждут слова вашего. Не косните. Уверьтесь примером нашим в общей готовности жертвовать всем за царя и отечество. Когда и Манифест 18 июля не остановил нашего усердия, внушенного одною предосторожностью, то падение Москвы не окрылит ли рвения всех россиян? Уже я слышу, что Слободской губернии дворянство и без воззвания готовится последовать нашему подвигу. Одно ваше слово оживит благородное общество и прочих губерний. Повторяю вам, светлейший князь! Не косните. Спасение отечества требует от Вас решимости — ею торжествует враг, ею да погребется сила его в снега хладной, но пламенем любви к царю и отечеству горящей России. Бог пошлет верным своим благодать, вождю их победу над кичащимся врагом. Дерзайте. Но я забываюсь — мне ль подстрекать мужественного и мудрого военачальника к похвальному подвигу? Останавливаю перо мое и прошу, уважая доброе намерение, простить, ежели я перешел границу умеренности по неискусству в военном деле, о котором говорить только мне прилично. Итак, обращаясь в мою черту, нужным только нахожу известить в. св., что Полтав. губернии земское ополчение <...> уже совершенно сформировано и начальником оного избран генерал-майор князь Жевахов.

Дворянское ополчение стоит в готовности в Переяславле, Прилуке, Золотоноше и Пирятине. Благоволите распоряжаться [ся] оным, и если сего мало, то именем предводимого мною дворянства уверяю, что к защите престола и Отечества готовы все жертвовать и имением и жизнью...

P.S. Курьеры ваши часто чрез Полтаву и Лубны переезжают. Вспомните иногда, что близ них живет душевно Вам преданный, которому каждая строка ваша будет драгоценна, доказывая, что вы его еще не забыли...»

Русский поэт конца XVIII – начала XIX в. И.И. Дмитриев
Худ. Д.Г. Левицкий. 1790-е гг.

*Н.М. Карамзин – И.И. Дмитриеву,
11 октября 1812 г. Нижний [Новгород]*

“Любезнейший друг!

Выехав из Москвы в тот день, когда наша армия предала ее в жертву неприятелю, я нашел свое семейство в Ярославле и оттуда отправился в Нижний. Думаю опять странствовать, но только без жены и детей и не в виде беглеца, но с надеждою увидеть пепелище любезной Москвы: граф П. А. Толстой предлагает мне идти с ним и с здешним ополчением против французов. Обстоятельства таковы, что всякий может быть полезен или иметь эту надежду. Обожаю по-другу, люблю детей, но мне больно издали смотреть на происшествия, решительные для нашего отечества. Осудишь ли меня? По тому же побуждению я и в Москве оставался. Верю провидению. Не буду говорить много, хотя и с другом. Во всяком случае еще напишу к тебе отсюда. <...>

Жаль многого, а Москвы всего более — она возростала семь веков! В какое время живем! Все кажется сновидением. Прости, милый друг. <...>

Верный твой друг Н. Карамзин».

Н.М. Карамзин – брату, 16 октября 1812 г. Нижний [Новгород]

“Уверенный в Вашей неслестной родственной дружбе, мог ли я сомневаться и в искреннем участии, которое вы принимали в судьбе нашей? Не менее того я был тронут до глубины сердца, читая ваше дружеское письмо, в котором вы описываете ваше обо мне беспокойство. До сей минуты мы, слава Богу! здоровы. Вчера курьер от владимирского губернатора привез нам известие, что Наполеон совсем вышел из Москвы, подорвав Грановитую палату, и направил адские стопы свои к Смоленску, захватывая и Калужскую дорогу. Надобно ждать кровопролитной битвы. Злодей идет не по розам, а по трупам. Дело еще не кончилось, но кажется, что Бог не совсем оставил Россию. Жаль только, что дано повеление еще умножить ополчение новым набором шести человек со ста для уравниения наших губерний с Московскою! Авось либо это и отменится. Я ездил в свою деревню и видел много жалкого; не знаю, чем будем жить. Но главное то, чтобы спаслась Россия. Думаем остаться здесь на зиму — в крестьянских избах нельзя жить с детьми».

М.И. Кутузов – жене, 16 октября 1812 г. Без места

“Я, слава Богу, здоров, мой друг. Здесь, ей-Богу, все хорошо. Наполеон бегает по ночам с места на место, но по сю пору мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя.

Детям благословение. Верный друг Михайла Кутузов».

М.И. Кутузов – дочери и зятю, 17 октября 1812 г. Без места

“Парашинька, мой друг, с Матвеем Федоровичем и с детками, здравствуй! Я, слава Богу, здоров, но эти дни покою нет. Неприятель бежит из Москвы и мечется во все стороны, и везде надобно поспевать. Хотя ему и очень тяжело, но и нам за ним бегать скучно. Теперь он уже ударился на Смоленскую дорогу. Теперь вы далеко от театра войны и будьте спокойны. <...>»

Выбор направления движения Великой армии

Наступление французов в Петербургском направлении и по дорогам на Ярославль, Дмитров и Волоколамск, помимо прикрытия фуражиров и маркитантов, рассыпавшихся по Подмоскovie, вероятно, преследовало и иную цель. Судя по количеству войск и по энергии их движения, это могла быть и своего рода разведка боем на случай выступления всей Великой армии в направлении на Петербург. На этом настаивали маршалы, Наполеон колебался. Нападение части русской армии на войска Мюрата под Тарутино и их поражение показали французскому командованию, что движение на Петербург невозможно. Оставалось направиться на юго-запад. 4-й корпус Богарне был переведен с Петербургского направления на Калужское, где занял место авангарда.

*Дурные вести из Франции.
Худ. В.В. Верещагин. 1887–1895 гг.*

• Русское контрнаступление

Летопись в письмах

А.Я. Булгаков – И.П. Оденталю, 20 октября 1812 г. Москва

“Я так был озабочен, что с первым нашим курьером не успел к Вам написать, любезный Иван Петрович. Этого [курьера] не выпущу без подробного к Вам донесения. Я в Москве или, лучше сказать, среди развалин ее, гласно мщения требующих. Трудно было сюда въезжать. Мы оба с графом (Ф. В. Ростопчиным), сидя в дормезе, давали свободно течение горьким слезам. Из 9 тыс. с лишком домов осталось только 2655, между коими треть — маленькие домики и избы, так что надобно полагать 9/10 [домов] сгоревшими. В Пречистенской части только восемь домов, а в Пятницкой — пять. Грустно смотреть! Теперь вижу я, что Москва не город был, а мать, которая нас кормила, тешила, покоила, обогащала. Всякий русский, всякий христианин имел в виду в старости Москву, а после смерти — Царство Небесное! Из оставшихся домов нет ни единого, который не был бы разграблен. Церкви осквернены, обруганы, обращены в конюшни. Из Чудова [монастыря] выгнали мы лошадей, в Благовещенском соборе навалена была бездна бумаги, на которой Вам пишу, были бутылки, стояла бочка с пробками, мощи изувечены частью, частью же расхищены. Дмитрию-царевичу отрубили руки и голову. Повторены здесь ужасные сцены Робеспьерова времени. Девочки десяти лет изнасилованы на улицах. У женщин, которые имели кольца на руках, обрубали пальцы со словами «cela va plus vite comme cela!» (Так будет быстрее, чем иначе! — фр.) В Богородске по подозрению, что убиты там пять французов, взято пять мещан, двое расстреляны, двое повешены за ноги, а пятый погружен в масло, а потом сожжен живой на костре. Огнем сим изверги раскуривали трубки свои, певши песни. Ужасно рассказывать. Ярость [французов] еще более умножалась от злости, что не заключается мир, и от недостатка в хлебе и шубах. Офицеры были убиваемы, а генералы обруганы солдатами французскими, кои никого не слушали, что доказывается прокламацией самого Наполеона, где [он] сулит жесточайшие наказания.

Русские, сударь, герои. Гордиться должен тот государь, который имеет славу ими вла-
дычествовать. Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и ка-
лужскими. Бежит Наполеон, в двое суток сделал он с гвардией 150 верст, но [и] так не
далеко уйдет — мужики бегут за утомленною его армиею. Ужасны и хладнокровны мще-
ния наших крестьян, они тиранят жертвы свои, ловят их сами по дороге или покупают их
за последние деньги у казаков на мучение. Я, право, сердце имею доброе, но не пожалею
ни об одном. Нарышкин, мой приятель, служащий у графа П. А. Толстого, приехал из
армии. Он говорит, что французов мрет по 1 тыс. и 1500 в день. Бонапарте хотел уверить
всех, что Москва зажигалась по приказанию Ростопчина, что он же желал порядок, тогда
как варвар подкапывал Кремль и взорвал его, отъезжая. <...>

Изменников было человек 40, не более, почти все — бродяги, мартинисты или извест-
ные якобинцы, яко Ключарева сын, некоторые купцы из раскольников и тому подобные.
Большая часть вытребована императором в Петербург. Они составляли муниципалитет
Наполеона и имели для отличия перевязи — белые и красные ленты. Граф с сими лест-
ными знаками отличия заставил их сгребать под караулом снег на улицах впредь до по-
веления. Бедный граф очень огорчен несчастьем Москвы. Грешно будет императору не
сыпать деньгами, чтобы восстановить свой верный первопрестольный град. Неужели
будет сказано, что пришел кровопийца Наполеон и уничтожил в месяц столицу, столько
веков процветавшую? Как скоро присутственные места восстановятся, а они только раз-
граблены, то народ валить станет со всех сторон. Почта восстановлена со вчерашнего дня.
Пишите мне по-прежнему, любезнейший Иван Петрович. Умные ваши и любопытные
письма крайне будут меня радовать. Адресуйте на имя графское, с коим я живу. Получили
ли вы письма мои от 23-го сентября и 11-го октября из деревни графа Воронцова? О Вас
давно не знаю я ничего. Августин во Владимире и будет сюда для освящения вновь осквер-
ненных храмов Божьих».

А.И. Шургенев – П.А. Вяземскому, 27–29 октября 1812 г. С.-Петербург

“Вчера получил я, милый друг князь Петр Андреевич, письмо твое от 16-го октября из
Вологды, и несказанно обрадовался я, несмотря на то, что оно написано в унылом распо-
ложении духа. Северин не читал мне твоего письма к нему, но сказывал о содержании
оного, и я тогда уже, а еще более теперь, когда дела наши ежедневно и приметно поправ-
ляются, пенял тебе мысленно за отчаянье, в которое ты погрузился. Зная твое сердце, я
уверен, что ты не о том, что потерял в Москве, но о самой Москве тужишь и о славе имени
русского. Но Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщенья найдем мы источник
славы и будущего нашего величия. Не развалины будут для нас залогом нашего искупле-
ния, нравственного и политического, а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно
осветит нам путь к Парижу. Это не пустые слова, но я в этом совершенно уверен, и собы-
тия оправдают мою надежду. Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой
оборот, который должен кончиться торжеством Севера и блистательным отомщением за
бесполезные злодейства и преступления южных варваров. Ошибки генералов наших и
неопытность наша вести войну в недрах России без истощения средств ее могут более
или менее отдалить минуту избавления и отражения удара на главу виновного, но посто-
янство и решительность правительства, готовность и благоразумие народа и патриотизм
его, в котором он превзошел самих испанцев (ибо там многие покорялись Наполеону, и
составлялись партии в пользу его, а наши гибнут, гибнут часто в безызвестности, для чего
нужно более геройства, нежели на самом поле сражения), наконец, пример народов, уже
покоренных, которые, покрывшись стыдом и бесславием, не только не отразили удара,
но даже и не отсрочили бедствий своих (ибо конскрипции съедают их, и они, участвуя во
всех ужасах войны, не разделяют с французами славы завоевателей-разбойников), — все
сие успокаивает нас насчет будущего, и если мы совершенно откажемся от эгоизма и ре-
шимся действовать для младших братьев и детей наших и в собственных настоящих делах
видеть только одно отдаленное счастье грядущего поколения, то частные неудачи не оста-
новят нас на нашем поприще. Беспрестанные лишения и несчастья милых ближних не
погрузят нас в совершенное отчаяние, и мы преднасладимся будущим, и по моему увере-

Расстрел русских патриотов в 1812 г.
Раскрашенная гравюра И. Иванова

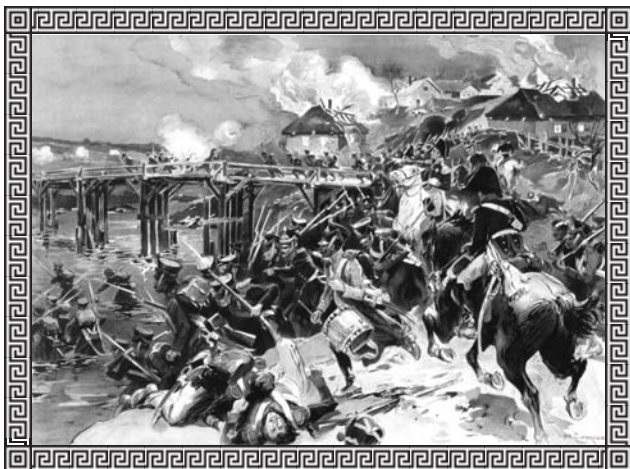
нию, весьма близким воскресением нашего отечества. Близким почитаю я его потому, что нам досталось играть последний акт в европейской трагедии, после которого автор ее должен быть непременно освистан. Он лопнет или с досады, или от бешенства зрителей, а за ним последует и вся труппа его. Сильное сие потрясение России освежит и подкрепит силы наши и принесет нам такую пользу, которой мы при начале войны совсем не ожидали. Напротив, мы страшились последствий от сей войны, совершенно противных тем, какие мы теперь видим. Отношения помещиков и крестьян (необходимое условие нашего теперешнего гражданского благоустройства) не только не разорваны, но еще и более утвердились. Покушения с сей стороны наших врагов совершенно не удались им, и мы должны неудачу их почитать блистательнейшею победою, не войсками нашими, но самим народом одержанною. Последствия сей победы невозможно исчислить. Они обратятся в пользу обоих состояний. Связи их утвердятся благодарностью и уважением, с одной стороны, и уверенностью в собственной пользе, с другой. Политическая система наша должна принять после сей войны также постоянный характер, и мы будем осторожнее в перемене оной. <...> Будет время, мы свидимся, любезный друг, и на развалинах Москвы будем беседовать и вспоминать прошедшее, но, конечно, прежде должно приучить себя к мысли, что Москвы у нас почти нет, что сия святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаниями. Но есть еще остатки древнего ее величия — мы будем с благоговением хранить их. Я также потерял много с Москвою, потерял невозвратимое, например, все акты, грамоты, библиотеку, но еще, право, ни разу не жалел об этом, еще менее о другом движимом имуществе и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыд нашествия иноплеменников в крови их.

Дела наши идут очень хорошо. Неприятель бежит, бросает орудия и зарядные ящики, мы его преследуем уже за Вязьмою. Последние донесения князя Кутузова очень утешительны. Наполеон желает спасти, кажется, одну гвардию; армию, кажется, он решил жертвовать. Ты, верно, читаешь все известия в «Северной почте», и для того я тебе не посылаю их, но пришлю копии с многих интересных перехваченных у неприятеля писем. Подпишусь для тебя на «Сын Отечества», в котором помещаются любопытные статьи, назначение сего журнала было помещать все, что может ободрить слух народа и познакомить его с самим собою. Какой народ! Какой патриотизм и какое благоразумие! Сколько примеров высокого чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви к отечеству!

После буду писать более и чаще.

Не забывай и ты меня. <...>

Весь твой Тургенев».

*Штурм Полоцка.
Худ. Я.С. Самокиш*

*Отставшие.
Худ. В. Коссаж, Логтовья открытка. Назг. XX в.*

И.Б. Пестель – сыну, 5 ноября. С.-Петербург

“<...> Я был тронут до слез, когда граф Аракчеев рассказывал мне, что главнокомандующий кн. Кутузов дал тебе шпагу «за храбрость» на поле сражения (П. И. Пестель был награжден за Бородинское сражение — прим. сост.). Этой наградой ты обязан твоим заслугам, а не протекции и милости. Вот, мой друг, как вся наша фамилия, то есть мой дед, мой отец и я, — мы все служили России — нашему отечеству. Ты едва вступил в свет, а уже имел счастье пролить кровь свою на защиту твоего отечества и получить награду, которая блистательным образом доказывает это. <...> В настоящее время более, чем когда-либо, славно быть подданным России. Мы готовы истребить французскую армию, не выпустив ни одной живой души. Ты должен уже знать все подробности великих подвигов наших армий. Возблагодарим провидение и благословим превосходные войска и достойную уважения нацию, которые нам дадут мир и покой, избавив нас от чудовищ, которые нарушили их и заставили нас испытать все несчастья, какие только возможно. <...>»

Д.С. Дохтуров – жене, 7 ноября 1812 г. Ок. Красного

“Здравствуй, милый и любезный друг. Благодаря Бога, я совсем здоров, и мы преследуем неприятеля, который бежит, как заяц. В настоящую минуту мы за Красным и завтра вступим в Могилевскую губернию. Всякий день мы забираем множество пушек и пленных. Вчера и третьего дня взято более 12 тысяч в плен, и что невероятно, более 150 пушек! Все это совершается рукою Всевышнего. Ни человеческое мужество, ни ум не в состоянии произвести подобное чудо. Великий Наполеон бежит, как никто еще не бежал. <...> Мы надеемся, что скоро он будет совершенно истреблен. Он лично присутствовал третьего дня при одном небольшом деле, которое происходило у нас. Говорят, что он бежал со всех ног с своими приближенными, оставив за собою несколько отрядов, которые были настигнуты, и вчера арьергард маршала Нея был взят целиком без малейшего затруднения. Какое счастье! <...> Мы никогда не дерзали помышлять о подобном ряде побед и о подобных бедствиях для наших врагов».

М.И. Кутузов – жене, 19 ноября 1812 г. Перешед Березину

“<...> Не могу сказать, что бы я был весел — не всегда идет все так, как хочется. Все еще Бонапарте жив. Детям благословение. Верный друг Михайла Голенищев-Кутузов».

М.И. Кутузов – жене, 20 ноября 1812. Без места

“Я вчерась был скучен, и это грех. Грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон, но, кажется, можно и за то благодарить Бога, что она доведена до такого бедного состояния».

- **Рост религиозной активности русского общества**

Император Александр I – прусскому королю Фридриху-Вильгельму III

“...Сожжение Москвы наконец осветило мой разум и Божье решение наполнило меня теплом веры, которого я никогда до того не ощущал. С этого момента я учился узнавать Бога так же, как Он обнаружил себя через Библию, с этого момента я пытался понимать, как я понимаю теперь, Его волю и Его закон, с этого времени я стал другим человеком...”

(Д.М. Хартли. Александр I. С. 168.)

Д.С. Дохтуров – жене, 5 декабря 1812 г. Местечко Борунье

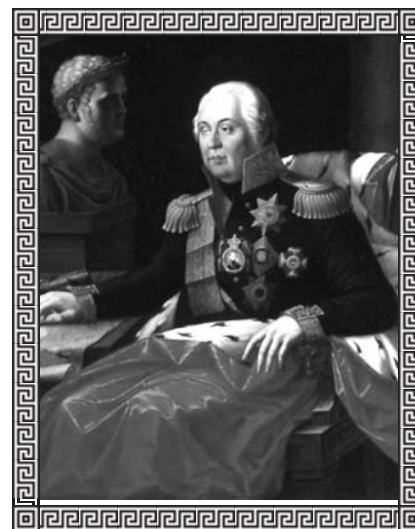
“Здравствуй, друг мой Машенька. Благодаря Бога, я здоров, и уже несколько дней как я с корпусом пришел сюда, от Вильны только 20 миль. Вильна уже занята несколько дней нами, а неприятель, я думаю, теперь перешел чрез Неман. Мы его преследуем за границу, то есть Чичагов и Витгенштейн, и все партизаны, и казаки. Неприятель перешел сию реку не так, как прошел в первый раз, без артиллерии и кавалерии. Осталась у него только малая часть гвардии, да и то в великом расстройстве. Никогда еще не видали подобного неустройства и неповиновения. Бог наказал их за все неистовства и мерзости, деланные сими злодеями в Москве. Представить себе не можешь, друг мой, такой страшный спектакль, как начиная от Вязьмы до Красного и от Борисова до Вильны. Нет почти шагу, где бы не было брошенных орудий, ящиков и разного экипажа, и сверх сего, великое множество тел умерших от голоду и замерзших лошадей.

Бог явно карает их за их беззакония. Во всякой деревне находим голодных и ободраных неприятелей без оружия, которые за счастье считают попасться в плен, уверенные, что их кормить будут. Я еще в жизни не видел ничего подобного. Я взял из жалости под Красным молодого итальянца. Он не ел несколько дней и, верно бы, замерз, ежели бы Бог не привел меня на его счастье. Теперь он здоров и уже распевает. Я его одел, как только можно было. Приехав сюда, нашел несколько сот пленных, кои сами пришли, в том числе 18 офицеров. Я одного взял к себе, у него озноблены ноги и в прежалком положении, но Коширевский меня уверяет, что он выздоровеет. Еще тут же взял немца с немкой, которые умирали также с голоду. Нельзя не сжалиться на их несчастное положение. Вот, душа моя, как неожиданным образом кончается сия кампания, к великой славе нашего оружия и патриотизма целой России. <...>»

- **Александр I и М.И. Кутузов — парадоксы взаимоотношений**

Из исследования французского историка

Недовольный медлительностью фельдмаршала, Александр намеревается больше не расставаться с армией, вблизи наблюдать за ним и сам отдавать ему распоряжения. Кутузов в полной парадной форме, при всех регалиях встречает императора на пороге дворца. Они обнимаются на глазах всей армии. Царь, после победы у Красного пожаловавший Кутузову титул князя Смоленского, награждает его орденом Святого Георгия I степени. Но на балу, данном в честь генералиссимуса, говорит даме, с которой танцует: «Надо же было доставить удовольствие старику». А когда Кутузов, по обычаю, установившемуся со времен Екатерины Великой, приказывает сложить к ногам Его Величества отнятые у врага знамена, Александр хмурится и произносит вполголоса, но так, что слышат стоящие рядом с ним: «Старый комедиант!» Позже, нарушив обычную сдержанность, он признается Вильсону (прикомандированному Лондоном

*Портрет М.И. Кутузова
на фоне бюста Александра I.
Худ. И.И. Олешкевич, 1813–1814 гг.*

к русской армии английскому генералу — прим. сост.), что не доверяет военным талантам нового князя Смоленского и пожаловал его этим титулом исключительно «в угоду московскому дворянству»...

Большинство военачальников торопят его сложить оружие, поскольку враг изгнан с территории России. Особенно настаивает на этом Кутузов, которому претит посылать за пределы России русские войска, поредевшие в сражениях, измотанные переходами... Он почтительно убеждает в этом царя, но наталкивается на стену. Александр непоколебим: «Прочный и непоколебимый мир можно установить только в Париже»....

По приказу царя русские войска покидают Вильну и вступают на территорию герцогства Варшавского. По прибытии «освободителей» поляки не знают, радоваться ли им уходу французов или бояться русских... Александр откладывает урегулирование польского вопроса под предлогом, что не хочет раздражать Берлинский и Венский кабинеты. На самом же деле он уже принял решение: он считает, что Россия, победив Наполеона, мечом и кровью завоевала право на владение Варшавским герцогством.

В Калише, куда он перенес главную квартиру, военачальники во главе с Витгенштейном и Блюхером настаивают на переносе военных действий и на другую (прусскую — прим. сост.) сторону Эльбы. «Дедушка» Кутузов, по обыкновению, противопоставляет их горячности осмотрительность, сонливость, рассчитанную медлительность. Он предлагает дать армии отдых и дожидаться подходов резервов. «Самое легкое дело, — пишет он, — идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови»...

26 марта (7 апреля) 1813 г. Александр выступает во главе своих войск. Перед тем как пересечь границу России, он заявляет в обращении к армии: «Мы стоим за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства».

Народ при его виде ликует. Ему преподносят лавровый венок. Он посылает венок Кутузову со словами: «Эти дары принадлежат Вам». С тех пор, как болезнь фельдмаршала приобрела опасный оборот, Александр удваивает свое внимание к нему, как будто последними почестями стремится искупить недооценку его в прошлом. В Бунцау вконец измученный Кутузов окончательно слег. Он умирает 16(28) апреля 1813 г. «Не Вы одна проливаете о нем слезы, — пишет Александр вдове фельдмаршала, — С Вами плачу я, и плачет вся Россия».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 169–173.

Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому

(Отрывок)

А.Ф. Воейков

М.И. Кутузов. Польская серебряная монета из серии «Великие полководцы». 2010 г.

Князь славы! именем народов и царей,
Иноплеменничья избавившихся плена,
Объемлю я твои священные колена —
О, будь благословен, верховный вождь вождей,
Завоевавший гроб священных свободы,
Расторгший рабства цепь и сокрушивший бич!
Тебе со плесками воскликнули народы;
Тебе звук арф, глас труб, торжество и славы клич:
Ты не отечества — вселенная спаситель!

• Оценка стратегии и тактики контрнаступления русской армии осенью и зимой 1812 г.

Комментарий историка

К концу 1812 г. все российское общество и народ глубоко уважали М.И. Кутузова, но это вовсе не означало, что военное общество и образованные люди не позволяли себе критики в его адрес. Александр I, не уволивший Кутузова после сдачи Москвы, находясь в подъеме религиозно-мистических чувств, полагал, что все успехи русской армии осенью и зимой 1812 происходят не столько благодаря Кутузову, сколько вопреки ему. Всем движет Провидение, и именно Христу Спасителю обязаны россияне спасением (неслучайно

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780–1831)

Прусский военный писатель и теоретик. Своим сочинением «О войне» (1832) произвел переворот в теории и основах военных наук. Участник Наполеоновских войн. В походе 1806 г. был адъютантом принца Августа Прусского и вместе с ним захвачен в плен. В 1810–1812 гг. преподавал военные науки на следному принцу прусскому. В 1812 г. перешел на русскую службу. К этому времени относится составление его записки об опасности союза с Францией, появившейся впервые в «Leben Gneisenaus» Пертца.

у императора позже появится идея возвести на пожертвования всех русских людей храм Христа Спасителя, как памятник победе в 1812 г.) Подобные мысли обуревали тогда многих россиян, война и ее беды способствовали обращению к Богу русского образованного общества, до этого несчастья в образованной среде господствовал рациональный подход, вдохновленный эпохой Просвещения.

Помимо этого, офицеры критиковали просчеты командования. Участник войны 1812 г. генерал Бенкендорф в своих мемуарах отмечает, что многие (и Бенкендорф с ними соглашается) указывали на недостаточно энергичное преследование остатков Великой армии, которое вел Кутузов.

Оценка действий Кутузова прусским военным теоретиком, участником событий

Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию. Правда, русские генералы часто проявляли нерешительность ..., когда следовало захватить бегущих, но все же заслуживает удивления энергия общего натиска при огромном масштабе фронта.

(Карл фон Клаузевиц. «1812 год». — М., 1937, с. 149.)

Мнение отечественного историка

Разгром наполеоновской армии в России должен был стать к общеевропейскому восстанию угнетенных народов против французского владычества. Наполеон не допускал даже мысли о чем-либо подобном. В беседах с Коленкуром он высказывал надежду на то, что армия, достигнув Вильно, сумеет здесь остановиться и с помощью подкреплений создать мощный барьер, о который разобьется русская волна.

Но был ли он сам в этом уверен? Подсознательно его терзали дурные предчувствия. Возможно, что его воображение рисовало уже трагический конец необычайной судьбы. В Варшаве он произнес фразу, ставшую знаменитой: «От великого до смешного — только шаг»...

Через два дня после обнародования 29-го бюллетеня (бюллетень Великой армии, сообщающий о конце кампании 1812 г. и об отступлении из России — прим. сост.), 5 декабря, Наполеон в сопровождении Коленкура умчался в Париж, оставив армию на Мюрата.

В выборе главнокомандующего сказалось то же монархическое перерождение Бонапарта. В 1799 г. он оставил египетскую армию самому способному из генералов — Клеберу. В 1812 г. он поручил ее не Даву, наиболее крупному полководцу, даже не Евгению Богарне, а старшему по монархической иерархии — королю Неаполитанскому Мюрату. Впрочем, ни Даву, ни Евгений, ни Мюрат, уже ничего не могли изменить.

(А.З. Манфред. Наполеон Бонапарт. — М., 1980. С. 701.)

? Вопросы

1. Составьте перечень основных событий, относящихся к контрнаступлению русской армии в 1812 г.
2. Каковы, на ваш взгляд, были причины успехов русской армии?
3. Какие причины не позволили Наполеону выиграть кампанию 1812 г.?
4. Проследите по письмам участников событий и другим документам, касающимся событий 1812 г., как менялось настроение русского общества?
5. Каковы были взаимоотношения Кутузова и Александра I, судя по информации, приведенной в данной главе?
6. Как вы оцениваете действия М.И. Кутузова как главнокомандующего русской армией?
7. Был ли объективный момент в критике Кутузова в Тарутинском лагере другими русскими генералами?
8. Почему Наполеон, часто прибегавший к антифеодальным реформам в оккупированных им странах для роста авторитета Франции, не прибег к такой мере в России?
9. Была ли в этом ошибка императора всех французов как политика?
10. Как вы оцениваете действия русского царя Александра I в течение всей кампании 1812 г.?
11. Прокомментируйте позицию А.С. Пушкина, выраженную в стихах, взятых эпиграфом к данной главе:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?

А.С. Пушкин

12. Подведите итоги русской кампании 1812 г. Каковы, на ваш взгляд, были внешнеполитические задачи России? Обоснуйте свое мнение.

